

Комитет по образованию Санкт-Петербурга

Государственное бюджетное
нетиповое образовательное учреждение
«Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных»

В год 80-летия начала Великой Отечественной войны
и начала блокады Ленинграда

НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга
на IX региональной олимпиаде по краеведению
(8-11 классы)
2020 года

ВЫПУСК 29

Санкт-Петербург
2021

Серия основана в 1991 году

Автор-составитель: И.Г. Васильева

Под общей редакцией:

В.И. Аксельрода

Э.И. Архиповой

С.Д. Мангутовой

Т.Г. Смирновой

Автор предисловия:

Мангутова Светлана Дмитриевна

Компьютерная вёрстка: И.В. Петров

Наследники великого города : фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга на IX региональной олимпиаде по краеведению (8–11 классы) в 2020 году. – СПб. : ГДТЮ, 2021. – Вып. 29. – 136 с.

- © Государственное бюджетное нетиповое образовательное учреждение «Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных», 2021
- © Авторы публикаций, 2021
- © Валентин Лебедев, обложка, 1996

Содержание

Мангутова С.Д. Путь длиною в тридцать лет.	5
--	---

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

Алексеевская Анастасия. «Неизвестный комиссар»	8
Васильева Анастасия. Эхо войны: обретенная судьба без вести пропавшего Евгения Лобанова.	16
Шарова Ксения. Балерина Вера Костровицкая: блокадные страницы биографии.	24
Крюков Дмитрий. «И я была на той войне...»	39
Говорова Арина. «Мы живём вдали от Ленинграда дружную веселую семьёй...»	48
Белобородова Елизавета. О чем рассказали списки Легаевского интерната или Список как исторический источник	52

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

Сидоранова Анастасия. Георгий Альфредович Розай. По следам жизни одного танцора.	56
Грабарева Екатерина. Петербургские страницы жизни основоположника современной сейсмологии Б. Б. Голицына	65
Илларионова Анастасия. «Звездный путь к сердцу России»	75
Андреева Анна. Алексей Алексеевич Ильин и его картографические заведения.	83

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Копылова Мария. История адресной системы Петербурга или «Петербургская чётность»	92
Басукинский Даниил. Календарь учащихся «Товарищ» из фондов школьного музея	98
Платовских Полина. Гимназия и училище (по страницам истории семьи) ..	105
Калинина Марина. Проблема атрибуции предметов фарфоровой коллекции китайской династии Мин в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН..	113
Гун Олеся. Семья Гунов в Петергофе	119

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа IX Региональной олимпиады по краеведению (8–11 классы)	130
Список сокращений	135

Путь длиною в тридцать лет

21 апреля 1991 года состоялись Первые городские краеведческие чтения школьников Санкт-Петербурга. Путь длиною в тридцать лет – это повод для того, чтобы подвести некоторые итоги. Краеведение всегда было важной составляющей образовательного и воспитательного процесса Санкт-Петербургского Дворца творчества юных. С введением в школьные образовательные программы нового предмета «История и культура Петербурга», с возвращением городу его исторического имени повышается интерес к изучению истории родного города. Движение «Юные за возрождение Петербурга» объединило учреждения дополнительного образования города, а одной из приоритетных программ движения стала программа «Юный исследователь-краевед». Во Дворце открывается Юношеский университет Петербурга. Краеведческий компонент является главным в деятельности клуба «Петрополь».

Краеведческие чтения школьников поддержали ведущие специалисты города: ученые, журналисты, работники библиотек и музеев. Под свое крыло движение юных краеведов взяли Международный фонд имени Д. С. Лихачева, Всемирный клуб петербуржцев, Ассоциация историков и исследователей битвы за Ленинград в годы Второй мировой войны, Институт Петербурга и другие организации. И уже в 1993 году вышел первый сборник материалов лучших работ по итогам первых и вторых чтений, получивший название «Наследники Великого города».

В 1995 году в помощь юным краеведам и их руководителям было издано первое методическое пособие «Свидание с Клио» под редакцией Г. С. Усыскина, бессменного редактора всех первых сборников. Практика краеведческой методической поддержки педагогов продолжается. Сегодня создана мощная и эффективная методическая база для работы со школьниками и педагогами города, а Дворец является признанным центром школьного краеведения в Петербурге.

Всего за тридцать лет в сборниках было опубликовано 678 статей. За это время изменился статус конференции, в 2011 году чтения стали региональной олимпиадой школьников, что является фактом признания высокого уровня достижений как на городском, так и всероссийском уровне, успешных выступлений на олимпиадах, конференциях, чтениях, конкурсах.

Будучи в течение многих лет редактором сборника, хочу отметить, что уровень исследований неизменно растет. Авторы обращаются не только к печатным источникам, они успешно работают с материалами государственных, школьных и семейных архивов, активно используют сетевые ресурсы. Хронологически фокус иссле-

дований в большей степени сместился на менее изученный XX век, и это совершенно оправдано. Неизменным осталось главное – интерес юных исследователей к истории своего города, чувство сопричастности к прошлому и настоящему своей страны, ощущение «дыхания времени».

В 29 сборнике «Наследники великого города», который вы держите в руках, опубликованы самые интересные, глубокие, опирающиеся на исторические документы и свидетельства, работы участников IX региональной олимпиады школьников по краеведению.

Традиционно ряд ученических исследований открывают малоизвестные страницы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Среди них работы, посвященные защитникам и жителям города. Анастасия Алексеенкова пишет о комиссаре 5-й дивизии народного ополчения Н. А. Смирнове, чье имя носит одна из улиц Петербурга, Ксения Шарова – о балерине и педагоге В. С. Костровицкой, Дмитрий Крюков – об учителе русского языка и литературы колпинской школы Н. Н. Морозовой. Также в сборнике представлены фрагменты исследований о судьбах детей и сотрудников детского сада № 20, эвакуированного из блокадного Ленинграда, выполненные воспитанниками клуба «Петрополь» ГДТЮ в рамках проекта «Спасенное детство».

Ярким примером грамотного использования интернет-ресурсов, в том числе зарубежных, для поиска сведений о пропавшем без вести родственнике стала работа Анастасии Васильевой «Эхо войны». Поиск проводился по всем базам данных Министерства обороны РФ: «Мемориал», «Память народа, 1941–1945», «Дорога памяти», но самая важная информация была обнаружена в доступной теперь немецкой базе данных советских военнопленных (<https://ru.stsg.de>).

Большинство работ в разделе «Имя в истории города» посвящено биографиям ученых: выдающегося физика, основоположника современной сейсмологии Б. Б. Голицына, картографа и нумизмата А. А. Ильина, астронома и геодезиста Ф. Ф. Витрама. И это не случайно. Биографии деятелей науки часто остаются в тени их открытий. По сравнению с гуманитариями ученые в области точных наук бывают более скупы на воспоминания, тем ценнее работы юных краеведов. Особо хотелось бы отметить скрупулезное исследование Анастасии Илларионовой о сотруднике Пулковской обсерватории Ф. Ф. Витраме, которая буквально по крупицам собрала и восстановила страницы жизни ученого.

Несомненно, значительным вкладом в развитие не только школьного, но и петербурговедения в целом, можно считать работу Марии Копыловой, которая детально изучила этапы становления адресной системы Санкт-Петербурга.

По-прежнему актуальной является тема истории семьи, привлечение домашних архивов, атрибуция предметов, передающихся по наследству, в сопоставлении с историческими исследованиями и документами.

Невозможно в коротком предисловии перечислить всех авторов, уже сам факт включения в сборник говорит о качестве исследований. Хочется поблагодарить всех руководителей работ, а также родителей, поддерживающих юных исследователей.

Познакомиться с изданиями можно в библиотеке Санкт-Петербургского Дворца творчества юных. Здесь же имеется база данных с детальной постатейной росписью всех сборников. В ближайшем будущем этот ресурс будет доступен на сайте Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных.

Светлана Дмитриевна Мангутова,
кандидат педагогических наук,
заведующий библиотекой
Санкт-Петербургского городского
Дворца творчества юных

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

Алексеевкова Анастасия

9 класс, ГБОУ СОШ № 560

Выборгский район

(руководители – С. И. Шустикова,
С. А. Яблоков)

«Неизвестный комиссар» (восстановленные страницы биографии комиссара 5-й дивизии народного ополчения Н. А. Смирнова)

Н.А. Смирнов в Петродворце.
1941 г.

Николай Смирнов родился в 1911 году в деревне Яблоновка на Малой Охте. Используя карту за 1911 год, я установила, что в начале XX века существовали две деревни – Большая Яблоновка и Малая Яблоновка (Охтинский пригородный участок).

По данным «Выписи из метрической книги» за 1911 год [2], обнаруженной мною в Государственной музее истории Санкт-Петербурга, день рождения Николая – 4 октября (по новому стилю – 17.10). Его родителями были крестьяне Чухломского уезда Костромской губернии Алексей Николаевич Смирнов и его жена – Наталья Никитична. 9 октября мальчика крестили в Екатерингофской церкви (не сохранилась).

С 1924 года Н. Смирнов воспитывался в детском доме за Нарвской заставой. После Гражданской войны в одном только Московско-Нарвском районе насчитывалось 14 школьных детских домов [1, с. 74]. Его детство было трудным, что закалило его характер. Первые шаги в образовании Николай начал делать еще в детдоме. Однако точно известно, что в 1927 году он поступил в школу ФЗУ при заводе «Красная заря» на Выборгской стороне [15].

В 1920-е годы в условиях безработицы требовалось ограничивать прием на работу. Администрация завода не имела права «принимать без Биржи Труда никого, за исключением некоторых категорий рабочих высокой квалификации, и не ниже 8-9 разряда... За нарушение ... Заводуправление может быть привлечено к уголовной ответственности» [18]. Поэтому выдвигались специальные условия и для приема в ФЗУ. Сначала ленинградская биржа труда проводила регистрацию подростков, оканчивающих трудовые школы, для чего надо было предоставить много документов [25]. Но и после регистрации не было гарантировано попадание в школы ФЗУ. Как писали в газетах за 1929 год, из 20 000 зарегистрированных удалось отобрать лишь 5 000 [22].

Удостоверение об окончании ФЗУ (№ 930) Н. Смирнов получил 30 июня 1929 года. В документе значится, что юноша прослушал полный теоретический курс и 3 года проработал в производстве по слесарно-механической специальности, ему был присвоен 6 разряд [14]. Интересно, что в более поздних документах есть расхождения относительно уровня образования Н.А. Смирнова. В Трудовой книжке в графе «Образование» записано «начальное» [13]. А в Списке членов Политотдела Выборгской дивизии народного ополчения – «7 л» [7], что вряд ли соответствовало действительности. Николай Смирнов работал по специальности еще в ФЗУ (с 6.09.1926 г. по 15.10.1929 г.), затем был переведен на должность механика, в которой проработал до 27.05.1931 г. – до его перевода в комитет комсомола [12].

Анализируя исторические обстоятельства тех лет, можно сделать вывод, что Николай Смирнов провел свои юные годы в тяжелых условиях: лишения в годы революции и Гражданской войны, сиротство, детский дом. Однако ему повезло: школа ФЗУ стала для молодого человека «социальным лифтом», позволившим не только получить образование, но и определить его профессию, встать на ноги и найти свое место в жизни.

«Был принят в комсомол...»

Сейчас уже невозможно установить, кто был для Николая Смирнова образцом для подражания, но он сделал для себя верный выбор. В 1928 году он вступил в комсомол и начал активно заниматься общественной работой. Выполняя все более сложные поручения, «стал звеновиком ячейки пробных схем. Имея блестящие производственные показатели, он прекрасно поставил работу своего маленького звена». И дальше продолжал работать над собой. Формированием своей личности он занимался осознанно. Товарищи приводили слова Николая: «Я...знаю, что только тот может носить звание члена комсомола, кто теоретически и практически является передовым» [24].

В 1930 году Н. Смирнов был избран в комитет комсомола завода. В 1931 году его выбрали в «члены-культпропом». До него это направление работы предыдущим руководством было ослаблено [19]. Благодаря энергии и организаторскому таланту Николая, комитет начал обрстать новым комсомольским активом, и положение исправилось. Затем Смирнова выбрали «производ-сектором». И вновь благодаря его таланту вскоре в цехах ощутили производственный подъем: «Сотни рацпредложений, соцсоревнование, рост комсомольских молодежных бригад, перевыполнение программы этими бригадами, и, наконец, досрочное выполнение пятилетки в два с половиной года, за что завод награждается орденом Ленина – все это с помощью комсомольской организации завода, руководимой таким комсомольцем как Коля Смирнов» [24].

Сам Николай нередко в этот период становился автором агитационных заметок в заводской газете, призывая комсомольцев решать актуальные задачи 1930-х годов: «Комсомол, вооружись техникой» [26], «Комсомол – в поход» [27], «Разогнать лавочку спекулянтов» [28]. В том же 1931 году Николай Смирнов вступил в ряды ВКП(б), был избран секретарем комитета комсомола завода. А уже в 1933 году его, по направлению ЦК ВЛКСМ, мобилизуют на укрепление совхозов: посылают помощником начальника МТС зерносовхоза «Азов» [10].

Анализ представленных материалов позволяет сделать вывод, что Николай Смирнов искренне принимал идеи и духовные ценности своего времени, активно и с удовольствием занимался общественной комсомольской работой, пользовался уважением и любовью товарищей, проявлял инициативу и, в результате, перешел с рабочей специальности на освобожденную комсомольскую работу.

«Стал работать по комсомольской и партийной части...»

Помимо детства, наименее известным отрезком жизни Н. А. Смирнова является период 1935–1941 гг. Обычно его биография представлена так: «Через три года вернулся в Ленинград, в 1939 г. стал вторым секретарем райкома ВКП(б)» [16, с. 344]. Однако, как мне удалось выяснить, командировка Н. А. Смирнова в Днепрпетровск закончилась раньше: уже с 1 ноября 1935 г. по 12 апреля 1936 г. он проходил воинскую службу в качестве курсанта полковой школы [14]. Затем он вернулся в Ленинград, некоторое время работал в Выборгском РК ВЛКСМ заведующим отделом учащейся молодежи [11], позже сначала вторым, а потом первым секретарем райкома комсомола. И не просто секретарем-функционером, а настоящим молодежным лидером. Мало кто знает, что появление на Выборгской стороне на месте бывшей свалки сада имени Карла

Маркса (ныне – Сампсониевский) и стадиона «Красная заря» – заслуга Смирнова. Об этом вспоминал Павел Федорович Кабанов – бывший секретарь парткома завода «Красная заря».

В октябре 1937 года Смирнов вернулся на родной завод и продолжил свою трудовую биографию и общественную деятельность: был выбран зам. секретаря комитета ВКП(б), в июле 1938 г. – секретарем парткома [13]. В феврале 1939 года Н. Смирнов в числе других заводчан был делегатом конференции Выборгской районной организации ВКП(б) [21]. А в марте он представлял Ленинградскую партийную организацию на XVIII партсъезде в Москве. Для молодого человека это было большим событием в жизни. Смирнов с восторгом рассказывал на заводском партийном собрании своим товарищам об этом [23].

Вскоре после возвращения со съезда Н. А. Смирнову предложили перейти на работу в Выборгский РК ВКП(б). В июле 1939 года он вступил в должность «заведующего орг.-инструкторского отдела», в марте 1940 г. он стал уже вторым секретарем райкома [13]. В январе 1941 г. был командирован на Ленинские курсы ЦК ВКП(б). В качестве студента Н.А. Смирнов и встретил Великую Отечественную войну.

«В июне 1941 г. был призван...»

Сообщение о начале войны 22 июня 1941 года застало Н. А. Смирнова больным в постели. «Но, преодолевая боль, он сразу же отправился на призывной пункт» [17, с. 120].

Третий полк 5-й ДНО формировался в зданиях студенческого городка по Лесному проспекту, в него была влита часть василеостровцев, на фронт выступил вечером 12 сентября. «Прощаясь с семьей, Смирнов положил в карман гимнастерки фотокарточку: она запечатлела последний мирный летний день, сына Алёшу, солнце, лес...» [20].

На основе документов Ленинградской армии народного ополчения из фондов ЦГАИПД СПб удалось установить, что Николай Алексеевич Смирнов, 1911 года рождения, партбилет № 2442738, проживающий по адресу: Ленинград, Лесной пр., д. 61, кв. 56, первоначально был заместителем начальника отдела политпропаганды N-ской Выборгской дивизии Народного ополчения; военное звание – батальонный комиссар [9].

Но быстро ухудшающаяся обстановка на фронте вносила коррективы в военные биографии ленинградцев.

В этом отношении интересно сравнить два машинописных документа:

- Сведения на работников ОПП Выборгской N-ской дивизии и замполитов по политчасти на 9 июля 1941 г. [7].

- Сведения на работников ПО Выборгской Н-ской дивизии и военкомов полков на 23 июля 1941 г. [8].

Первый список к вышеперечисленным сведениям добавляет информацию о службе в РККА. А также здесь имеется графа «Какие имеет награды»: заполнено «не имеет». Второй список составлен на основе первого: поверх напечатанного текста внесены поправки черными чернилами (видимо, печатать новый было некогда или некому). В нем Н. А. Смирнов числится уже начальником политотдела дивизии. И запись про награды, как и про место рождения, явно зачеркнута!

Еще больше загадок таят в себе различные источники, описывающие бои на Пулковских высотах в сентябре 1941 года. Прежде всего, следует отметить расхождения в сведениях о номерах воинских частей, в которых служил Н. А. Смирнов. Удалось установить, что это формирование несколько раз меняло свое название. На момент гибели Н. А. Смирнова дивизия, в которой он сражался, носила название «5-я дивизия народного ополчения» (с 09.09.1941), а «13-й стрелковой дивизией» она стала лишь после реорганизации 24.09.1941 г., когда вошла в состав действующей армии (комдив – генерал-майор П. А. Зайцев).

Следующая проблема – установление точной даты гибели. Сопоставление всех источников позволило сделать вывод, что самым убедительным из них является запись в «Книге учета воинских и гражданских захоронений» из архива Пискаревского кладбища, сделанная непосредственно в 1941 году: 23 сентября [6]. Этот же документ является окончательным ответом на вопрос о месте захоронения Н. А. Смирнова: комплощадка Пискаревского мемориального кладбища. Хотя в документе ЦАМО о безвозвратных потерях указано, что Н. А. Смирнов погиб у с. Камень и «Эвакуирован неизвестно куда» [4], что является недостоверной информацией. Ошибочными являются и данные в документах Военного Комиссариата Василеостровского района, составленные в 1967 г. [3], и в Списке военнослужащих, захороненных на Мемориальном братском кладбище «Остров Декабристов» [5].

В книге из архива Пискаревского кладбища есть еще одна загадка. В графе, указывающей, откуда привезено тело погибшего, напротив других фамилий написаны номера госпиталей или проставлены прочерки. А напротив фамилии Н. А. Смирнова читаем: «Выборгский Райком ВКП(б) пр. Карла Маркса 84» [6]. Получается, что тело погибшего комиссара вывезли с Пулковских высот и отправили в райком партии, где он до войны работал, а уже оттуда (возможно, после церемонии прощания) отправили на кладбище. Там его похоронили, как пишет Е.И. Хабло, «с воинскими почестями» [17, с. 119]. Почестей достойны герои, а Николай Алексеевич Смирнов, судя по изученным материалам, был настоящим героем.

События сентября 1941 года на Пулковских высотах стали очень важными в истории всей героической защиты Ленинграда. Сами же бойцы дивизии считали, что если враг и не смог столкнуть их с невыгодной для ополченцев позиции, то главной заслугой в этом были действия комиссара Н. А. Смирнова. Николай Алексеевич в том бою пал смертью храбрых за любимый город, за то, что ему было дорого. Как и тысячи других героев Великой Отечественной войны.

Для меня же важным является то, что я открыла для себя личность этого человека. И уже не важно, что в наше время изменилось отношение к политике советского государства, к разным общественным структурам того периода. Важно, что я узнала о человеке, который во многом сам формировал свою личность, строил свою жизнь, был талантливым организатором, инициативным и творческим лидером, которого любили и уважали те, с кем он работал и жил. Итогом работы является более полная версия биографии героя моего исследования, куда вошли установленные и уточненные данные: о дате рождения, сведения о родителях, об обучении в ФЗУ, полные данные о трудовом пути и общественной работе, а также неопубликованные ранее сведения из документов ЛАНО.

Главное, я смогла понять жизненные обстоятельства, повлиявшие на формирование личности комиссара 5-й дивизии народного ополчения Николая Алексеевича Смирнова – человека, патриота, ленинградца.

Использованная литература и источники

1. Весь Петроград, 1922 г. : [адресная и справочная книга : ч. 1] / под ред. А. И. Гессена и Я. В. Лившица. – [Пг.] : Изд-во «Петроград», [1922]. – 960 стб. – Электронная копия доступна на сайте Рос. нац. б-ки. – URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020004/view> (дата обращения: 25.12.2019).
2. Выпись из метрической книги за 1911 год // Государственный музей истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб). КП 13079 осн III-Б-1609-д.
3. Информация из документов, уточняющих потери. Карточка РВК Василеостровского района Ленинграда от 15 мая 1967 года. ЦАМО. Отдел по Василеостровскому району Ленинграда. Номер дела источника информации 10000115 // Мемориал : обобщенный банк данных. – URL: obd-memorial.ru (дата обращения: 10.01.2020).
4. Информация из донесения Управления 134-й гвардейской стрелковой дивизии о безвозвратных потерях № 4/0225 от 14 октября 1941 года. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818884. Д. 44 // Мемориал : обобщенный банк данных. – URL: obd-memorial.ru (дата обращения: 10.01.2020).

5. Информация из списков захоронения – Список военнослужащих захороненных на Мемориальном братском кладбище «Остров Декабристов». ЦАМО. РВК Василеостровского района Санкт-Петербурга // Мемориал : обобщенный банк данных. – URL: obd-memorial.ru (дата обращения: 10.01.2020).
6. Книга учета воинских и гражданских захоронений // Архив Пискаревского мемориального кладбища. Кн. № 68. С. 39–40. Запись № 88.
7. Сведения на работников ОПП Выборгской Н-ской дивизии и Зам.политов по политчасти на 9 июля 1941 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 2281. Оп. 1. Д. 121. Л. 8.
8. Сведения на работников ПО Выборгской Н-ской дивизии и военкомов полков на 23 июля 1941 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 2281. Оп. 1. Д. 121. Л. 14.
9. Список отдела Политпропаганды Н-ской Выборгской дивизии народного ополчения // ЦГАИПД СПб. Ф. 2281. Оп.1. Д. 60. Л. 7.
10. Справка о мобилизации Н.А. Смирнова // Музей 5-й дивизии народного ополчения ГБОУ СОШ № 123 Выборгского района Санкт-Петербурга.
11. Справка о работе Н.А. Смирнова в Выборгском РК ВЛКСМ от 13.08.1936 // Государственный музей истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб). КП 13082 осн III-Б-1611-д.
12. Справки о работе Н.А. Смирнова на «Красной заре» // ГМИ СПб. КП 13083 осн III-Б-1612-д. КП 13084 осн III-Б-1613-д.
13. Трудовая книжка Н.А. Смирнова // ГМИ СПб. КП 13086 осн III-Б-8007-д.
14. Удостоверение об окончании ФЗУ // ГМИ СПб. КП 13080 осн III-Б-1610-д.
15. Фотография Коли Смирнова в группе учащихся // Музей 5-й дивизии народного ополчения ГБОУ СОШ №123 Выборгского района Санкт-Петербурга.

16. Аксельрод В.И., Гусева А.В. Вокруг Финляндского вокзала : путеводитель по Выборгской стороне. – М. : Центрполиграф ; СПб. : Русская тройка-СПб, 2013. – 540 с.
17. Хабло Е.И. «Красная заря» : история Ленинградского научно-производственного объединения «Красная заря». – Л. : Лениздат, 1983. – 240 с.
18. Александров А. О порядке найма рабсилы // Красная Заря. – 1927. – 10 дек.
19. Бездействующая культкомиссия, Культработа хромает, Ждем экскурсии // Красная Заря. – 1930. – 10 марта.

20. Гранин Д.А., Черевков К. На том же заводе // Огонек. – 1952. – № 48. – С. 5–6.
21. Избранные на районную партийную конференцию // Красная Заря. – 1939. – 19 февр.
22. Регистрация детей рабочих // Красная Заря. – 1929. – 14 декабря. – Подпись: Лапо.
23. О съезде ВКП(б) // Красная Заря. – 1939. – 29 марта.
24. Всюду первый // Красная Заря. – 1933. – 29 окт. – Подпись: Райская.
25. Регистрация подростков // Красная Заря. – 1930. – 21 мая.
26. Смирнов Н.А. Комсомол, вооружись техникой // Красная Заря. – 1931. – 14 марта
27. Смирнов Н.А. Комсомол – в поход // Красная Заря. – 1931. – 22 марта
28. Смирнов Н.А. Разогнать лавочку спекулянтов // Красная Заря. – 1932. – 15 января.

Васильева Анастасия

10 класс, ГБОУ лицей № 445

ГБУ ДО Зеленогорский ДДТ

Курортный район

(руководитель – Л. А. Иванова)

Эхо войны: обретенная судьба без вести пропавшего Евгения Лобанова

Лобанов Евгений (в центре) с армейскими друзьями Сергеем Усенко и Александром Перфиловым. 1941 г.

Уже 75 лет нет войны, а судьбы многих ее участников еще не известны, кто-то до сих пор считается без вести пропавшим. Но мы, их потомки, не должны смириться с этим. Почему я заинтересовалась исследовательской работой? Дело в том, что в последнее время делаются попытки переписать историю и уменьшить значение подвига нашего народа в Великой Отечественной войне. Но в моей семье очень трепетно относятся к памяти о наших близких. Я с самого раннего детства слышала от родителей о том, что у моей бабушки, Лобановой (Васильевой) Нины Михайловны, был старший брат Евгений. Он считался без вести пропавшим с июля 1941 года. Женя был любимцем семьи, ее гордостью, на него возлагали большие надежды. И то, что он пропал в первые дни войны, стало трагедией для всех его родных. Они его очень ждали, потом долго и упорно искали, но все было напрасно. Ушли из жизни его родители и сестра, а судьба Жени так и осталась неизвестной. Но Нина Михайловна сохранила и передала нам воспоминания о жизни своего брата, документы, фотографии и все письма, которые он отправлял семье, находясь на службе в РККА с 1939 по 1941 г.

Взяв за основу эти материалы, я решила попытаться провести свое расследование с целью установить военную судьбу без вести пропавшего брата моей бабушки.

Началом моей поисковой работы стал 2015-й год, особенный для нашей страны: в мае отмечалась 70-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне. К этому моменту было рассекречено большое количество документов Второй мировой войны, появился сайт «Подвиг народа», Обобщенный банк данных «Мемориал». Я решила воспользоваться находящейся там информацией, чтобы узнать что-то новое о судьбе Евгения Лобанова. Но там была та же запись, что и в ответах на многочисленные запросы в ЦАМО: «Лобанов Е. М., 1921 г.р., призванный Володарским РВК, числится без вести пропавшим с июля 1941 г.» [4; 5]. Тогда я задумалась о том, что Евгений Лобанов в канун войны находился на советско-германской границе. Получается, что он был среди тех, кто первыми приняли на себя удар врага. Но в донесениях о безвозвратных потерях его среди убитых нет. Значит, есть вероятность, что он попал в плен. Я приступила к поиску нужной информации в сети Интернет и через некоторое время обнаружила ссылку на базы советских военнопленных на сайте Саксонские мемориалы [7]. Просматривая эти базы, я была поражена количеством людей в этих списках. Там тысячи фамилий, а ведь за каждой из них чья-то трагическая судьба. Запустив поисковик по первым буквам фамилии, обнаружила в списках военнопленного Лобанова Евгения Михайловича с датой рождения: 29.09.1921 г. Это дата рождения бабушкиного брата. И хотя я уже почти на сто процентов была уверена, что это он, я все-таки решила следовать той подсказке, которая была на сайте. А именно: там сообщалось, что если вы обнаружили фамилию своего родственника в базе военнопленных, то вам необходимо написать запрос с точными данными, касающимися его рождения и воинской службы по адресу, который там был указан. Я, следуя инструкции, отправила письмо в Центр документации научно-исследовательского учреждения при Объединении Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора г. Дрездена и стала ждать ответ. Ждать пришлось долго, больше четырех месяцев. К концу апреля 2015 г. пришли долгожданные вести из Германии. В конверте было письмо, ксерокопия карточки военнопленного и фото мемориала советским солдатам на кладбище в г. Сенна. Я несколько раз перечитала письмо, ведь то, что в нем было написано, не было радостным известием, а скорее наоборот, вызвало обиду и горечь. Впервые мне подумалось: наверное, хорошо, что сестра и родители Евгения не узнали о его жестокой участи. Ведь до окончания войны, да и еще спустя несколько лет, семья могла надеяться, что их Женя жив... Я не знаю, смогли бы его родители выжить в блокаду, если бы они уже тогда знали, какая беда

постигла их сына. Надежда придавала им силы, заставляла бороться. Они вынесли все тяготы войны и блокады, и судьба уберегла их от ужасной правды – о гибели в плену их любимого сына.

Я и мои родители не знали Женю лично, а как тяжело было держать в руках карточку военнопленного на родного нам человека. Я остро ощутила, каким страшным горем была война. Она лишала людей не только любимых, но и отнимала надежду на счастье, забирала будущее. Мои родители вспоминают, как бабушка Нина часто повторяла, что если бы брат вернулся с войны живым, то у нее была бы совсем другая, более счастливая жизнь.

Детство и юность Жени Лобанова

Лобанов Евгений Михайлович родился 29 сентября 1921 года в городе Ленинграде. Его родители: отец Лобанов Михаил Ильич (1892 г.р.), мать Лобанова Анастасия Евдокимовна (1896 г.р.). Они жили на Петровской улице, дом 14, квартира 8 [1]. Сейчас этой улицы нет, ее поглотил разросшийся Невский машиностроительный завод. А в 1921 году эта улица проходила параллельно нынешней улице Седова, тогда Экипажной, и упиралась в Большой Смоленский проспект. Как прошло его детство? Как у любого советского ребенка того времени. Я думаю, он был счастлив, ведь у него была полная семья, родители его очень любили. Женя, успешно и старательно учась в музыкальной школе, освоил нотную грамоту и научился играть на мандолине и гитаре. Эти навыки пригодились ему и в дальнейшем. Он был активным участником школьного ансамбля, который являлся украшением всех концертов и школьных вечеров. Об этих концертах мой папа часто слышал не только от мамы, но и от ее подруг. В школе № 16 Володарского района города Ленинграда Евгений проучился десять лет. Его сестра Нина тоже училась в этой школе, вот только окончить десятилетку она не успела из-за войны. О школе Нина Михайловна отзывалась очень тепло. Жене там тоже учиться было, по всей видимости, комфортно. Даже служа в армии, он просил в письмах родителям и сестре передать приветы любимым учителям и даже директору. Вот строки из письма от 3 апреля 1941 г.: *«Передайте привет всем знакомым педагогам – Виталию Ивановичу, Анатолию Степановичу, Константину Михайловичу и другим»* [2].

Как хорошо, что бабушка сохранила общее фото Жениного класса за 1939 год. Под фотографиями учителей и учеников подписаны их фамилии и инициалы. Поэтому я знаю не только имена учителей и одноклассников Евгения, но и знаю их в лицо. Вот кому Евгений передавал приветы: Виталий Иванович Жуков – преподаватель, Анатолий Степанович Сцепуро – директор, Константин Михайлович Гордевич – классный руководитель. Друзья и одноклассники Жени Лобанова: Валя Модзелевский и Леонид Румянцев.

Женя окончил школу в 1939 году. На семейном совете было принято решение – поступать в институт. Евгений подал документы в Ленинградский Индустриальный институт на инженерно-экономический факультет и, успешно сдав экзамены, был зачислен на первый курс. К большому сожалению, долго учиться в институте ему не пришлось, так как в конце ноября он был призван на военную службу в Красную армию, в 102-й стрелковый полк 41-й дивизии. Женя никогда не был неженкой, хотя занимался музыкой, хорошо учился и не имел вредных привычек. Раз призвали, значит надо служить. Перед отъездом решили сделать семейное фото на память. Этот снимок оказался последней семейной фотографией. На ней вся семья еще вместе, и никто не знает, что ждет их впереди.

Армейские будни. Письма как источник информации

И дальше остались только письма. Бесценные письма. Ведь уже прошло более семидесяти лет с момента их написания. Пожелтевшая от времени бумага, где-то неразборчивый почерк, поскольку писались они иногда второпях, в походных условиях. Чтобы удобнее было читать, я перепечатала их содержание, так как при первом прочтении я не всегда понимала смысл написанного из-за того, что многое из жизни того времени для нас уже ушло в прошлое. Я не только напечатала все 28 писем, но и сделала комментарии с разъяснениями устаревших для нас слов. Например, Женя писал, что покупал ситный. Оказалось, что «ситный» – это хлеб из пшеничной муки, просеянной через сито, который появился в России еще в 18 веке. Хлеб вкусный и дорогой. Еще я выяснила нахождение многих населенных пунктов, указанных в письмах. Раньше я не знала о том, где находятся: Рава – Русская, Бердичев и Могилев. Оказалось, что письма являются очень важным источником информации, если их внимательно читать. А писал Женя домой довольно часто, в среднем два письма в месяц.

Он писал о службе, о том, как принимал присягу на верность Родине. Женя часто описывал погодные условия, ведь они по 10–12 часов проводили на улице. Видимо, отвечая на вопросы родителей, писал, как их кормят, какое обмундирование получили, рассказывал о том, как живет простым людям на Западной Украине, как относятся к нашим военнослужащим, что можно купить в военторге, про полученные и утерянные посылки. О посылках отдельно. Из писем я поняла, что бывали случаи, когда они пропадали, а иногда в процессе доставки с ними происходили большие перемены. Вот как Женя писал об этом родным: «В посылке, пока она шла, произошли следующие изменения: оба флакона чернил разбились и вылились, от чего сухари многие из

желтых стали синими. А больше ничего повреждено в результате «катастрофы» не было». Еще в одном из писем он просил родителей не присылать ему дорогой шоколад, считая это баловством, а просил книги, струны для мандолины и ноты. Зачем ему в армии понадобились ноты стало ясно из письма от 7 марта 1941 г.: «При клубе полка мне удалось все же организовать оркестр народных инструментов, и первые шаги довольно удачные: за короткий срок мы приготовили три вещи (I – русская народная песня «Ох ты, зимушка-зима», II – «Испанский танец» из оп. Верди «Травиата» и лирическая из к.ф. «Богатая невеста»)). Позднее Женя поделился своими достижениями и с гордостью сообщил, что их оркестр выступал с концертами в Львовской филармонии и их транслировали на радио в г. Львов. Почти в каждом письме бабушкин брат не только передавал приветы своим родным, но и интересовался жизнью семьи, их проблемами и, в первую очередь, здоровьем. Очень переживал, когда у папы болела рука, а ему об этом не писали. Обижался, что узнал об этом из письма дяди. Потом, когда Нина сломала на катке ногу, давал советы, как правильно себя вести в таком положении, чтобы потом не было проблем. А вот о своих проблемах писал не очень охотно. А они, конечно же, были: Женя и все его друзья переболели чесоткой, от длительных марш-бросков у него часто болел бок. Но обычно о службе отзывался с большим оптимизмом. Уже в марте 1940 года он сообщил семье, что он отличник боевой и политической подготовки и временно занимает должность командира пулеметного отделения. Следующее письмо Женя написал 25 июля 1940 г. Оно отправлено из села Верхресты, что в километре от германской границы. «...Мы находимся на передовой линии укрепрайона, так что всех перебежчиков через еще не закрытую границу встречаем мы». Прошло еще полгода, и 20 января 1941 года красноармеец Лобанов радостно сообщил семье: «...Скоро будем сдавать испытания на сержантов (со средним обр.), а затем поступим в спец. школы средн. комсостава. Таков приказ по нашему поводу. Из армии, очевидно (точно не знаю), выйдем до начала учебного года, так что еще не все потеряно!!!». Никто не думал о войне, Женя надеялся на скорое возвращение домой. Зима пролетела быстро, было много марш-бросков, тренировок, но ему не было трудно, ведь шел уже второй год его службы.

Вновь наступила весна. Из письма от 30 апреля 1941 года узнаю, что погода в тот год стояла очень холодная, дожди, ветра, понижывающие до костей, но, несмотря на это, из места постоянной дислокации, часть выехала в лагеря намного раньше прошлого года, это место Женя называл Седлисский лагерь. Его назначили заместителем командира роты по политчасти, так как политрук ушел в отпуск по болезни. Женя часто писал о двух своих

армейских товарищах: Сергее Усенко и Александре Перфиленкове. В одном из писем были указаны конкретные адреса и инициалы их родителей. Оба друга оказались из Ленинграда. Я решила узнать их военную судьбу. Запрос по Сергею Усенко ничего не дал, он до сих пор числится без вести пропавшим с августа 1941 года. В списках военнопленных я его тоже не нашла. А как сложилась жизнь Александра Перфиленкова? Его семья жила в центре города на улице Пестеля, дом 11. Решила действовать на удачу, и отправила письмо с запросом на этот адрес, с указанием своего номера телефона. Через какое-то время мне ответили. Представить себе невозможно, но Александр Николаевич Перфиленков в 2016 году был еще жив, а ведь ему исполнилось в это время уже 95 лет. Из-за плохого состояния здоровья и его преклонного возраста, к большому сожалению, мне не удалось с ним встретиться. А спросить у него хотелось очень много. Зато теперь я узнала, что он тоже попал в плен в начале войны, но выжил и был освобожден английскими войсками в апреле 1945 года, потом, после прохождения проверки в фильтрационном пункте, был уволен в запас. Александру удалось закончить институт и стать инженером-электриком. Жаль, что слишком поздно я его нашла.

Нашему Жене не повезло, его мечтам продолжить учебу, стать капитаном, а потом поступить в Академию, не суждено было сбыться. Прочитав его последнее письмо домой, датированное 6 июня 1941 года, мне показалось, что он предчувствовал свою злую судьбу: «Относительно того, когда приду домой, пока даже и мечтать не приходится, пока не кончится война на Западе. А когда она кончится? ... Кто ее знает. Ведь она только ещё начинается. На нашей границе все забито войсками, а эшелоны все идут еще и идут. В общем, дело дрянь». В конце письма он, как обычно, написал: «Желаю всех вас скоро увидеть (удастся ли?)». Не только не удалось увидеться, но и узнать его дальнейшую судьбу им было не суждено. Письма были последней ниточкой, которая оборвалась, и больше связи с сыном и братом не было.

Недостающие страницы биографии. Плен

Сейчас я могу продолжить его биографию: Евгений Лобанов попал в плен 01 июля 1941 г. в районе Глинок и до 25 июля находился в лагере Шталаг VI С Баторн (Stalag VI-C Bathorn). Затем он был отправлен в город Бонн, в лагерь шталаг Дуисдорф. Вот что я нашла в Интернете об этом лагере: «В августе 1941 года первые советские военнопленные прибыли в Бонн. К тому времени в лагере уже были польские, французские, югославские, итальянские, бельгийские и случайные американские и британские военнопленные. По воспоминаниям местных жителей, прибывшие советские военнопленные шли туда пешком от железнодорожной

станции, падая от усталости и голода. Из-за отсутствия помощи военнопленным по линии Красного Креста, в отличие от военнопленных других стран, их поместили отдельно от остальных в большом старом здании. Смертность среди военнопленных из-за отсутствия дополнительного питания и лекарств была огромная» [9]. Во время плена Евгений Лобанов работал в различных рабочих командах. А еще ему три раза делали какие-то прививки. Мы консультировалась у знакомого врача по этому поводу. Она сказала, что такая вакцина ей не известна, и вообще вряд ли это были профилактические прививки, учитывая место, где он находился. В лазарете Женя был дважды: первый раз с 30 декабря по 17 апреля 1942 г., во второй раз с 23 декабря 1942 по 16 января 1943 года. 17 января 1943 года он умер. Место захоронения в карточке военнопленного не указано. В ответе, полученном из Германии, на мой запрос, высказано предположение, что он мог быть похоронен на кладбище в Сенне. Пока это все, что я смогла узнать. Но я планирую продолжить поиск и найти могилу Жени Лобанова.

Данная исследовательская работа не случайно названа «Эхо войны»: давно отгремела война, а ее отголоски докатываются до нас до сих пор. Спустя многие годы моя семья узнала о трагической гибели в плену родного нам человека. Да, мы не знали его лично, но нас глубоко потрясла его судьба. Цель работы достигнута – я и мои родные знают теперь историю короткой, но такой важной для нас жизни Евгения Лобанова. В нашей памяти он навсегда останется замечательным, добрым, хорошим молодым человеком, которому выпала жестокая судьба родиться в злополучные годы прошлого столетия, когда на его прекрасную юность пришлось страшная кровопролитная война.

Использованная литература и источники

Архивные материалы

1. ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 180. Д. 915 (1923 г.). Л. 162, 164; Д. 949 (1926 г.). Л. 385–389; Д. 077 (1927–1928 г.). Л. 32, 33.
2. Документы из семейного архива: свидетельства о рождении, свидетельства о смерти, письма.

Устные источники

3. Устные воспоминания о блокаде и войне Лобановой Нины Михайловны, Лобановой Татьяны Михайловны, Кузнецовой Лидии Даниловны, Филяновой Ольги Петровны.

Интернет-ресурсы

4. Мемориал : обобщенный банк данных / М-во обороны РФ. – URL: <https://www.obd-memorial.ru/> (дата обращения: 31.01.2015).

5. Память народа, 1941–1945 : портал / М-во обороны РФ. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 31.01.2015).
6. Дорога памяти : фотографии героев Великой Отечественной войны : [единая база данных] / М-во обороны РФ. – URL: <https://foto.pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 31.05.2020).
7. [База данных советских военнопленных] / Dokumentationsstelle Dresden. – URL: <https://ru.stsg.de/cms/node/11118> (дата обращения: 28.12.2014).
8. Шталаг VI С/З : Алексисдорф (Alexisdorf) Ринге – Алексисдорф (Ringe - Alexisdorf) D (Нижняя Саксония) // Наше родословие : [персональный сайт Михаила Калинина]. – URL: http://oldmikk.ru/Page3_memory_lag_shtalag_VI_C.html (дата обращения: 31.05.2018).

Шарова Ксения

10 класс, ГБОУ гимназия № 24
Василеостровский район,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь»
ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – Е. П. Стальмак)

Балерина Вера Костровицкая: блокадные страницы биографии

Вера Сергеевна Костровицкая.
1930-е годы.

Отдел рукописей РНБ. Ф. 1274
(В. С. Костровицкая). № 8

ВЕРА Сергеевна Костровицкая (1906–1979) – артистка балета, педагог, автор книг «Методика связующих движений» (1962), «Школа классического танца» (совм. с А. А. Писаревым, 1968), «Сто уроков классического танца» (1972). Ее книги переведены на английский, французский, немецкий и китайский языки и до настоящего времени не утратили своего значения.

Вера Сергеевна Костровицкая всю войну жила и работала в Ленинграде. Ее воспоминания о блокаде не просто напоминают нам о годах войны, они погружают нас в то время, заставляют сопереживать людям, оказавшимся в осажденном городе, чувствовать, насколько это возможно, то, что чувствовали они тогда.

Довоенные страницы

Вера Сергеевна Костровицкая происходит из старинного дворянского рода Костровицких и состоит в прямом родстве с известным французским поэтом Гийомом Аполлинером (Вильгельмом Костровицким). В ЦГАЛИ хранится «Выпись из метрической книги о родившихся Причтом Санкт-Петербургской Покровско-Коломенской церкви» от 24 апреля 1906 года № 209. Из нее мы узнали, что Вера Сергеевна родилась 3 января 1906 года, крестили ее 5 марта того же года. В метриках указана только мать – Надежда Людвиговна Костровицкая [4]. Про отца, позднее, сама Вера Костровицкая напишет, что она «незаконнорожденная» [9].

В 1916 году Вера Сергеевна поступила в балетное училище [9]. Ее учителями были известные русские балерины О. О. Преображенская, А. Я. Ваганова, М. Ф. Романова и З. В. Фролова. Она танцевала в труппе «Петроградский академический молодой балет» (балетмейстер Георгий Баланчивадзе, художники Б. М. Эрбштейн и В. В. Дмитриев) [17]. Слушала лекции по истории искусства и литературы искусствоведа Ивана Ивановича Соллертинского. Входила в круг талантливой творческой молодежи Петербурга – Петрограда – Ленинграда, где состояли композитор Д. Д. Шостакович, художники В. В. Дмитриев, Б. М. Эрбштейн, С. М. Гершов, Т. Н. Глебова, пианистка М. В. Юдина и др. «Мир музыки, живописи, поэзии и литературы для Костровицкой был родным. Ее музыкальность была абсолютной. Именно это, я думаю, сближало ее с Георгием Баланчивадзе (Джорджем Баланчиным). Объединяло их также и участие в петроградском «Молодом балете», родившемся в начале 1920 годов как союз энтузиастов, не удовлетворенных театральной рутинной», – напишет ученица Костровицкой, балерина Габриэла Комлева, прима-балерина, педагог, балетмейстер-репетитор Мариинского театра [25].

Вера Сергеевна Костровицкая окончила Петроградское театральное балетное училище в 1923 г. [8]. В том же году ее приняли в труппу Государственного театра оперы и балета (ныне Мариинский театр). В сентябре 1936 года балерина оставила сцену «по состоянию здоровья согласно постановлению врачебной комиссии», перешла на преподавательскую работу, а в 1939 году окончила Ленинградский государственный хореографический техникум (класс А. Я. Вагановой) со званием «педагог классического танца» [9]. В ЦГАЛИ сохранился диплом Веры Сергеевны, в котором всего три четверки (по методике и практике западноевропейского танца и практике характерного танца), остальные предметы Вера Сергеевна освоила «на отлично» и 29 июля 1939 года получила диплом № 926 [6].

Согласно анкетному листу, заполненному самой В. С. Костровицкой, 13 октября 1944 года, с 1938 по 1944 она преподавала в Ленинградском хореографическом училище (ныне Академия русского балета им. А. Я. Вагановой). Она готовила национальные кадры для союзных республик; вела семинары, преподавала основы классического танца. Будучи ученицей Вагановой, Костровицкая доподлинно изучила методику и смогла передать следующим поколениям балерин основы преподавания танца в их правильном исполнении. «Поразительная прозрачность и точность мысли, уверенность, что классический танец – самая совершенная из всех существующих пластических систем, мудрая и бесконечно интересная для постижения заключенных в ней и до конца не разгаданных пока тайн» [8].

«Авторитет Костровицкой в школе был непререкаем. И не только потому, что она долгие годы с благословения Вагановой была старшим методистом и первой помощницей мастера... Ее независимая натура привлекала самостоятельностью суждений и широтой художественного кругозора. Ее окружала некая аура, вызывая почтение даже у людей, не симпатизировавших ей...» [8], – вспоминала Габриэла Комлева.

Блокадные адреса

Вера Сергеевна Костровицкая была удивительно скромным человеком. В своей автобиографии о работе в годы блокады она написала так: «В годы Великой Отечественной войны оставалась в Ленинграде, продолжая заниматься педагогической и балетмейстерской работой в училище. Кроме того, работала в Военно-шефской комиссии, организовывала и проводила шефские концерты в госпиталях и в прифронтовой полосе [свыше 200 концертов]. Несла дежурства по охране объекта...» [9].

Прежде всего, давайте выясним, где проживала Вера Сергеевна в годы войны? Нам удалось узнать, что она несколько раз меняла адреса. Так, в «Дневнике» она напишет: «Мы бросили квартиру на Петроградской стороне. Трудно ходить в школу и подниматься в пятый этаж»... [11, с. 68]. Но где именно на Петроградской стороне жила Вера Сергеевна? Чтобы ответить на этот вопрос нам пришлось проделать целое расследование.

Итак, о месте своего проживания Вера Сергеевна пишет в блокадных воспоминаниях: «Я не знала, почему эти моряки здесь. Жили они в небольшом здании средней школы, выходявшей одной стороной на Большой проспект Петроградской стороны, другой – во внутренний двор Пушкарской улицы, где жила я... Из окна пятого этажа мне отчетливо были видны напротив окна низкого двухэтажного дома» [13, с. 2]. Необходимо было выяснить, какие школы в довоенное время размещались на Большом проспекте Петроградской стороны (тогда он назывался проспектом Карла Либкнехта). Согласно адресной книге «Весь Ленинград» за 1935 год на проспекте Либкнехта размещалось три школы – № 7 в доме 59, № 9 – в доме 37 и № 10 в доме 29/2. Требовалось отыскать пятиэтажный дом на Большой Пушкарской, во дворе которого может быть школа. Ближе всего к школе № 10 дом по Большой Пороховской, 18. Однако, это здание трехэтажное, и с XIX века не перестраивалось. Напротив школы № 9 стоит пятиэтажное здание по Большой Пороховской, 32. Напротив школы № 7 – также пятиэтажное здание по Большой Пороховской, 50. Какое из них предпочесть?

Здесь нам на помощь пришла статья Натальи Трауберг «Большая Пушкарская», опубликованная в журнале «Искусство кино»: «Летом 1934 года режиссеры и другие люди с «Ленфильма»

переехали из коммуналок в очень хороший дом на Большой Пушкарской. Вообще-то он был странный – на двухэтажное строение с колоннами у полукруглого входа поставили три этажа в духе 20-х годов, с низкими потолками и широкими окнами. На первом из этих этажей жили Гарин и Локшина, на втором (четвертом) – мы и Юткевичи, на третьем (пятом) – Арнштамы. Вскоре семьи начали делиться... Арнштам оставил Веру Костровицкую, балерину, к которой мама посылала меня учиться, но победила все-таки я, прячась в странном леднике, заросшем мхом, который был выкопан во дворе...» [20]. Итак, из двух домов нужно было выбрать здание с колоннами и полукруглым входом. Очевидно, это дом по Большой Пушкарской, 50, во дворе которого была расположена школа № 7.

В этом доме она пережила самую страшную первую блокадную зиму. И из этого дома перебралась на Рыночную улицу. В октябре 1942 Вера Сергеевна отмечает в своем «Дневнике»: «В семь часов утра дома. Я давно перебралась на Рыночную улицу возле Летнего сада, поближе к школе. Спит мама, спит подруга, у которых мы живем, спят соседи. Растапливаю буржуйку хворостом из Летнего сада, кипячу воду» [10, с. 38]. В наши дни Рыночная улица называется Гангутская – это небольшая улица в районе Соляного городка. Но где именно жила Вера Сергеевна?

В Анкетном листе, заполненном 13.10.1944 года она указывает адрес: Косой переулок, дом 3/4, квартира 6, также она пишет, что проживает там вместе с мамой – «иждивенка, проживает вместе со мной в Ленинграде» [9]. Другой адрес мы встречаем в письме «О представлении наиболее отличившихся участников восстановления народного хозяйства, для занесения на районную доску Почета» – улица Рыночная, д. 4, кв. 6. Посмотрев карту Ленинграда, я обнаружила, что Косой переулок (ныне – улица оружейника Федорова) и Рыночная (ныне – Гангутская) улица идут рядом, и дом 3/4 стоит как раз между ними. Поэтому разные адреса – это в реальности один и тот же дом, в котором и жила Вера Сергеевна.

Мы съездили по этому адресу. Оказалось, что в наши дни дом полностью реконструирован, изменена этажность и конфигурация внутренних помещений, в нем размещается отель «Дом».

Блокадный быт

Документы сообщают фактическую информацию о Vere Костровицкой в годы войны. А каким человеком она была? Как переживала то непростое время? Дневники балерины, о которых пойдет речь далее, полностью никогда ранее не публиковались. А. А. Шестаков пишет о них так: «дневник Костровицкой, который она вела с 1941 по 1943 гг., – интереснейший документ, сохранивший свидетельства о блокадном периоде жизни, как училища, так и всего

города. На его страницах раскрывается неординарная личность Веры Сергеевны, ее мужество и самообладание, позволившие сохранить человеческое достоинство, несмотря на все испытания, которые ей суждено было пережить» [25].

Сейчас дневниковые записи балерины хранятся в фонде Веры Сергеевны Костровицкой отдела рукописей Российской национальной библиотеки, куда я и направилась для их изучения. Получить дневники из рукописного отдела библиотеки оказалось не так просто, но как только все разрешения были получены, я смогла их прочитать. Не один час я сидела, изучая каждую строчку, вчитываясь в каждое слово оригинала. Работа с первоисточником всегда уникальна, а тем более с таким первоисточником, написанным рукой известного человека, который напрямую имеет отношение к истории нашего города, нашего искусства, культуры нашей страны. Какими удивительными душевными качествами обладала эта женщина и как просто по-человечески она отнеслась к написанию документа, поистине терзающего душу.

Дневники Костровицкой представляют собой три школьные тетради в линейку, полностью исписанные заметками о блокаде за 1941, 1942 и 1943 годы. Они были записаны и переписаны с «обрывков» уже в 1970-х годах. Именно в это время Костровицкая много писала и печаталась. Свои дневники она создавала для мужа (художника Соломона Моисеевича Гершова), который должен был впоследствии их напечатать [13, 1]. И действительно, дневники полностью были напечатаны, только не опубликованы. Костровицкая пишет свои дневники как письма мужу – просто, понятно и без прикрас. Переписывая записи, сделанные в блокаду, она дополняет их пометками «из будущего», но всегда указывает, что добавление свежее, а также просит привести эти записи в подобающий вид, так как сама она считает себя плохой рассказчицей. Также Костровицкая довольно часто делает философские выводы, пишет о чувствах, мыслях, переживаниях, о страшных ощущениях изможденного тела. Она описывает и поведение других людей. Во многое из написанного трудно поверить, но почему-то верится.

Помимо «Дневников» в ЦГАЛИ нам удалось познакомиться с «Воспоминаниями» Веры Сергеевны, а также с работой «Музыканты. Год 1941. Памяти Миши Шпалютина», имеющей подзаголовок «Из блокадных воспоминаний». Все эти источники позволяют Вере Сергеевне рассказать о городе в годы блокады, о блокадных буднях, быте ленинградцев. И, хотя отделить Веру Костровицкую от работы невозможно, мы сначала расскажем о жизни Веры Сергеевны в осажденном городе, потом – о ее работе.

Страшный эпиграф украшает начало «Дневников»: «В городе, где есть помойные ямы, кошки и собаки, человек не может быть голодным» [11, с. 1].

Повествование и «Дневников», и «Музыкантов» начинается в сентябре 1941 года, когда в городе начались самые жестокие обстрелы. «Гитлер и его свора были потрясающе аккуратны и точны. Воздушные налеты днем, частые, короткие; а в восемь часов вечера, всегда без опоздания, но и не единой минутой раньше, ад обрушивающихся на город фугасных бомб... В тот вечер, четыре часа – с восьми до двенадцати, непрерывно проваливались здания, качались дома целых кварталов, еще не тронутых бомбами, дрожали стены бомбоубежищ. Оглушенные люди в подвалах и те, кто на поверхности земли охраняли, тушили и бежали на помощь, переговаривались лишь жестами и напряженно-сосредоточенным взглядом». В момент бомбежки сама Вера Костровицкая не пряталась – она дежурила на посту, может быть, поэтому смогла описать всю панораму горящего города: «Немцы любили и театрализацию, эффект – было фантастически светло: фейерверки всех видов, и ослепительно горящие, повисшие в небе четырехугольные пластины. А на горизонте огненной стеной пылающий район «Новой деревни» [13, с. 1].

Следом за бомбежками в октябре 1941 года пришел голод. Он пришел внезапно: магазины перестали отоваривать карточки, и люди ездили из района в район, чтобы найти продовольствие. Затем встали трамваи. Вера Костровицкая напишет об этом так: «... день за днем трагически замирал город, зажимаемый в тиски блокады. Шёл снег, заматая пустые трамвайные рельсы, закрывая плотной пеленою сады и улицы, наваливая сугробы на дома и остатки развороченных траншей и оград. В начале ноября в квартирах погасло электричество, замерз водопровод, не стало газет, почты...» [13, с. 3]. Начинается голод, и об этом Вера Сергеевна также пишет очень выразительно: «Мы жили не по календарю. Дни и числа доходили до сознания только через квадраты маленьких бумажек талонов с цифрой 125. Это означало ломтик зелено-бурого хлеба, наполовину из древесных опилок. Это означало, что выдержать будет трудно, если нет хоть маленького запаса продуктов и мужества не съесть их сразу. Каких-нибудь два килограмма крупы и несколько плиток столярного клея, растянутые на 3-4- месяца, нередко оказывали спасение...» [13, с. 4]

Костровицкая много пишет о еде и потом корит себя за это, считая такие мысли слишком низменными, но условия войны и блокады полностью их оправдывают. Да и вообще она говорит, что «меньше всего мне хотелось писать о себе, – это не вышло, потому что трудно отделить себя от общего бытия. Оправдываюсь тем, что пережитое мною пережили сотни и тысячи блокадных ленинградцев, я только маленькая единица среди них» [11, с. 46]. В дневниках читаем эпизод про манную кашу. Костровицкую после одного из концертов ею накормили. А потом она вспоминала «Сколько раз

потом ... я бредила этой манной кашей... были дни, когда я теряла рассудок», «желудок не принимает непривычную пищу» и «как ужасно бывает, когда все съешь, а сытость все равно не придет» [11, с. 105–106]. Костровицкая пишет о том, как охотилась на котов, как отлавливала их, как люди, видя большой мешок в руках, не с удивлением, а с завистью смотрели на нее.

Тем временем наступила первая, самая трудная блокадная зима: «В конце ноября прекратились бомбардировки, и в начале декабря замолкло радио. Наступило полное жуткое безмолвие и тьма...» [13, с. 5]. В начале «Дневников» Вера Сергеевна пишет: «Моя ослабевшая память не ручается за точность чисел и даже месяцев страшной зимы 1941/42 года» [11]. Однако, как нам удалось выяснить, ее воспоминания всегда документально точны. В других источниках мы находим такие же даты, факты и имена. Так, в книге «Театр в квадрате обстрела» Ю. Алянский также указывает на то, что были дни, когда радио молчало: «И вот наступило несколько страшных дней, когда радио Ленинграда замолчало совсем – прервалась подача электроэнергии. Теперь голодали не только люди, голодали репродукторы» [2, с. 32]. Описаны в Дневниках и конкретные люди. Например, Вера Сергеевна пишет о том, как почти у нее на глазах в доме напротив умирал ее знакомый – артист Театра оперы и балета им. С. М. Кирова Миша Шпалютин. Мы не нашли этого имени в Книгах памяти Блокады, зато на Портале Национальной электронной библиотеки нам удалось обнаружить афишу Концерта Фронтовых бригад Театра Краснознаменного Балтийского флота от 7 мая 1942 года, в которой Михаил Шпалютин значится балетмейстером. По сведениям В. С. Костровицкой, он умер в первую блокадную зиму, однако номер, который исполняли в концерте, мог быть поставлен им ранее. Таким образом, Дневник Веры Костровицкой может считаться не только личным документом, в котором автор показывает свое видение событий, но и достоверным источником сведений о блокадном времени.

Костровицкая выживала, как все. Пока могла – ходила в Училище на улицу Зодчего Росси, 2. Свой путь она подробно описала в «Музыкантах»: «На Кировском проспекте, по обеим сторонам улицы, где были тротуары, протоптаны в снегу только узкие тропинки. По ним сплошной массой, в ту и другую сторону двигаются на работу люди, – затылок в затылок, – медленно и молча. Идут осторожно, стараясь сохранять интервалы. Каждый понимает, что если толкнуть – то человек упадет от слабости, а за ним упадут другие и далеко не все смогут подняться... Они останутся навсегда здесь, в снегу. Дальше Кировский мост, две тонкие диагонали тропинок, прорезающие Поле жертв революции. Медленное шествие продолжается. Скоро по этим тропинкам пройдет только редкий

прохожий, – остальные лежат в обледенелых домах или тут же на пустынных темных улицах» [13, с. 3–4].

Зимой 1941–1942 года Костровицкая не могла ходить в школу. Как мы помним, она жила на Петроградской стороне и проходить каждый раз путь длиной почти в 5 километров пешком ей было не под силу. Она вообще ходить не могла, только вяло ползала. «Я слегла, на дежурство в школу больше не могу ходить», «ползаю около буржуйки», – скажет Вера Сергеевна в «Дневниках». До марта выйти из дома она не сможет [11].

В книге Павла Лукницкого «Ленинград действует» приведены воспоминания Лидии Семёновны Тагер, директора Ленинградского хореографического училища, о Костровицкой в первую блокадную зиму: «Вера Сергеевна Костровицкая – преподавательница классического танца. Лежала несколько месяцев. Думали, умрет. И решили перевезти в училище, чтоб здесь умерла, – хоть похоронили бы. Я ее нашла на Петроградской стороне. Ее, оказалось, нельзя было поднимать. И она – выжила!..» [15]. Возможно выжила, потому что чувствовала свою ответственность перед матерью. Наше предположение подтверждает и высказывание ученицы В. С. Костровицкой Габриэллы Комлевой: «Выжить, в том числе в страшные блокадные годы, помогал богатейший внутренний мир, трепетная привязанность и дружба с матерью, и собственные тайные увлечения» [8]. Всю войну Вера Костровицкая жила с мамой и заботилась о ней вопреки всему. Она делила с ней последнее, что у нее было. Так, весной после голодной зимы она вдруг на земле нашла несколько ... горошин. Обычных маленьких неприметных горошин. «В кармане перекатываются 6 горошинок, но я не смею съесть их, не удерживаюсь...Вечером нам с мамой придется только по 2 с половиной штуки. Мучает совесть» [11]. Есть хотелось настолько, что она съедает одну горошину, но ее человеческие качества настолько высоки, что даже из-за этого мучает совесть. Вера Сергеевна также пишет, как «в холоде, в полутьме, до боли напрягая зрение» вяжет жакет соседке, чтобы заработать суп из грибов [11, с. 41].

Но главный подвиг, о котором она так и не рассказала маме, это была сдача крови за еду: «В Инженерном замке, в той части, которая не разрушена снарядами, открыли донорский пункт. Висит объявление, где сказано, что от населения принимаются все группы крови и оплата производится продуктами. Пошла тайком от мамы. В приемной много народа, все женщины-дистрофики. Санитарки говорят, что сдавать кровь очень полезно, она потом быстро восстанавливается. У меня взяли кровь на анализ, оказалась нулевая группа, пригодная для всех, поэтому провели без очереди в маленькую комнату к врачу. Сказали, что возьмут только 400 грамм.

Положили на стол в одежде и очень долго брали из вены кровь. До этого все говорили, что берут гораздо больше, чем говорят, так как на фронте надо много крови для раненых. Потом санитарка отвела меня под руку в столовую. Дали стакан питья из сосновой хвои, пшенный суп и настоящую маленькую котлетку. После еды выдали талон в закрытый распределитель, по которому получила 400 грамм сливочного масла, 500 грамм сахарного песка и полкилограмма мяса. До дому дошла благополучно. Маме сказала, что встретила знакомого военного, и он подарил мне продукты. Второй раз сдавать кровь не пошла, побоялась снова слечь. Силенок не было» [11, с. 42]. «Эту запись я делаю сейчас, только в 1969 году, так как уже нет ТОЙ, которая испугалась бы и ужаснулась даже через 28 лет тому, что я сделала. Я дала себе клятву никогда не рассказывать ей» [11, с. 42]. Вера Сергеевна пишет и том, как страшно стали выглядеть люди, прожившие блокаду, голод и холод. «Тело оказалось желтым, все в струпьях и как сморщенная бумага висела на костях, ноги в темных цинготных пятнах», «цинга у всех», «Глаза ...видели плохо», «Руки не грязные, они черные. Это сажа въелась в поры», «болела дистрофией кожи» [11]. Про состояние тела можно судить и по описанию костюма для выступлений. Мать балерины набивала целиком его ватой, чтобы фигура в нем хоть немного была похожа на человеческую, женскую [11, с. 113].

Вера Сергеевна с честью преодолела все блокадные беды и буквально возродилась к новой жизни. Интересно, как восстановилась она после войны, как пишет о ней Г. Т. Комлева «... В класс знаменитой балетной школы на улице Зодчего Росси вошла горделиво красивая женщина. Высокая, стройная, неброско, но элегантно одетая, она поздоровалась приветливо и чуть отчужденно. Вкрадчиво-властные интонации ее богатого тембрами голоса обещали нечто значительное. То, что происходило далее, обещания превосходило. Вы присутствовали при чуде – утверждалось торжество красоты. Красоту, прежде всего, излучали линии ее тела, и она сама, с чисто царственной расточительностью позволявшая наслаждаться этой по-петербургски изысканной, элегантной красотой» [8]. Я думаю, что выжить и сохранить в себе человеческие качества Вере Сергеевне во многом помогла ее работа, ее верность профессии.

Работа Веры Костровицкой в годы Ленинградской блокады

Рассказ о работе Веры Сергеевны в «Дневниках» начинается с сентября 1941 года: «В начале сентября с группой оставшихся учеников и студентов я начала репетиции. Из Управления по делам искусств ежедневно поступали заявки на небольшие концерты. Надо

было обслужить на вокзалах уходящие на фронт воинские части, госпитали с ранеными, которых становилось все больше и больше. Концерты проходили под баян и состояли из двух-трех номеров, уместящихся на любой площадке. Молдованеска, лезгинка, чардаш, простенький гопак составляли весь наш репертуар. В условиях начинающегося голодного истощения и холода ничего другого и нельзя было придумать. Свыше двухсот пятидесяти концертов за сентябрь и половину октября дала эта маленькая группа. Кто помнит об этом!.. Эта же группа детей наравне со взрослыми по много часов дежурила на чердаке, а вечером дети уходили из школы на мороз в темные безлюдные улицы. И все-таки, они продолжали приходить – им хотелось быть полезными» [11].

В училище в войну осталось совсем немного человек. «Школа эвакуировалась в августе 41-го года. Бывшая заведующая учебной частью Лидия Семеновна Тагер, проработавшая в Хореографическом училище всего три года, оставшись в Ленинграде, была назначена начальником объекта, т.е. директором кучки взрослых и детей, оставшихся в городе» [11, с. 79]. В воспоминаниях о начале блокады Л. С. Тагер о работе училища пишет так: «сначала было только училище, работа с детьми начиная с пятнадцатилетнего возраста. Народная артистка Ваганова была с нами» [15], в примечании к Дневнику В. С. Костровицкая напишет, что все это не соответствует действительности. Лидия Семеновна Тагер не раз упоминалась Костровицкой, но она была скорее отрицательным персонажем. Брала взятки, «снимала с людей последнее», презирала помощь тем, кто слабее. Имея доступ к продовольствию, детей Тагер не кормила. «Столовая не работала, дети приносили из дома кусочек хлеба или дуранды – кукурузного жмыха. На каждой перемене детям наливали по кружке кипятка из большого медного чайника. Кроме голода мучил холод. Обогревать огромные помещения школы было нечем». Также «несколько мальчиков и человек десять девочек из средних классов дежурили всю осень по 12–14 часов подряд на чердаке». Зимой тоже «тушили бомбы, пили литрами кипятков, а затем в 20-ти, 30-ти градусный мороз изгонялись директором [Л.С.Т.] на улицу домой» [11]. Была и еще одна история, связанная с Тагер. Ее любимцем был черный, пушистый кот, который жил с ней в училище. Кота она любила, наверное, больше людей. Когда еды в городе оставалось мало, она, говоря, что макароны не любит, отдавала их коту, а также и еще какие-то остатки пищи. «Поздно ночью прокрадываюсь к кошачьим мискам – пишет Костровицкая – в один миг засовываю все в рот и дочиста вылизываю остатки... так делают и другие, когда дежурят» [13]. На утро Тагер хвалила своего любимца за хороший апетит. Долго кот не прожил. Через год он был пойман и съеден. Особенно выделяется история самого обычного

мальчика Пети Косарькова – ученика академии. Он танцевал на всех концертах, которые давали ученики академии, а потом заболел. «Медленно передвигался исхудавший призрак Пети», «На другой день Петя слег», Л.С.Т. ничего не предпринимала», «Тихо лежал Петин скелетик». Так Пети и не стало. Никто ему не помог, никто не утешил. Он тихо умер, никем не замеченный [11]. Костровицкая пишет о нем, как о герое. Сама Л. С. Тагер представляет ситуацию по-другому: «Пятьдесят детей, которых учили мы, зимовали в общежитии. Спасали, обхаживали их... Мне помогло, что я мало ела и до войны. Уже в сорок втором году муж, комиссар батальона, приходил иногда за двадцать километров, из-за Московской заставы пешком, приносил еду», «...В эту зиму все уцелели, никто не погиб у нас, кроме трех мальчиков, чье спасение от нас не зависело, – погибли они не в здании. Один – первого января. Его мать умирала. Я его отправила во Дворец пионеров, а он ускользнул, от голода был уже не в себе. Он бы не погиб, я с ним делилась. Но он ушел за карточкой матери и замерз на улице. Были у нас лежавшие долго, но мы их выходили...» [15]. Из «Дневников» Костровицкой мы знаем, что дважды в неделю ребят в училище кормили супом. Это же подтверждает и Тагер, говорят, что хотела в «Пушкинском классе» – комнате 5 этажа устроить столовую [15]. Ответ на вопрос, зачем мальчика отправили во Дворец пионеров, мы тоже находим у Костровицкой – там была столовая для школьников. Читая такие разные рассказы, сложно сказать однозначно, была ли Тагер действительно таким страшным человеком, как описывает ее В. С. Костровицкая. На фоне Тагер ярко описывает Костровицкая людей, которые были способны на подвиг. Она пишет о заботливой и неравнодушной семье Шостаковичей, которые жили в комнате училища во время блокады, так как их дом разбомбило. Их было трое: мать – Софья Васильевна, дочь – Мария Дмитриевна и их сын Митя – племянник Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Шостаковичи всегда были готовы помочь, поделиться тем, что есть, поили Костровицкую кофе [11, с. 7].

Как мы помним, первой блокадной зимой Костровицкая на работу не ходила. А весной, как пишет Тагер, «все мы отправились на очистку города, очищали трамвайное кольцо за Казанским собором, превратившееся в общегородскую свалку. А в июле сорок второго года дали традиционный, ежегодно бывающий в этом месяце, концерт в Филармонии. Дети – тощие, как селедки, но успех был необычайный. После этого концерта старших детей мы эвакуировали на Урал» [15]. Летом и осенью 1942 года Вера Костровицкая работает в концертной бригаде под руководством Военно-шефской комиссии, председателем которой была назначена Л. С. Тагер. Бригада должна была обслуживать «фронт, фронтовые

госпиталя и лесоторфоразработки». Веру Сергеевну назначили бригадиром. Она напишет об этом: «В бригаде под моим началом оказалась довольно жалкая, истощенная компания. Длинноногий, хромой и заикающийся скрипач (преподаватель Ленинградской консерватории), от слабости говоривший шепотом, пожилая эстрадная чтица, молодая певица, почти потерявшая голос, и (о чудо!) целое цирковое семейство: старушка и ее сын – Наркевичи с тремя белоснежными карликовыми собачками-шпицами» [11, с. 31]. В журнале «Московский литератор» я нашла статью С. Гладыш, посвященную цирковому артисту Ивану Ивановичу Наркевичу, благодаря которой узнала, что до работы в концертной бригаде, Наркевич со своими собачками с весны 1942 выступал в детских домах и детских садах осажденного города, а после войны прожил долгую жизнь до 1989 года [6]. Бригада В. С. Костровицкой работала на Ленинградском фронте, давали концерты на Дороге жизни, на кораблях Ладожской флотилии и обычных лесных полянках. Для себя Вера Сергеевна сочинила такой номер: «Я вызвала Иру Кузнецову и решила сама танцевать с ней комический лубок... Танец на мотив частушек имел неизменный успех, мы танцевали его на многих шефских концертах до глубокой осени и всегда бисировали. В конце номера, чтобы показать хоть какую-нибудь профессиональность, я падала на «шпагат». Подниматься с него было очень тяжело и всякий раз я нарочно обыгрывала этот момент: гримасничала, корчась, пыхтела. Публика смеялась, не понимая, что я по-настоящему страдаю» [11, с. 30] После войны журналисты зададут Вере Сергеевне вопрос, ради чего она работала в концертной бригаде, рисковала под обстрелами, давала по 4–5 концертов в день. Она ответит, что работала ради хлеба, «но... и ради самой работы» [11, с. 39].

«В декабре 1942 г., – вспоминает Л. И. Ярмолович (педагог ЛХУ), – еще в пору полной блокады города, оставшаяся в Ленинграде часть педагогического коллектива во главе с и.о. директора училища Л. С. Тагер организовала первый набор детей в первый класс. Об этом было объявлено по радио. Я вместе с В. С. Костровицкой и А. П. Бажаевой отправилась для предварительного отбора детей в детские дома города. Затем этих ребят после медицинского осмотра уже окончательно отбирала приемная комиссия в составе артистов: О. Г. Иордан, Н. В. Пельцер, М. Снежиной, А. А. Орлова и педагогов училища В. С. Костровицкой, Л. И. Ярмолович и А. П. Бажаевой. Прием происходил в единственном отапливаемом буржуйкой помещении канцелярии. Все ребята были очень худенькие, наголо стриженные, но чистенькие и хорошо были одеты» [25]. Работая с архивными документами В. С. Костровицкой, мне удалось узнать, что описанный Ярмолович набор – не первый. Первый

был проведен в августе 1942 года, и ему предшествовала история, связанная с Ленинградским дворцом пионеров. В мае 1942 года Вера Костровицкая и Любовь Ярмолович отправляются на поиски детей в Ленинградский дворец пионеров: «со двора входим в незакрытый подъезд, поднимаемся по широкой дворцовой лестнице... Проходим ряд пустых обледенелых помещений... И вдруг за какой-то дверью слышится смех... Довольно большая комната наполовину заставлена узкими кроватками, плотно сдвинутыми вместе. На них кучками сидят дети школьного возраста, закутанные, обмотанные теплыми вещами... Все они с грязноватыми, чумазыми, но веселыми мордочками. В другой половине комнаты стол и там тоже кучка ребят, они что-то вырезают из бумаги, рисуют, деловито возятся с пластилином» [11, с. 21]. Оказалось, что ребят осенью 1941 года собрал директор Ленинградского дворца пионеров Натан Штейнварг, добыл мешок отрубей и устроил общежитие в одной из комнат дворца, где вместе с ним первую блокадную зиму пережили 20–25 человек детей и выжили все до единого! А осенью из этих детей удалось провести первый набор, о котором В. С. Костровицкая напишет: «К осени мы действительно отобрали во дворец пионеров маленькую группу девочек, худеньких, но вполне способных заниматься с ограниченной, конечно, нагрузкой классическим танцем. Откуда-то появился и единственный девятилетний мальчик – Веня Зимин... 1-го сентября 1942 года, в маленьком холодном танцевальном зале начались занятия первого класса Хореографического училища» [11, с. 23]. Классический танец вела Л. Ярмолович, историко-бытовой – В. Костровицкая.

Занятия декабрьского блокадного набора начались в январе 1943 года. На третьем этаже был открыт только один зал с круглой железной печкой направо от входа, которую топил комендант училища и бомбоубежища Степан Христофорович Кравченко. Уроки классического танца у девочек вела Любовь Ипполитовна Ярмолович, у мальчиков – Анна Павловна Бажаева. Историко-бытовому танцу учила Вера Сергеевна Костровицкая. Музыку преподавали Л. Е. Аркадьева и Г. Ф. Разумовская, они также выступали в качестве концертмейстеров на уроках и репетициях. Условия блокадной жизни были невероятно трудны, но уроки шли строго по расписанию, порядок которого могли нарушить только воздушные тревоги. Летом 1943 года воспитанники училища выступили с первым отчетным концертом в Городском блокадном театре (на сцене Театра Комедии). Малыши показали фрагмент урока классического танца и концертные номера [1]. 26 сентября 1943 года дети, начавшие учиться в январе, дали целое отделение в вечере балета на сцене Малого оперного театра [1].

О блокадных годах в фонде Веры Сергеевны Костровицкой сохранилось немного документов. Так, нам удалось узнать, что в феврале 1943 г. она помогала Ансамблю Дома Красной Армии. Мы познакомились с отзывом о ее работе: «Для оказания реальной помощи в постановке балетной работы Агитвзводу Дома Красной Армии П.О.Г.... была прислана балетмейстер Вера Сергеевна Костровицкая. За время своего пребывания в ДКА П.О.Г. С 10 по 23 февраля тов. Костровицкая проделала большую работу. Введен систематический тренаж. Для всей балетной группы поставлены 5 танцев. Показанные на зрителя танцы пользовались большим успехом. Товарищ Костровицкая своей работой подняла общую танцевальную культуру балетной группе и намного повысила квалификацию танцоров. За проделанную большую работу товарищу Костровицкой Вере Сергеевне выношу благодарность. Нас. ДКА П.О.Г. капитан Рожков 20.02.1943» [16]. В годы войны Вера Костровицкая участвовала в десятках концертов в госпиталях и на передовой, о чем пишет сама в Автобиографии.

Просматривая документы фонда Веры Костровицкой в ЦГАЛИ СПб, мы нашли удостоверение к медали и узнали, что «за участие в героической обороне Ленинграда Костровицкая Вера Сергеевна Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года награждена медалью «За оборону Ленинграда», которая была вручена ей 29 июля 1943 года [23].

Вера Сергеевна также является кавалером еще одной медали: указом Президиума Верховного Совета СССР от 6.06.1945 она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» [22].

Использованная литература и источники

1. Абызова Л.И. Военные хроники ленинградского балета. – СПб.: Ассоциация графических искусств, 2015. – 204 с.
2. Алянский Ю.Л. Театр в квадрате обстрела. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.; М.: Искусство, 1967. – 191 с.
3. Выписка из Протокола 192 заседания исполкома Куйбышевского Райсовета депутатов трудящихся от 20.04.1945 // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 76. Л. 2.
4. Выпись из метрической книги о родившихся Причтом Санкт-Петербургской Покровско-Коломенской церкви 24.04.1906 № 209 // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.
5. Гладыш С. Крещенные блокадой // Московский литератор. – 2007. – № 3.
6. Диплом Ленинградского государственного хореографического техникума // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.

7. Зачетная книжка студентки Ленинградской государственной Консерватории В.С. Костровицкой // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 73. Л. 6.
8. Комлева Г.Т. Мой кумир // Вестник Академии русского балета А.Я. Вагановой. – 2016. – № 1.
9. Костровицкая В.С. Автобиография // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 72.
10. Костровицкая В.С. Воспоминания о блокаде. 1941 год // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 27.
11. Костровицкая В.С. Ленинград – блокада. 1941–1942–1943. Дневник. Автокопия конца 1960-х гг. // Отдел рукописей РНБ. Ф. 1274 (В. С. Костровицкая). № 2.
12. Костровицкая В.С. Личный листок по учету кадров. 1961 // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 72. Л. 6.
13. Костровицкая В.С. Музыканты. Год 1941. Памяти Миши Шпалютина // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 28.
14. Личная книжка участника восстановления городского хозяйства Ленинграда № 68388. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.
15. Лукницкий П. Н. Ленинград действует... : фронтовой дневник. – Москва : Советский писатель, 1976. – Кн. 3. – 575 с.
16. Отзыв о работе В.С. Костровицкой. 1943 // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.
17. Соколов А.А. Костровицкая В.С. : биографическая справка // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 82.
18. Справка Мюллер Н.Л. От 22.02.1961 № 37 // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 74. Л. 5.
19. Справка о переводе В.С. Костровицкой в Ленинградскую Государственную Консерваторию // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 74. Л. 13.
20. Трауберг Н. Большая Пушкарская // Искусство кино. – 2004. – № 6.
21. Трудовая книжка В.С. Костровицкой. Копия // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 73. Л. 13.
22. Удостоверение к медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945» // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 74. Л. 6.
23. Удостоверение к медали «За оборону Ленинграда» // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.
24. Указ о присвоении звания «заслуженный деятель искусств БССР» от 23.08.1960 // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 76. Л. 15.
25. Шестаков А.А. В.С. Костровицкая: известное имя – неизвестная судьба // Вестник Академии русского балета А. Я. Вагановой. – 2016. – № 1.

Крюков Дмитрий

8 класс, ГБОУ гимназия № 402

Колпинский район

(руководители – Г. И. Сулягина,
Г. А. Ефремова)

«И я была на той войне...»

**(страницы жизни Нины Николаевны
Морозовой, учителя русского языка и
литературы 402 средней школы)**

Педагогический коллектив 402 средней школы, 1949 г.

Нина Николаевна Морозова – в верхнем ряду третья слева

Я решил посвятить свою исследовательскую работу Нине Николаевне Морозовой, учителю русского языка и литературы нашей гимназии. Фотографию Н. Н. Морозовой я увидел в школьном музее «Из истории гимназии № 402» в разделе «Учителя военных лет», познакомился с её биографией. Судьба этой женщины заинтересовала меня ещё и потому, что в нашей гимназии работает учителем начальных классов её правнучка – Ольга Викторовна Кирюшина, которая считает, что именно Нине Николаевне она обязана тем, что стала учительницей. Я встретился с Ольгой Викторовной, взял у неё интервью [15], узнал новое о Нине Николаевне, а школьный музей пополнился новыми документами и фотографиями из домашнего архива Морозовых. Начиная с 1939 года, вся сознательная жизнь моей героини связана с Колпино и с 402 средней школой.

Детство и юность Нины Морозовой

Родилась Нина Николаевна Морозова 7 января 1910 года (25 декабря 1909 года по старому стилю) в селе Станичная Сло-

бода Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в семье крестьян. Позже отец, Морозов Николай Иванович, стал работать машинистом на железной дороге, а мама – Мария Васильевна, была домохозяйкой. Семья была большая и дружная и состояла из девяти человек. Из семерых детей Нина была самой младшей. У неё было два брата: старший – Дмитрий и младший – Николай. Особенно дружна Нина была с сёстрами Надей и Женей. В автобиографии Нина Николаевна пишет: «Помогали маме все. Особенно трудно стало, когда умер отец. Ему было всего 54 года. Заботу о семье взял на себя старший брат – Дмитрий. Он был к нам, малышам, очень требователен, строго следил, чтобы мы прилежно учились и помогали маме по хозяйству. По окончании школы первой ступени я продолжила учебу» [12]. В 1922 году Нина поступила в Борисоглебскую советскую единую трудовую школу второй ступени № 2 и через пять лет в 1927 году успешно окончила её. Позже она училась на семимесячных педагогических курсах, работала по ликвидации неграмотности среди женщин Станичной Слободы на общественных началах. В 1930 году была назначена заведующим однокомплектной начальной школой в посёлок Репино Мордовского района Тамбовской области. В своих воспоминаниях Нина Николаевна пишет: «Посёлок только создавался, люди жили бедно. Избы были саманные. Сельсовет находился в двенадцати километрах от посёлка, ходили туда пешком. До меня там школы не было. Всё приходилось делать с нуля. Ходила по хуторам, знакомилась со своими будущими учениками, среди которых было много переростков» [12]. Большую помощь Н. Н. Морозовой оказал колхоз. Он выделил дом под школу и закуток под жильё учительницы. Школа работала в две смены, и, как бы трудно ни было, 1 сентября 1930 года школа была открыта. Нина Николаевна стала преподавать в 1–4 классах. Работать было нелегко, но молодость, энтузиазм, вера в светлое будущее делали своё дело. Легче стало, когда приехала в школу ещё одна учительница.

В 1932 году Нину Николаевну переводят в большое село Александровка Тамбовской области учителем русского языка в 5–7 классах школы крестьянской молодёжи. Молодая учительница трудилась в школе и на колхозных полях, активно участвовала в общественной жизни села. И хотя нагрузка была большой, Н. Н. Морозова понимала необходимость получения высшего образования. Поэтому в 1935 году она поступает учиться на заочное отделение в Тамбовский педагогический институт, переводится в Ивановскую неполную среднюю школу Сампурского района, так как к Тамбову это было ближе.

В 1939 году Н. Н. Морозова выходит замуж за лётчика. Мужа направляют на Дальний Восток, где под Халхин-Голом он погиб [12]. К сожалению, других сведений о муже Нины Николаевны нет ни в

одном документе, в том числе и в семейном архиве. Так как фамилию Н. Н. Морозова не меняла, а ближайшие родственники не знают фамилию её мужа и место регистрации их брака, то отыскать сведения о замужестве Н. Н. Морозовой не представляется возможным.

Нина Николаевна переезжает в Колпино к брату Николаю, устраивается работать в среднюю школу № 402 учителем русского языка и литературы. С этого момента вся жизнь Нины Николаевны будет связана с г. Колпино, который становится для неё родным. В январе 1941 года Нина Николаевна окончила филологический факультет Воронежского государственного педагогического института и получила квалификацию учителя средней школы по специальности «русский язык и литература». Но мирная жизнь закончилась 22 июня 1941 года.

На оборонительных рубежах

Началась Великая Отечественная война. Враг быстро приближался к границам Ленинградской области. В августе начались бомбардировки Колпино. Бывшая ученица Н.Н. Морозовой, Паничева Людмила Петровна, вспоминала: «Мы, комсомольцы, вместе с учителями – Ниной Николаевной Морозовой и другими – трудились на оборонительных работах. И уже в августе 1941 года Колпино становится городом-фронтом» [8, с. 54]. Идет активная эвакуация населения и детей из г. Колпино. Учителям помогают старшеклассники: они роют окопы, противотанковые рвы, траншеи, устанавливают надолбы. В школе занимаются упаковкой в ящики учебных пособий из кабинетов физики, химии, биологии.

В это время Нина Николаевна поступила на курсы медсестёр, но окончить их не смогла из-за болезни. Вместе с оставшимися в городе учителями обходит подвалы, землянки, рассказывает о последних военных сводках, готовит население к противовоздушной обороне. К этой же работе привлекали и старшеклассников.

Среди коллег и детей в первый год блокады

Город уже находится в блокадном кольце. Население живёт по карточкам, которые были введены в Колпино 17 июля 1941 года. Продуктов становится всё меньше и меньше. В городе начинается голод. В это время Нина Николаевна Морозова принимала активное участие в самой разной работе. В бомбоубежищах учителя проводили беседы о событиях на фронте, обходили дома, проводили пропагандистскую работу, вели занятия с детьми. Занятия проводили 32 учителя. Они определяли осиротевших детей в детприёмник, а затем отправляли их в Ленинград, чтобы распределить по детским домам. Заведующим детской комнатой для сирот была назначена В. А. Селивёрстова. Нина Николаевна помогала осиротевшим детям,

принимала участие в ночных дежурствах [7, с. 27, 29]. В автобиографии она писала: «По спискам детей, которые мы составляли, из фабрики-кухни для них приносили суп из хряпы и дрожжей» [12].

С какой благодарностью многие бывшие ученики вспоминают о Нине Николаевне! Так, Александров Николай Алексеевич пишет, что «...после смерти мамы нам назначили опекуна – Нину Николаевну Морозову, учительницу. Она оформила нам стандартные справки, по которым выдавали карточки, денежное пособие, причитавшееся нам, как детям фронтовика, да и просто навещала нас» [1]. А другая её ученица, Балясина Анастасия Ивановна, поделившись своими воспоминаниями, отмечала: «Не могу не вспомнить своих учителей: Н. Н. Морозову, Т. В. Горбылёву, С. В. Луговую, Т. В. Каширину, А. А. Новосельскую и других» [7, с. 73]. С 1 сентября 1941 года по 27 июля 1942 года Нина Николаевна Морозова работала учителем русского языка и литературы в школе № 399 г. Колпино [12]. Средняя школа № 402 была законсервирована. Нина Николаевна добросовестно исполняла свои обязанности и последовательно вела записи о тех, кто был эвакуирован, уходил на фронт или умер в блокадном городе [13].

Служба в 212 Отдельной роте МПВО

С августа по декабрь 1942 года Н.Н. Морозова была призвана на службу в ряды 212-й Отдельной роты МПВО. Об этом свидетельствует приказ по РОНО № 38 от 01.08.1942 года: «п. 1. Откомандировать в команду штаба МПВО следующих учителей: Соколову П. Е., Богомолова М. И., Подгорнову П. С., Дубровскую А. С., Морозову Н. Н., Васильеву (Серикову) Н. В., Шур А. Я., Получаеву С. Н.» [13]. И запись в трудовой книжке Н. Н. Морозовой [12]. Нина Николаевна Морозова служила сначала бойцом во взводе управления, потом бойцом аварийной команды, затем дежурным диспетчером в пожарном взводе. Где бы она ни трудилась, и какую бы работу ей ни поручали, можно было быть уверенным в том, что она будет выполнена, и выполнена хорошо!

МПВО. За этими четырьмя буквами – военная судьба тысяч людей, которые в составе формирований местной противовоздушной обороны участвовали в Великой Отечественной войне. В книге Осипа Спасова под названием «Полыхание» [6], которая является документальной повестью, рассказывается о подвигах бойцов МПВО, в числе которых была и Нина Николаевна Морозова. Жестокостям немцев не было предела: «В первые дни артобстрелов немцы закидали снарядами все здания, над которыми развевались белые флаги с красными крестами. Одно слово – нелюди. Разбомбили детский садик. Разрушили больницу. Казарму сандружинниц тоже разбомбили, сожгли» [6, с. 66]. Скоро жители г. Колпино и несшие

службу бойцы МПВО научились по звуку узнавать, где рвутся снаряды. Туда срочно выезжала аварийная команда.

3 января 1942 году Нина Николаевна получила страшное известие о том, что погиб её старший брат Дмитрий [12]. В своём интервью правнучка Н.Н. Морозовой Ольга Викторовна Кирюшина рассказывает: «Где похоронен Дмитрий – неизвестно, а младший брат Николай погиб при бомбёжке в Колпине в 1943 году и похоронен в общей могиле на Балканском кладбище» [15].

Блокадная школа

Несмотря на эвакуацию, в Колпино ещё оставалось значительное количество детей школьного возраста. 27 апреля 1942 года вышло постановление райисполкома об открытии школы для осиротевших детей. Занятия начались 3 мая в здании школы № 400 (пр. Ленина, д. 5) [5, с. 410]. «С 1 июля 1942 года приказом РОНО учебные занятия в школе были прекращены. Ученики 6-9 классов под руководством учителей Л.В. Великой и С.В. Луговой были направлены в подсобное хозяйство Колпинторга, где полости и ухаживали за овощами, помогали убирать урожай для города-фронта. Летом 1942 года большинство учеников и учителей были эвакуированы. 1 сентября в школе продолжили учёбу 18 ребят, а уже к весне следующего года было 43 ученика» [5, с. 411]. Директором дневной блокадной школы назначили Александру Андреевну Новосельскую, которая по совместительству была ещё и заведующей РОНО. Учителя: С. В. Луговая, М. В. Балихина (Кашпирина), В. В. Сашонко [2, с. 116, 119] и другие вели занятия по программе предыдущего года обучения. Но жизнь вносила свои изменения. Так, на уроках математики учащиеся считали на счётах, учились заполнять ведомости заработной платы, готовили статистические отчёты; на занятиях по русскому языку учились составлять деловые бумаги; на уроках ботаники подробно изучали особенности различных растений, которые можно было употребить в пищу. Кроме того, занимались заготовкой дров, разбирали разрушенные дома, оказывали помощь нуждающимся людям. Ребят учили науке выживания.

С 3 декабря 1942 года Н. Н. Морозова была отозвана Колпинским РОНО из рядов МПВО для организации работы вечерней школы рабочей молодежи и была назначена её директором. Благодаря стараниям учителей в начале декабря первые ученики вечерней школы сели за парты, а днём они стояли у станков, заменив ушедших на фронт старших братьев и отцов. Школа разместилась в том же здании, что и дневная школа для детей. Колпинцы называли эту школу «блокадной». Это название сохранилось на многие годы. Занятия проходили в здании дневной школы по адресу: проспект Ленина, дом 5. Нина Николаевна была директором вечерней

школы рабочей молодёжи до 1944 года. Преподавателей не хватало, приходилось приглашать специалистов с Ижорского завода. Одним из них был А. Н. Баранов, главный конструктор Ижорского завода. Он преподавал в блокадной школе математику. В школе работала библиотека, заведующей которой была назначена преподаватель математики К.В. Тимофеева. В одном здании обучались дети-школьники и трудящаяся молодёжь. В 1944 году Нина Николаевна Морозова вступила в ряды КПСС. В школьном музее хранится старая фотография. На ней – первый выпуск десятиклассников Нины Николаевны, который состоялся в мае 1944 года. Учителя и выпускники, их было всего 7 человек... В нижнем ряду крайняя слева – Нина Николаевна Морозова. В числе выпускников – Николай Красильников, ставший спустя десятилетия после войны профессором.

В 1943 году ленинградский поэт Владимир Лифшиц напишет о колпинской блокадной школе пронзительное стихотворение:

«Как зачарованный, сегодня класс притих,
Ведёт наставница в извозчичьем тулупе
Воспитанников колпинских своих
Вслед за указкою – по знойной Гваделупе.
Но вот звонок звенит над головой,
И, заложив цветные промокашки,
Выходят школьники, чтоб поиграть в пятнашки
В двух километрах от передовой» [3, с. 28–29].

К этому времени произошли большие изменения на фронтах Великой Отечественной. В январе 1943 года была прорвана блокада Ленинграда, а 27 января 1944 года она была полностью снята. Ещё шли бои на фронтах, а колпинцы уже засыпали воронки, принялись за восстановление зданий, в том числе школ, очистку улиц города. Записи о работе в 1944 году по восстановлению родной школы есть в личной книжке участника восстановления городского хозяйства Н. Н. Морозовой. И учителя, и ученики приняли активное участие в ремонте средней школы № 402. На восстановительных работах успешно трудились учителя – Н. Н. Морозова, С. В. Луговая, М. В. Каширина (Балихина), А. А. Новосельская, В. В. Севастьянова, и с 1 сентября наша школа вновь начала свою работу.

Возвращение к мирной жизни

В Колпино постепенно возвращались из эвакуации учителя и учащиеся. Многие из них, потеряв свои дома, размещались в зданиях школ №№ 399, 400, 401, 402 [1, с. 41]. С 1944 года в СССР в городах вводится раздельное мужское и женское обучение. В 1944–1945 учебном году в здании школы на Стахановской улице, дом 14, одновременно работали: на втором этаже – мужская 402 школа, директор

П.В. Подольский, а на третьем этаже – женская школа № 400, директор Т. В. Горбылёва [5, с. 465].

С 1946 года после ремонта начали работу и другие учебные заведения Колпино. Средняя школа № 402 целиком заняла здание на Стахановской улице, и директором мужской средней школы № 402 в этот период вплоть до 1953 года была А. А. Новосельская. И все эти годы в стенах родной школы бесменно трудилась учителем русского языка и литературы Нина Николаевна Морозова. Учителя работали творчески, с подъёмом, сохраняя и приумножая традиции довоенной школы. Закалённые трудностями Великой Отечественной войны в школу вернулись учителя-мужчины: Г. Е. Каширин – учитель математики, Ю.С. Генкин – учитель черчения и рисования, И. Т. Жёлудев – учитель географии, К. И. Николаев – учитель математики, Р. В. Плинер – учитель физкультуры и трудового обучения, Н. А. Бердин – учитель истории, Г. П. Локотков – учитель физики, К. Н. Захаров – военрук, С. И. Попиков – учитель физкультуры.

Нина Николаевна вспоминала, что «...малообеспеченным семьям по линии всеобща выдавались ордера на приобретение одежды и обуви для детей, оказывалась материальная помощь. Нуждающиеся ученики получали бесплатное питание» [12]. Работать в мужской школе было непросто. Но женщины-учительницы, прошедшие суровую школу войны и блокады, успешно справлялись с поставленными перед ними задачами. Дисциплина на уроках и переменах была железная, но, тем не менее, учителя всегда оказывали поддержку и помощь детям, занимались дополнительно после уроков, помогали тем, кто отстал в учебе за годы войны. Всё свое свободное время Нина Николаевна проводила в школе. Своих детей у неё не было. В 1947 году она привезла из Ленинграда племянницу Нелли, и всю свою жизнь она помогала ей, её семье в воспитании детей, внуков и даже правнуков, была заботливым человеком для всех своих родных. О. В. Кирюшина, правнучка Н. Н. Морозовой, подарила школьному музею некоторые фотографии из семейного архива [15] и рассказала мне в своём интервью: «Помню свою прабабушку (бабушку Нину, как я её называла), с раннего детства. Как любила оставаться у неё ночевать, и мы не ложились спать допоздна, проверяя школьные тетради... Какое для меня тогда это было удовольствие!

Как она брала меня в школу, а я чувствовала себя, как будто во дворце, гуляя по длинным школьным коридорам, заглядывая в просторные светлые классы. В старших классах бабушка учила меня правильно писать сочинения, очерки, эссе. При поступлении в РГПУ им. А. И. Герцена на вступительных экзаменах я получила высший балл за сочинение, за что, конечно, была очень благодарна

своей бабушке Нине» [15]. В Колпине Нина Николаевна длительное время проживала в коммунальных квартирах, сначала на ул. Карла Маркса, затем на улице Культуры, и лишь в 1989 году получила отдельную квартиру на Московской улице, в которой, как всегда, дружно собирались её родные, друзья, ученики.

В стране происходили большие перемены. Они коснулись и народного образования. С 1 сентября 1954 года обучение в школах стало совместным. Учеников с каждым годом становилось всё больше и больше, помещений не хватало, школа работала в две смены. Последний выпуск в этом здании на Стахановской улице, дом 14 был сделан в 1961 году. В 1962 году школа поменяла свой адрес и переехала в новое здание на Тверской улице, дом 18 вместе с педагогическим коллективом и учащимися, оставаясь средней школой. В 1961 году в ряде школ было введено производственное обучение. И школа № 402 стала средней школой с производственным обучением. Учителям пришлось нелегко. Они контролировали не только учёбу в школе, но и занятия в цехах Ижорского завода и на других предприятиях. Педагогический коллектив по-прежнему отличался сплочённостью, чувством ответственности, и старшее поколение не отставало от молодёжи. И так было во всём. Нина Николаевна проводила Ленинские уроки, принимала Ленинский зачёт у комсомольцев школы, была членом комиссии по политической аттестации старшеклассников и являлась постоянным ассистентом экзаменационной комиссии по русскому языку и литературе в десятых классах. За время работы в средней школе № 402 с 1944 по 1966 годы Нина Николаевна Морозова сделала шесть выпусков, была классным руководителем и гордилась тем, что её выпускники – достойные граждане страны, кем бы они ни работали, и где бы ни жили.

Нина Николаевна была награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.», «За трудовую доблесть», «В память 250-летия Ленинграда», «Ветеран труда», юбилейными медалями: «60 лет Вооружённых Сил СССР», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а в 1950 году – орденом «Знак Почёта». Но самой дорогой, святой для себя считала медаль «За оборону Ленинграда». За активное участие в проведении мероприятий в системе гражданской обороны Н. Н. Морозова награждена нагрудным знаком «Отличник гражданской обороны». В 1968 году Н. Н. Морозову наградили Почётной грамотой как первого директора вечерней блокадной школы рабочей молодёжи в честь 25-летнего юбилея со дня её открытия.

Использованная литература и источники

1. Александров Н.А. Невыдуманные рассказы. – СПб. : Колпино, 2010. – 187 с.
2. Колпино – город воинской славы / авт.–сост.: Л. Ю. Бранц, Л. Д. Бурим, Г. А. Ефимова. – СПб. : Ковчег, 2010. – 179 с.
3. Лифшиц В.А. Миллион братьев : стихи. – Л. : Гослитиздат, 1943. – 44 с.
4. Махровская Н.Н. Светлый человек // Ведомости Колпинского Городского Совета. – 2003. – 4 сент. – С. 2.
5. Сизёнов Е.П., Иволга Р.С., Ефимова Г.А. История Колпина. – СПб. : Серебряный век, 2008. – 781 с.
6. Спасов О.Б. Полыханье : девчонки на войне : док. повесть. – Л. : Лениздат, 1989. – 223 с.
7. Блокадные воспоминания / Черезов О.А., Дембовская Е.М., Ефимова Г.А. и др. // Помним : коллективная книга памяти. – СПб., 1995. – С. 106–109.
8. Яновская Е.Ф. Школа – вся её жизнь // Ижорец. – 1990. – 27 янв. – С. 1.
9. Личное дело Горбылёвой Т.В. // Архив музея «Из истории гимназии № 402». Ф. 01. Д. 4. 79 л.
10. Личное дело Гормаковой В.С. // Архив музея «Из истории гимназии № 402». Ф. 01. Д. 5. 23 л.
11. Личное дело Новосельской А.А. // Архив музея «Из истории гимназии № 402». Ф. 01. Д. 9. 19 л.
12. Личное дело Морозовой Н.Н. // Архив музея «Из истории гимназии № 402». Ф. 02. Д. 17. 27 л.
13. Личное дело Н.Н. Морозовой // Музей педагогической памяти гимназии № 446 г. Колпино. Папка 43.
14. Ответ на запрос в Отдел документации ВГПУ.
15. Интервью с О.В. Кирюшиной, правнучкой Н.Н. Морозовой и фотографии из семейного архива.

Говорова Арина

8 класс, историко-краеведческий клуб
«Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – Е. П. Стальмак)

«Мы живём вдали от Ленинграда дружною веселою семьёй...»

Судьбы сотрудников Легаевского интерната

История моего исследования началась с фотографии сотрудников Легаевского интерната [6]. Снимок был сделан в 1944 году, когда коллективу Легаевского интерната вручили Красное знамя имени Ленсовета, как лучшему эвакуированному интернату в Пермский край [6]. В объектив камеры напряженно смотрят 11 женщин. Это сотрудницы интерната. Они 4 года заменяли детям родителей, заботились о них. Им и посвящено мое исследование.

Изучая общую фотографию сотрудников Легаевского интерната в первом ряду, снизу, в левой части мы видим темноволосую женщину. Ее зовут Фелицата Алексеевна Дегтярева. Она была мамой двух воспитанников 20 детского сада (Риммы и Вовы Каленовых) и помощницей воспитателей. Фелицата Алексеевна Дегтярева родилась в январе 1904 года в селе Сима Юрьев-Польского района Ивановской области [2]. Всё детство и юность Фиса Алексеевна провела в родном селе в большой крестьянской семье: мама Ольга Дмитриевна, отец Алексей Иванович и 8 детей. Свою рабочую карьеру Дегтярева начала в 1921 году, работая воспитательницей детского сада своего родного села [2]. С 1923 года Фелицата Алексеевна стала членом партии Владимирской городской подпартийной организации (ВКПб) [2]. С 1923 по 1924 год она заведовала избой-читальней в селе Сима Юдовско-Польского района [2]. Потом она работала несколько лет завхозом родильного дома города Владимира, и в 1929 году она меняет последний раз свое место работы в родном городе на должность завхоза окружной больницы [2]. Там же, во Владимирской области, Фелицата Алексеевна вышла замуж за Ефима Васильевича Калёнова. В 1930 году Фелицата Алексеевна и Ефим Васильевич приезжают в Ленинград [2]. Здесь Фелицата Алексеевна поступила на библиотечное отделение Коммунистического политико-просветительного института им. Н. К. Крупской, но проучилась всего лишь три года [2]. В списке педагогов Легаевского интерната в графе «образование» указано, что она получила неполное высшее образование [5]. Почему Фелицата Алексеевна не закончила институт? Возможно, причиной послужили семейные обстоятельства, так как в 1934 году в семье появилась девочка Римма, а спустя 2 года – сын Владимир. В этот

период Фелицата Алексеевна работала библиотекарем, увы, пока неизвестной нам организации [1]. После рождения маленькой Риммы, в 1935 году начинает работу в библиотеке ДК им. Первой пятилетки (где и располагался 20 детский сад) [1]. В те же годы семью Дегтяревых постигает горе. Умирает Алексей Дегтярев (отец Фелицаты) [2]. Для Фелицаты Алексеевны это был сильный удар, так как она очень любила своего папу.

После рождения сына Фиса Алексеевна продолжает работу в ДК им. Первой пятилетки. Семья живёт на Садовой улице, в доме 13. Фелицата Алексеевна в 1937 году была назначена секретарем партийной организации, Ефим Васильевич работал заведующим кафедры ленинизма в Коммунистическом политико–просветительном институте им. Н. К. Крупской, а дети посещали детский сад № 20. Но в июне 1941 года началась война. Римма и Вова вместе с детским садом уехали в Ярославскую область. Спустя месяц в качестве заместителя начальника эшелона по эвакуации Фелицата Алексеевна также едет в Ярославскую область и там остается работать в детском саду № 20 [2]. В августе 1941 года из Ярославской области, из № 20 детского сада выезжает А. А. Трещалова (воспитатель старшей группы) в Ленинград за теплыми вещами. Пока Александра Алексеевна отсутствовала, ее заменяла Фелицата Алексеевна Дегтярева. Если посмотреть ее опросный лист, то в графе про ее рабочие места мы читаем, что с августа 1941 года по март 1942 года Дегтярева работала воспитательницей [2]. Все даты как раз совпадают, значит, Дегтярева заменяла Трещалову на время отъезда. Александра Алексеевна вернулась работать в свой детский сад, который тогда уже располагался в Легаевке. После приезда Александры Алексеевны Дегтярева заняла должность счетовода и пекаря. Римма Ефимовна (дочь Фелицаты Алексеевны) вспоминает: «А какой мама хлеб делала у Марфы Ивановны в избе. Она и жила и там» [1].

Супруг Фелицаты Алексеевны, Ефим Васильевич, героически погиб во время войны [3, с. 90]. Он поддерживал связь со своими детьми и женой, писал им письма и посылал открытки. Сегодня эти открытки хранятся в семейном архиве Каленовых (Князюк). В августе 2019 нам удалось разыскать Римму Ефимовну Калену – дочь Фелицаты Алексеевны, которая любезно поделилась материалами семейного архива. Вот один из фрагментов письма папы маленькому Вове: «Здравствуй мой мальчик Вовочка! Решил тебе написать письмо в благодарность за то, что ты хорошо кушаешь. Мало бегаешь, слушаешь маму, Анастасию Ивановну и Заведующую. Я слышал, у вас есть земляника, правда ли это? Если правда, то напиши мне об этом, я приеду к тебе попробовать ее. Папа» [4]. Вот такие небольшие послания получали Римма, Вова и их мама до

7 ноября 1941 года. В ноябре Ефим Васильевич погиб [1]. Он был артиллерист. Ефим Васильевич героически оборонял осажденный Ленинград и погиб под Шушарами. Его могилу нам удалось найти на петербургском кладбище Памяти жертв 9 января.

В 1945 году семья вернулась в Ленинград. Римма пошла в 4 класс, а Володя – в первый. После окончания школы Римма Ефимовна окончила университет по специальности инженер-судостроитель [1]. Фелицата Алексеевна работала до самой пенсии заведующей библиотекой Всесоюзного института растениеводства, а в 1961 году вышла на пенсию. Всё свое свободное время Фиса Алексеевна посвящала любимым внукам: Андрею, Светлане и Алексею, которые до сих пор вспоминают свою бабулю с улыбкой.

Семья Калёновых участвовала во встрече воспитанников Легаевского интерната 1975 года, а спустя 4 года, в 1979 году, Фелицата Алексеевна уходит из жизни [1]. Благодаря семье Князюк мы нашли могилу Дегтяревой на кладбище Памяти жертв 9 января. Фелицата Алексеевна покоится рядом с Ефимом Васильевичем, а в 1997 году в семейную могилу был подхоронен Владимир Ефимович. В 2020 году скончался последний свидетель тех событий из семьи Калёновых – Римма Ефимовна. Мы успели встретиться с Риммой Ефимовной и пообщаться. Всю свою жизнь она вспоминала с благодарностью воспитателей Легаевского интерната и с нежной и грустной улыбкой свою маму – Фелицату Алексеевну Дегтяреву.

Итак, благодаря проделанной работе удалось описать биографию Фисы Алексеевны, найти и встретиться с её родственниками (дочкой Р. Е. Князюк, внуками А. О. Князюком, А. В. Калёновым, С. В. Калёновой), установить ленинградские адреса, а так же её основные места работы и найти могилу Фелицаты Алексеевны. Я благодарю родственников Ф. А. Дегтяревой за помощь, воспоминания и предоставленные документы.

Фелицата Алексеевна прожила яркую жизнь, наполненную и грустными, и веселыми моментами. Она была прекрасным человеком, готовым отдать полностью своему любимому делу, но в то же время очень скромным. Именно про таких, как она, О.Ф. Берггольц в своей поэме «Февральский дневник» писала:

«Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
Я не геройствовала, а жила».

Использованная литература и источники

1. Говорова А. Встреча юных исследователей с воспитанницей Легаевского интерната // Санкт-Петербургский городской дворец творчества юных : [сайт] – 2019. – 28 августа. – URL: <http://>

www.anichkov.ru/page/news290819retropol/ (дата обращения: 23.12.2019).

2. Личное дело Дегтяревой Ф. А. // Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 105. Оп. 19. Д. 1172.
3. Максимова Э. М. Вторая Победа // Дети военной поры : [сборник] / сост. Э. Максимова. – Изд. 2-е, доп. – М., 1988. – С. 84–92.
4. Открытка Вове Каленону // Семейный архив Каленовых (Князюк).
5. Сведения об образовании и стаже работы педагогов и заведующей Легаевского интерната // Архивный отдел Администрации Чернушского муниципального района. Ф. 53. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.
6. Сотрудники Легаевского интерната эвакуированных детей Ленинграда у развернутого знамени : фотография // Архив школы № 5 города Чернушки Пермского края.

Белобородова Елизавета
8 класс, ГБОУ СОШ № 683
Приморский район,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь»
ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – Е. П. Стальмак)

О чем рассказали списки Легаевского интерната или Список как исторический источник

ДАННАЯ исследовательская работа написана в рамках проекта «Спасенное детство», посвященного эвакуации в годы войны ленинградского детского сада № 20. Проект начался, когда в архиве школы № 5 города Чернушки Пермского края были найдены уникальные исторические документы, рассказывающие о том, как в июне 1941 года группа воспитателей вывезла из Ленинграда воспитанников детского сада сначала в Ярославскую область, а позже в Молотовскую область, деревню Легаевка. Новое учреждение стали называть Легаевский интернат. Воспитателям удалось спасти детство более шестидесяти ребят, и в память об этом героическом поступке юные исследователи Санкт-Петербурга, Ярославской области и Пермского края пишут свои работы, изучают судьбы воспитанников и воспитателей, работают в архивах с историческими документами. Во время работы у нас появлялось множество вопросов, загадок, мы находили все больше и больше расхождений между списками и другими документами, которые мешали исследованию. Именно поэтому у меня появилась идея написать исследовательскую работу, главной целью которой стал комплексный анализ списков Легаевского интерната. Задача данной работы – на примере нескольких списков Легаевского интерната рассказать об эвакуации ленинградских детей и их жизни в Молотовской области.

Я проанализировала пять списков. В самом начале нашей исследовательской деятельности архив Чернушинского муниципального краеведческого музея предоставил нам список эвакуированных граждан, размещенных на станции Чернушка Молотовской области, деревня Легаевка [9], а Объединенный архив Комитета по образованию Санкт-Петербурга – список детей-воспитанников Легаевского интерната Молотовской области, станции Чернушка, реэвакуированных в г. Ленинград в 1945 г., переданных родителям или лицам, их заменяющим [6].

Проект «Спасённое детство» стал расширяться, подключилось еще больше исследователей, и в июне 2019 года в городе Чернушка Пермского края был организован летний лагерь «Память». Находясь в Чернушке, мы работали в различных архивах, и в школе № 5 мы нашли еще несколько списков:

- список детей детского сада № 20 Октябрьского района города Ленинграда;
- список детей детского сада № 20 Октябрьского района, эвакуированных из города Ленинграда на станцию Некоуз Ярославской области, помещающегося в деревне Лукино [7];
- список на обслуживающий персонал детского сада № 20 [8].

В первую очередь перед нами стояла задача датировать списки, и нам это удалось. Первым был составлен список детей, размещенных в Некоузе (примерно октябрь 1941 года). К этому выводу привели некоторые интересные зацепки в документе. Я обратила внимание на то, что в списке не указаны Шварц Ирина Марковна и Блох Ефим Михайлович, а во всех остальных документах и воспоминаниях они присутствовали. С помощью социальных сетей нам удалось разыскать Ирину Марковну Шварц. После разговора с ней мы узнали, что ее эвакуировали из Ленинграда только в августе 1942 года [4]. Ответ на вопрос о Ефиме Михайловиче нам удалось найти в статье «Вторая победа». Оказалось, что воспитательница интерната Александра Алексеевна Трещалова отправилась из Легаевки в Ярославскую область за Ефимом, заболевшим еще в Лукино, оставленным там в больнице [5]. Александра Алексеевна не хотела разлучать его с сестрой Бэбой. Но самое интересное то, что в отличие от Ирины Шварц, Ефим был в Некоузе, однако в списках его тоже не было. Это означало, что этот документ был составлен, когда Ефим уже находился в больнице, а детский сад оставался в Некоузе, то есть, примерно в октябре 1941 года перед отъездом из Ярославской области.

Следующие списки – список эвакуированных, размещенных на станции Чернушка, и список воспитанников детского сада. Эти документы были составлены предположительно осенью 1942 года, так как в них уже появилась Ирина Марковна Шварц, но еще не появился Ефим Блох, который все еще находился в больнице [5]. Скорее всего, списки были составлены в одно время, потому что в них не встречаются расхождения.

Мы познакомились со списками не только эвакуированных детей, но и сотрудников детского сада. Изучили список на обслуживающий персонал детского сада № 20 и обнаружили там одну интересную деталь. В этом документе нет одной из воспитательниц – Александры Алексеевны Трещаловой. В сентябре 2019 года нам удалось встретиться с её внучками Галиной Львовной

Федосовой и Людмилой Львовной Тюсиковой, они и рассказали нам, что в августе 1941 года Александра Алексеевна уезжала за теплыми вещами в Ленинград и вернулась в феврале 1942 года [3]. Следовательно, этот список был составлен либо в этот период, либо, когда Трещалова забирала Ефима Блоха. К сожалению, нам не удалось узнать, в какое время она за ним возвращалась.

И последний список, с которым мы работали – это список реэвакуированных детей, переданных родителям или лицам, их заменяющим. Он был составлен в июле 1945 года, так как дети уехали из Легаевки 8 июля 1945 года [10].

В ходе работы с этим документом мне удалось выяснить, почему из последнего списка пропадает целая семья – девочки Зоя, Тамара, Лида и их старший брат Валентин Трыковы [6]. Также у нас возник вопрос, как мальчик оказался в числе эвакуированных, если он был достаточно взрослым на момент эвакуации. Он родился 25 декабря 1927 года [8], то есть на момент эвакуации ему было 14 лет. Дело в том, что Евгения Николаевна Скотникова – директор детского сада – нарушила инструкцию (предписывавшую брать детей вместе с братьями и сестрами до 12 лет), и взяла вместе с девочками Зоей, Тамарой и Лидой их старшего брата. Их мать умерла, и отец – Михаил Дмитриевич – очень сильно просил, ведь дома мальчику оставаться было не с кем. Это был последний раз, когда он видел своих детей, Михаил Трыков погиб во время блокады [1]. Валентин и его сестры отсутствуют в последнем списке 1945 года. Куда же они делись? В отчете за 1945 год указано, что один из воспитанников отбыл в армию [2]. Из всех, только Валентин был в подходящем возрасте, поэтому можно сделать вывод, что это был именно он. А девочки, как и все, кто потерял свою семью в беспощадной войне, отправились в Таушинский детский дом [1].

Благодаря списку 1945 года, удалось установить еще один очень важный для исследования момент. Изучая документ, я увидела, что в строке с именем, фамилией, отчеством и подписью встречающего у Галины Мухиной указана Трещалова Александра Алексеевна и ее адрес. Адрес воспитательницы был нам известен по списку работников Легаевского интерната – набережная реки Фонтанки, дом 24, квартира 3 [8]. Мы нашли этому объяснение. В статье «Вторая Победа» написано: «Встретили не всех. У Александры Алексеевны Трещаловой еще целый год жила маленькая Мухина – мама у нее была в армии» [5]. Однако внучки Трещаловой не смогли это подтвердить [3].

Изначально эти списки были обычными листками бумаги, но благодаря анализу, сравнению с другими документами, воспоминаниями и рассказами очевидцев, они рассказали нам много нового и ценного, определили начало моей исследовательской работе, которую я собираюсь продолжать.

Использованная литература и источники

1. Воспоминания воспитанника Легаевского интерната Валентина Трыкова // Архив Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» Педагогического колледжа № 8 г. Санкт-Петербурга
2. Годовой отчет Легаевского интерната станции Чернушка Молотовской области деревни Легаево. Январь 1945 // Архив школы № 5 города Чернушка Пермского края.
3. Интервью с Г. Л. Тюсиковой. 18 сентября 2019.
4. Интервью с И. М. Шварц. Июнь 2019.
5. Максимова Э. М. Вторая Победа // Дети военной поры : [сборник] / сост. Э. Максимова. – Изд. 2-е, доп. – М., 1988. – С. 84–92.
6. Список детей-воспитанников интерната д. Легаево Молотовской области станции Чернушка, реэвакуированных в Ленинград в 1945 г. // Объединенный архив Комитета по образованию. Ф. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 21.
7. Список детей детского сада № 20 города Ленинград на станции Некоуз Ярославской области, помещающегося в деревне Лукино // Архивный отдел Администрации Чернушского муниципального района.
8. Список на обслуживающий персонал детского сада № 20 Октябрьского района города Ленинграда // Архив Чернушского муниципального района. Ф. 53. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.
9. Список эвакуированных граждан, размещенных на станции Чернушка, Молотовской области, деревне Легаевка // Архивный отдел Администрации Чернушского муниципального района.
10. Справка о Легаевском интернате. 1944 год // Архив школы № 5 города Чернушка Пермского края.

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

Сидоранова Анастасия
9 класс, ГБОУ СОШ № 316
Фрунзенский район,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь»
ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель – М. М. Осипова)

Георгий Альфредович Розай. По следам жизни одного танцора

Г.А. Розай – Шут в танце буффов (шотов) в балете «Павильон Армиды» Н.Н. Черепнина. 1907–1910 гг.

СОГЛАСНО выписке из метрической книги, находящейся в личном деле Г. Розая, хранящемся в РГИА, Георгий Альфредович Розай родился 2 ноября 1887 г. в селе Ивановское Тамбовской губернии в семье итальянского подданного Торквато Альфредо Фортунато Розая и крестьянки Матрены Фоминишны [1, л. 2]. Директор Императорских театров В.А. Теляковский называл отца Г. Розая берейтором у великого князя Юрия Максимилиановича [38]. Речь идет об его императорском высочестве великом князе Георгии (Юрии) Максимилиановиче Романовском, герцоге Лейхтенбергском (1852–1912), внуке Николая I. Он владел Сергиевской дачей в Старом

Петергофе, где бывали отец и сын Розай. Младшая сестра Георгия – Клавдия Розай (Григорович) – тоже училась в Театральном училище. В 1927 г. она родила сына Юрия. Он пошел по стопам дяди: стал выдающимся танцовщиком и балетмейстером [22, с. 29]. Интересно, что Ю. Григорович танцевал в «Половецких плясках» ту же партию, которую ранее исполнял Г. Розай.

Сам Георгий Альфредович был зачислен в Театральное балетное училище (Театральная ул. (с 1923 г. – ул. Зодчего Росси, д. 2) в 1897 г. по прошению отца [21, с. 50]. Курс обучения в балетном отделении составлял 7 лет. Туда принимали детей 9–11 лет [14, с. 253]. Первым преподавателем классического танца для Г. Розая стал Сергей Легат [16, с. 145] – яркий представитель новой школы танца – «подлинно русской, которая и покорила впоследствии весь мир» (по словам балетмейстера Ф.В. Лопухова). В одном классе с Георгием Розаем учился Вацлав Нижинский. По воспоминаниям его сестры Брониславы, «некоторые мальчики толкали и дразнили его [Вацлава] на уроках танцев за то, что он хорошо занимается. «Ты что, девчонка, что ли, мальчику незачем так хорошо танцевать!», – говорили они» [16, с. 148]. В. Нижинский назвал сестре троих своих главных врагов – Георгий Розай, Анатолий Бурман и Григорий Бабич [Там же]. Можно сказать, что у Г. Розая был трудный характер, он был непоседливым ребенком и мог совершить шалость. Однако эти черты характера не помешали ему окончить Училище и стать виртуозным танцовщиком. После завершения первого года Г. Розай был принят в Театральное училище, став воспитанником [16, с. 149]. Различие состояло в том, что ученики были приходящими, а воспитанники жили в общежитии на 3-м этаже Училища. Кроме того, воспитанников после окончания Училища принимали на действительную службу в Императорские театры, где те должны были проработать минимум 3 года [14, с. 254]. С 1898 г. воспитанников занимали в Мариинском театре в массовых сценах оперы и балета [16, с. 150].

Из записей В. А. Теляковского видно, что Г. А. Розай действительно был трудным ребенком, ему тяжело давалась учеба: «На днях он (Г. Розай – А. С.) явился к доктору и заявил, что у него так расстроены нервы, что он за себя не отвечает», «Розай хотя и скверный мальчик, но находится в таком нервном возбуждении, что его надо оставить пока в покое, и если он не ходит на уроки, то временно и не заставляя его ходить. Доктор дает ему теперь бром» [17]. Несмотря на это, в старших классах Г.А. Розай выделялся как один из лучших учеников. Он отличался очень высоким прыжком [21, с. 52]. Участие Г. Розая в серьезных постановках началось в 1905 г. 20 апреля состоялся показ балета «Ацис и Галатеея», где он исполнял главную роль [18, с. 461]. В 1906 г. М. М. Фокин поставил для Е. А. Смирновой и Г. Розая «Польку с мячиком». С этого началась балетмейстерская карьера М. Фокина [18, с. 250]. В сентябре 1907 г. в интервью «Петербуржской газете» он отметил, что «среди танцовщиков хорошие надежды подают Розай и Нижинский. Оба они будут участвовать в новых балетах» [18, с. 298]. Свое обещание он исполнил.

15 апреля 1907 г. на сцене Мариинского театра состоялся выпускной спектакль балетного отделения Театрального училища. Г. Розай вместе с Б. Нижинской танцевали *pas de quatre*. По мнению Г. Розая, классический танец не имел никакой ценности для его будущей карьеры: «Я думал, давно решено, что классическим танцовщиком будет твой брат – Вацлав, а я – характерным» – говорил он Брониславе [16, с. 258–259]. Среди остальных номеров особенный фурор вызвал «Танец шутов», который исполняли 6 мальчиков с Г. Розаем в середине. «Танец шутов» был отчетливо гротескным, М. Фокин считал его самым сложным по технике из когда-либо им поставленных [18, с. 101]. Г. Розай утверждал, что это самый трудный танец, который он когда-либо видел: «Есть там одно па: нужно высоко подпрыгнуть с поджатыми ногами по-турецки, а затем опуститься на одно колено» [18, с. 258–259]. Этот танец стал очень важным для карьеры Г. Розая. Именно с него начался путь его славы за границей. «Танец шутов» стал неотъемлемой частью балета «Павильон Армиды» [21, с. 53]. Идея и либретто этого балета принадлежат А.Н. Бенуа. На выставке в Михайловском замке, посвященной его творчеству, я увидела эскиз костюма Шута к этому балету [2]. Для меня стало настоящим открытием, что костюм на самом деле розовый в голубую полоску. Фотография, на которой Г. Розай одет в этот костюм, черно-белая [7], поэтому я не предполагала, что костюм настолько яркий. По моему мнению, эта яркость соответствует содержанию балета. Кроме того, этот яркий образ органично сочетается с другими костюмами, созданными к этому балету и представленными на выставке в Шереметевском дворце. Научное описание этих костюмов также дает представление о том, как их создавали. Среди использованных материалов – холщовая ткань (по всей видимости, в качестве основы), атлас, парча, металлическая нить и ткань, шелк, газ, глазет; техники: роспись по трафарету, аппликация, шитье, вышивка [4, 5, 8]. Вероятно, костюм Г. Розая был создан аналогичным образом. Отзывы критиков и реакция публики на Г. Розая были исключительно положительными. Это дало хороший старт его карьере. 1 июня 1907 г. Георгий Альфредович Розай был принят на действительную службу в кордебалет Мариинского театра [15, с. 78], его жалование в год составляло 600 руб. [1, л. 5]. Так начался его профессиональный путь.

Профессиональная деятельность и жизнь вне театра

Сезон 1907 г. открылся в сентябре. Однако Г. Розай вышел на сцену Мариинского театра лишь 25 ноября во время премьеры балета «Павильон Армиды», который сыграл важную роль в его жизни [21, с. 53]. Кульминацией второй картины является вихревой

«Танец шутов», в котором роль Короля шутов исполнял Г. Розай. «Успех «Шутов» и, главным образом, Г. Розая в этом танце был совершенно невероятный», – утверждал М. Фокин [18, с. 180]. А.Н. Бенуа вспоминал: «...лучшим вознаграждением было то, что Сережа Дягилев ... стал душить меня в объятиях и в крайнем возбуждении кричал «Вот это надо везти за границу!» [цит. по: 24, с. 37].

Однако Дирекция императорских театров не торопилась использовать выдающиеся способности Г.А. Розая. Лишь в 1909 г. ему доверили много новых ролей [21, с. 53]. В этом сезоне его имя впервые появляется в «Ежегоднике императорских театров». Согласно ему в сезоне 1908–1909 годов Г. А. Розай 4 раза исполнил роль Грека в «Эвнике» и 3 раза Обезьяну в «Дочери фараона» [13, с. 95]. Также Г. Розай активно сотрудничал с М. Фокиным. Например, выступая на благотворительных балах-маскарадах, проходивших в зале Дворянского собрания (Михайловская ул., д. 2 – Итальянской ул., д. 9) [18, с. 463].

Весной того же года жизнь Г. Розая изменилась навсегда. Его пригласили в антрепризу С.П. Дягилева [21, с. 53]. Репетиции проходили сначала в Эрмитажном театре (Дворцовая наб., д. 34), а затем в здании Екатерининского собрания, где в то время располагался Екатерининский театр (наб. Екатерининского канала (канал Грибоедова [51]), д. 88-90/2) [12, с. 24–27]. 19 мая 1909 г. состоялась премьера балета «Павильон Армиды» в театре «Шатле» в Париже [12, с. 30]. Она ознаменовала возрождение балета за пределами России и стала первым выступлением Г. Розая за границей. А. Н. Бенуа отметил: «Настоящий успех имели Нижинский, Розай, Карсавина (в «Голубой птице») и половецкие танцы» [9]. Практически сразу после окончания сезона в Париже Г. А. Розая с шестью другими шутами из «Армиды» предложили двухмесячный контракт с лондонским мюзик-холлом «Колизей». Судя по лондонским фотографиям 1909 г., Г. Розай гастролировал там вместе с Л.С. Леонтьевым (1885–1942), Ф.М. Козловым (1882–1956) и А. А. Орловым (1889–1974). За ежедневное исполнение танца, продолжавшегося не более 5 минут, жалование Г. Розая составляло 800 руб. в месяц и превышало его заработок в Мариинском театре за целый сезон [23, с. 383]. По мнению В.М. Красовской, именно успех одного номера парадоксально повредил танцовщику: «Он обрекал себя на амплуа только гротескного танцовщика, – амплуа, небогато представленное на казенной сцене» [23, с. 383]. Однако Н. Злобина отмечает, что выступления летом поддерживали исполнительское мастерство [21, с. 54].

После окончания гастролей в Париже и Лондоне Г. Розай с триумфом вернулся на Родину. С нового сезона (вероятно, под впечатлением его триумфов) дирекция Императорских театров

перевела его из кордебалетных артистов в корифеи и повысила оклад до 720 руб. в год. В целом в России с 1909 по 1915 год репертуар Г. Розая пополнялся в основном характерными партиями и выходами в кордебалете. Также его занимали в танцевальных номерах в операх [21, с. 54–55].

В 1911 г. Г. Розай в последний раз принял участие в «Русских сезонах». Этот сезон был самым продуктивным: труппа посетила Монако, Францию, Италию, Англию. На выставке, посвященной С. Дягилеву, в Шереметевском дворце я увидела афишу балетов, представленных в этом сезоне в Париже. Среди артистов назван и Georges Rosay. Он появился в партиях Беотийца в «Нарциссе», Кучера в «Петрушке» и Золотой рыбки в «Садко» [12, с. 53]. На выставке «Театр Александра Бенуа. Мания Петрушки» представлен эскиз костюма Конюха к балету «Петрушка», но на нем рукой самого А. Бенуа в скобках помечено: «Конюх (Кучер)» [3]. Цветной эскиз помогает точнее представить, как выглядел Г. Розай. Он был одет в розовую рубаху, темно-коричневый жилет, широкие черные штаны и высокие сапоги, а на голове у него был высокий извозничий цилиндр. Интересно сравнить замысел художника с тем образом, что создает на фотографии А. Берта Г. Розай. Кучер А. Бенуа предстает довольно легкомысленным человеком, поднявшим руку в приветственном жесте. Кучер Г. Розая – солидный человек, хорошо знающий себе цену. Его уверенная поза, вскинутая рука подчеркивают его значимость. Возможно, это было характерно и для самого Г. Розая, а не только для его героя.

О том, что Г.А. Розай танцевал Беотийца свидетельствует фотография А. Берта. Фотография студийная, портретная, сделана в Париже. На правой руке Г. Розая кольцо, предположительно, обручальное. В феврале 1910 г. он действительно обвенчался с дочерью купца второй гильдии Екатериной Семеновной Токмачевой [21, с. 56]. Г. Розай одет в костюм Беотийца: свободный и напоминающий древнегреческие одежды. Он был создан по эскизам Л. Бакста. В статье, посвященной творчеству художника [20], я нашла фотографию костюма, напоминающего по своему крою и орнаментам одежды Г. Розая. Разводы и пятна на тканях говорят о том, что он подлинный. Статья из «The Washington Post» подтвердила этот вывод: костюм хранится в музее Виктории и Альберта в Лондоне [25]. Возможно, это костюм самого Г. А. Розая. Цветная фотография костюма позволяет точнее представить образ танцовщика. Черно-белые фотографии Г. А. Розая в разных костюмах, эскизы к ним, сохранившиеся в музеях, являются подлинными свидетельствами того времени и переносят нас в эпоху дягилевской антрепризы. Личные фотографии Г. Розая рассказывают о том, как артисты проводили свободное время.

Завершающей остановкой «Русских сезонов» стал Лондон: коронация Георга V. Режиссер антрепризы С. Григорьев вспоминал, что «при общем успехе церемонии спектакль несколько потускнел, единственное, что вызвало большое воодушевление, – на редкость темпераментный танец буфонов, возглавляемый Розаем, в «Павильоне Армиды» [12, с. 56-57]. Так завершилась блистательная карьера Г. Розая в «Русских сезонах». Это не помешало ему оставаться виртуозным танцовщиком: успех за границей помог подняться по карьерной лестнице на родине. В новом сезоне в театре его перевели в разряд вторых танцовщиков [23, с. 383]. Несмотря на это, В.М. Красовская считает, что карьера Г. Розая быстро пошла на убыль: после таких триумфов рутина казенного театра должна была угнетать [23, с. 383]. Г. Розай действительно со временем потерял интерес к выступлениям. В сентябре 1913 г. он подал прошение об отставке, но оно было отклонено. В этом сезоне танцовщик часто болел и нарушал дисциплину: не приходил на репетиции и спектакли. В одной из объяснительных записок он сообщал, что, проживая за городом, не мог вовремя являться вследствие снежных заносов [21, с. 55–56]. Эту информацию можно проверить.

В адресно-справочных книгах «Весь Петербург» и «Весь Петроград» сохранились адреса Г. Розая. Долгое время он жил в Петергофе: в 1909 г. – по адресу Петергоф, Петергофская ул., д. 42 [10, с. 671], в 1910 г. – в Старом Петергофе, на даче Сергиевской [10, с. 721], в 1911 г. – в Старом Петергофе по адресу Саровская ул., д. 5 [10, с. 758], в 1912 г. – в Старом Петергофе, Лейхтенбергская, д. Чернова [10, с. 766], и в 1914 г. его адрес – Старый Петергоф, д. Сергеевка [10, с. 562]. К сожалению, многие из них не удалось найти на картах того времени или в справочниках. Я планирую точнее изучить эти петергофские адреса Г. А. Розая, пока лишь знаю, что некоторые из них связаны с Сергиевской дачей герцога Лейхтенбергского, у которого служил отец Г. А. Розая. Это подтвердил один из двух адресов, указанных в личном деле артиста: 1913 г. – Старый Петергоф, Сергиевская дача Его Императорского высочества князя Романовского Герцога Лейхтенбергского дача; 1914 г. – Старый Петергоф, Новые места, Сергиевская ул., дом Смирнова [1, л. 13, 16]. Среди упомянутых лет есть исключения. До переезда в Петергоф Г. А. Розай жил в Петербурге: в 1908 г. его адрес – наб. р. Фонтанки, д. 53 [10, с. 643], в 1913 году – наб. Екатерининского канала, д. 158 [10, с. 540] (судя по объяснительной записке и данным из архива, до зимы). В 1915 г. сведений о Г. А. Розае нет [10, с. 559]. В 1917 г. он переехал на Грязную ул. (ул. Яблочкова [58]), д. 6 [11, с. 583].

В 1915 г. Г.А. Розай был уволен со службы в Мариинском театре. Но в деле танцовщика сохранились рапорты режиссера

балетной труппы и за 1916 г. Кроме того, на обложке дела в надписи: «1 июня 1907 – 1 мая 1915» зачеркнута последняя дата и сверху написано: «1 апреля 1916» [1]. Думаю, ей и стоит доверять. Вероятно, Г. Розай привлекали к участию в спектаклях уже после официального расторжения контракта. О жизни Г. Розай вне театра информации немного. В 1912 г. он получил разрешение Конторы императорских театров открыть в Петергофе на имя жены гостиницу [21, с. 56]. В 1916–1917 г. Е.С. Розай жила по адресу: г. Петергоф, Константиновская ул., д. 6 [10, с. 578]. Можно предположить, что гостиница располагалась там, и после ухода из театра Г. Розай занимался ей.

Г. Розай умер в апреле 1917 г. от туберкулеза в Петергофе. О его болезненности можно узнать из журнала распоряжений, вырезки из которого хранятся в личном деле Г. Розая. В них упоминаются сроки болезни во время его службы в Мариинском театре. Со временем они становились длиннее и повторялись чаще [1]. Также сохранилась запись о выдаче свидетельства о явке к исполнению воинской повинности при призыве 1909 года (бессрочное), в котором значится: «признан совершенно неспособным к военной службе, а потому освобожден от нее навсегда» [1, л. 4]. Вероятно, такой результат медицинского освидетельствования был обусловлен состоянием здоровья Г. Розая, которое со временем только ухудшалось. Так закончилась жизнь блистательного, виртуозного характерного танцовщика.

Использованная литература и источники

Архивные материалы

1. РГИА. Ф. 497. Дирекция Императорских театров МИД. Оп. 13. Д. 903, 1907–1916 г. (Дело о службе артиста балетной труппы Георгия Альфредовича Розай). 19 л.
- Музейные предметы
2. Бенуа А. Шут : [эскиз костюма]. 1907. ГРМ Р-5115 // Александр Бенуа. К 150-летию со дня рождения : выставка / Государственный Русский музей. – 2021.
3. Бенуа А. Эскиз костюма Конюха. Балет «Петрушка» Игоря Стравинского. Труппа «Русский балет Дягилева». 1911 // Театр Александра Бенуа. Мания Петрушки : выставка / Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства. – 2021.
4. Костюм Подруги Армиды к балету «Павильон Армиды» Николая Черепнина. 1907. Мариинский театр // Театр Александра Бенуа. Мания Петрушки : выставка / Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства. – 2021.

5. Костюм Трубоча к балету «Павильон Армиды» Николая Черепнина. 1907. Мариинский театр // Театр Александра Бенуа. Мания Петрушки : выставка / Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства. – 2021.
 6. Фотография черно-белая на почтовой карточке. Г. А. Розай. Россия, Санкт-Петербург, 1907–1909. ГИК 17937/4400 // Госкаталог.РФ : [сайт]. – URL : <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5783573> (дата обращения: 20.11.2019).
 7. Фотография черно-белая на почтовой открытке. Г. А. Розай – Шут в танце буффионов (шутов) в балете «Павильон Армиды» Н. Н. Черепнина. Россия. 1907-1909. ГИК 4615/894 // Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства». – URL : <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3831014>. (дата обращения: 20.11.2019).
 8. Часть костюма (колет) кавалера к балету «Павильон Армиды» Николая Черепнина. 1907. Мариинский театр // Выставка «Театр Александра Бенуа. Мания Петрушки», Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства».
- Источники
9. Бенуа А. Н. Дневник : [записи от 2 июня (20 мая) 1909 г., 19 (6) марта, 17 (4) апреля 1911 г.] // Прожито : личные истории в электронном корпусе дневников. – URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221909-01-01%22&dateTop=%221911-12-31%22&diaries=%5B115%5D&keywords=%5B%22%D0%A0%D0%BE%D0%B7%D0%B0%D0%B9%22%5D> (дата обращения: 05.11.2019).
 10. Весь Петербург [на 1908–1914 год] : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – [СПб.] : издание А. С. Суворина, [1908–1914]. – 988 с., 2074 стб.
 11. Весь Петроград [на 1915–1917 год] : адресная и справочная книга г. Петрограда / под ред. А. П. Шашковского. – [СПб.] : издание т-ва А. С. Суворина – «Новое время», [1915–1917]. – 884 с., 1918 стб.
 12. Григорьев С. Л. Балет Дягилева, 1909–1929. – М. : Артист. Режиссер. театр, 1993. – 383 с.
 13. Ежегодник императорских театров. – СПб., 1909. – [Год 19], вып. 3. – 162, 144 с.
 14. Императорские театральные училища // Ежегодник императорских театров. – СПб., 1892. – [Год 1] : Сезон 1890/91 гг. – С. 253–260.

15. Императорские театральные училища // Ежегодник императорских театров. – СПб., [1907]. – Год 17 : Сезон 1906/1907 гг. – 273, 135 с.
16. Нижинская Б. Ф. Ранние воспоминания. В 2 ч. Ч. 1. – М. : Артист. Режиссер. Театр, 1999. – 348 с.
17. Теляковский В. А. Дневник : [записи от 20 (7) февр., 24 (11) февр., 17 (4) дек. 1905 г. // Прожито : личные истории в электронном корпусе дневников. – URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221905-01-01%22&diaries=%5B1386%5D&keywords=%5B%22%D0%A0%D0%BE%D0%B7%D0%B0%D0%B9%22%5D> (дата обращения: 05.11.2019).
18. Фокин М. М. Против течения : воспоминания балетмейстера, сценарии и замыслы балетов, статьи, интервью и письма. – 2-е изд., доп. и испр. – Л. : Искусство, 1981. – 510 с.
Литература
19. Антонова Е., Проворная Е. Русские сезоны. Как покоряли мир отечественные танцовщики, художники и музыканты // Культура.РФ : [сайт]. – 2019. – URL: <https://www.culture.ru/s/russkie-sezony/> (дата обращения: 05.11.2019).
20. Губанкова Ю. Лев Бакст – художник, изменивший мировую моду // Poruski.me : [онлайн-журнал]. – 2016. – 27 мая. – URL: <https://poruski.me/2016/05/27/04-bakst/> (дата обращения: 06.01.2020).
21. Злобина Н. С. Георгий Розай – имя, которое звучит так незнакомо : материалы к биографии // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. – 2014. – № 4 (33). – С. 50–57.
22. Колесников А. Г. Юрий Григорович. Путь русского хореографа : [книга-альбом]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Театралис, 2018. – 371 с.
23. Красовская В. М. Русский балетный театр начала XX века. В 2 т. Ч. 2. Танцовщики. – Л. : Искусство, 1972. – 456 с.
24. Томпакова О. М. Николай Николаевич Черепнин : очерк жизни и творчества. – М. : Музыка, 1991. – 108 с.
25. Judkis M. Ten costumes from the National Gallery's 'Ballets Russes' that wouldn't look out of place at Urban Outfitters // The Washington Post. – 2013. – 10 May. – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/going-out-guide/wp/2013/05/09/ten-costumes-from-the-national-gallery-s-ballets-russes-that-wouldnt-look-out-of-place-at-urban-outfitters/> (дата обращения: 10.10.2020).

Грабарева Екатерина

11 класс, ГБОУ СОШ № 222

с углубленным изучением немецкого языка «ПЕТРИШУЛЕ»

Центральный район,
историко-краеведческий клуб

«Петрополь»

ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель – Е. П. Стальмак)

Петербургские страницы жизни основоположника современной сейсмологии Б. Б. Голицына

Борис Борисович Голицын с Марией Константиновной Хитрово

Известно, что Борис Борисович Голицын родился 18 февраля (2 марта) 1862 года в Санкт-Петербурге в семье полковника Бориса Николаевича Голицына и Марии Георгиевны Голицыной (приемной дочери графа Г. Г. Кушелева). В 1870 году родители Бориса Борисовича развелись, и мальчика воспитывала приемная бабушка – Екатерина Дмитриевна Кушелева [9].

Было интересно узнать, где же жил юный Борис Голицын. В справочнике П. П. Нейдгардта «Список домам Санкт-Петербурга по полицейским частям и участкам за 1869 год» я узнала, что графиня Екатерина Дмитриевна Кушелева владела тремя домами в разных частях города – Московской, Спасской и Литейной [17]. По какому же из этих адресов она жила, и где воспитывался юный Борис Голицын?

Первый адрес, указанный в справочнике – набережная Екатерининского канала, 48 / Конный переулок, 2 (ныне – угол канала Грибоедова и переулка Гривцова) – в Спасской части города.

Там Кушелева владела одним каменным домом. Но район, где был дом, считался в Петербурге того времени не очень благополучным: близость Сенной площади, а также тот факт, что Конный переулок получил свое название от того, что на нем торговали лошадьми, позволяет предположить, что для собственного проживания графиня предпочла иной адрес [17, 18]. Второй адрес, который мы обнаружили – это Московская часть Петербурга – Дмитровский переулок, 16. Здесь домовладение состояло уже из двух каменных зданий, из которых одно было жилым, другое – хозяйственным. Для того, чтобы выяснить историю этого дома, я обратилась к архитектурному сайту www.citywalls.ru, откуда узнала, что дом по Дмитровскому переулку, 16 построен архитектором Е.Г. Терентьевым в 1854 году и с тех пор не менял свой облик [8]. Это скромное 4-этажное здание в стиле эклектики – образец рядовой городской застройки. Мы решили сравнить его с третьим адресом, чтобы выяснить, какой из этих домов могла предпочесть графиня для собственного проживания [17, с. 133]. Третий адрес – набережная Фонтанки, 32 / Симеоновский переулок (ныне – ул. Белинского), 1. По этому адресу Кушелева владела двумя каменными жилыми домами и одной хозяйственной постройкой. На сайте www.citywalls.ru я нашла изображения этого дома во времена Кушелевых – угловой дом был построен архитектором И. Е. Старовым, следующий за ним – А. И. Штакеншнейдером [19]. Оба здания выглядели нарядно и выделялись среди рядовой городской застройки. Этот дом, а также два его интерьера изобразил на своих акварелях художник Луиджи Премацци. Роскошные интерьеры (изысканная мебель, предметы декоративно-прикладного искусства, коллекция живописи) и фасад здания позволяют нам сделать вывод о том, что графиня Екатерина Дмитриевна Кушелева и сын ее приемной дочери Борис Борисович Голицын жили именно в этом доме [17, с. 253].

Летнее время Борис Голицын проводил в имении Лигово, которое также называли именем Кушелевых. Помимо этого, в книге П. П. Лазарева «А. Г. Столетов, Н. А. Умов, П. Н. Лебедев, Б. Б. Голицын» и в статье «Физический институт П. Н. Лебедева Российской академии наук» упоминается о том, что Борис Борисович Голицын провел вместе со своей бабушкой Екатериной Дмитриевной Кушелевой некоторое время в Афинах, но подробной информации об этом пребывании, к сожалению, нет [16; 25].

В 1847 году после смерти бабушки – Е. Д. Кушелевой, Борис Борисович Голицын был передан на воспитание ее сестре – Татьяне Дмитриевне Строгановой (это известно из семейного архива Людмилы Олеговны Середа). В книге С. О. Кузнецова «Дворцы и дома Строгановых» указано несколько адресов этой семьи, где теоретически мог в это время проживать Борис Борисович

Голицын [13]. Это Строгановский дворец, расположенный по адресу Невский проспект, 17 и имение Волышево, которое было получено Татьяной Дмитриевной Васильчиковой (Строгановой) в приданое. Имение Васильчиковых и Строгановых Волышево находилось в Порховском районе Псковской области.

В 1875 году Борис Борисович Голицын поступил в Морское училище, ныне – Морской корпус Петра Великого, расположенный по адресу набережная Лейтенанта Шмидта, дом 17 [8]. В 1880 году Борис Борисович Голицын, достигший звания гардемарина [10], отправился в плавание на полуброненосном фрегате «Герцог Эдинбургский». Во время плавания он побывал в Алжире, Неаполе, Пирее, Триесте, в мае 1881 года посетил Яфу и Иерусалим. Весной 1882 года он отправился во Флоренцию, где в то время находилась его мать – Мария Григорьевна Кушелева (которая вторично вышла замуж за итальянца). Последующие два года Борис провел в Италии по причине того, что врачи нашли у него признаки туберкулеза и запретили до выздоровления возвращаться в Петербург. По возвращении в Петербург в 1884 году, Борис Борисович Голицын поступил слушателем на гидрографическое отделение Морской академии, нынешнего Морского кадетского корпуса. Это учебное заведение он окончил в 1886 году одним из лучших, имея 12 баллов по всем предметам на всех экзаменах. В правилах о пенсионерах морского училища читаем: «Высочайшее утверждение 8 мая 1867 года: «На счет 1600 рублей, опускаемых ежегодно из арендных сумм по высочайшему повелению 1 августа 1855 года, выдаются при выпуске из Морского училища ежегодные премии шести отличнейшим из курса: первым двум – 300 рублей, остальным – по 250 рублей с наименованием «Премия адм. Нахимова». Борис Борисовичу Голицыну были выданы 300 рублей, что означает, что он был не только отличником, но и одним из двух лучших отличившихся [5].

Окончив курс Морской академии, Борис Борисович Голицын в 1887 году оставил службу во флоте в чине лейтенанта и решил посвятить себя науке, особенно его интересовала физика. Он попытался поступить в Петербургский университет, но ему это не удалось. В 1887 году Борис Борисович Голицын отправился в Германию, где поступил на физико-математический факультет Страсбургского университета. Незадолго до этого он отправился во Флоренцию, где брал у одного немца уроки немецкого языка в течение 2–3 месяцев. В 1890 году Борис Борисович Голицын был удостоен докторского диплома, после чего вернулся в Петербург. Тогда он вновь попытался поступить в Петербургский университет уже на магистра. Он был допущен без затруднений и смог сдать все экзамены, в которые входила не только физика, но и механика и

метеорология. О месте жительства Бориса Борисовича Голицына в этот период ничего неизвестно, но, как утверждает газета «Московский университет», он находился тогда в очень тяжелом материальном положении и, возможно, жил в студенческом общежитии при университете [12].

В 1891 году Борис Борисович Голицын обвенчался с Марией Константиновной Хитрово. По данным газеты «Московский университет» [12], молодожены совершили свадебное путешествие по городам Европы. Вернувшись в Петербург (точная дата неизвестна), Борис Борисович Голицын, по нашим предположениям, проживал вместе со своей женой по адресу ее родителей: Дворцовая набережная, дом 10. Этот адрес также принято называть «Дом А.П. Гагариной» или «Дом Жребцова» [26].

По сведениям газеты «Московский университет», в эти годы Голицын работал в Главной сейсмической станции в Пулковко. Однако эта информация представляется ошибочной, так как на здании Пулковской обсерватории висит мемориальная доска: «Здесь, на сейсмической станции «Пулковко», с 1906 по 1916 год работал ее основатель, выдающийся русский физик, один из основоположников сейсмологии, академик Борис Борисович Голицын». Как правило, в ходе работы над мемориальными досками данные выверяются по источникам, особенно строго это делали в советское время, поэтому у нас нет оснований не доверять датам, указанным на мемориальной доске, установленной в 1962 году.

Из книги П. П. Зюкова и А. Х. Хргиана «История и методология естественных наук» стало известно, что в 1891 году Борис Борисович Голицын был приглашен киевским физиком Н. Н. Шиллером в качестве приват-доцента в Киевский университет, но он отказался от этого предложения [15, с. 242]. В 1892 году Борис Борисович Голицын уехал в Москву, где поступил в Московский университет на должность приват-доцента кафедры физики. В 1893 году Борис Борисович Голицын уехал в город Юрьев, нынешний город Тарту в Эстонии. Там он был назначен исполняющим должность профессора по кафедре физики в Юрьевском университете, где он читал лекции. По данным письма министра народного просвещения, 4 декабря 1894 года Б.Б. Голицын подписал увольнение из Юрьевского университета и вскоре вернулся в Санкт-Петербург [5]. В начале 1894 (95) года ему было поручено заведовать физическим кабинетом Академии наук. Тогда же его пригласили читать лекции в Морскую академию Санкт-Петербурга. Из справочника «Весь Петербург» за 1893 год я узнала, что жена ученого, Мария Константиновна Голицына, проживала в то время по адресу Дворцовая набережная, дом 10 (в этом доме она жила с 1891 года). В справочнике за 1894 год указан тот же адрес проживания. Вероятнее всего, Борис Борисович

Голицын проживал по этому же адресу, хотя в справочнике его имя не было указано [1].

В 1895 году в «Известиях Академии наук» Борис Борисович Голицын опубликовал работу «Способ определения показателя преломления жидкостей вблизи критической точки», что говорит о его пребывании в Петербурге. По данным справочника «Весь Петербург» за 1895 год я узнала о месте жительства его жены. Адрес ее проживания изменился и теперь находился на улице Сергиевская, дом 55 (ныне – улица Чайковского), который также принято называть доходным домом А. К. Кольмана. В этом же справочнике указан адрес самого Бориса Борисовича Голицына, который отличался от адреса его жены. А именно – Миллионная ул., 11, особняк А. П. Гагариной или Дом Жеребцова. Этот дом уже упоминался выше, так как именно в нем проживала жена Бориса Борисовича Голицына в период с 1891 по 1893 годы [1]. Поскольку данных о том, что супруги развелись, у нас нет, стоит предположить, что в справочнике указаны места регистрации супругов, а не их фактического проживания.

В 1896 году Борис Борисович Голицын вместе с академиком О. А. Баклундом организовал экспедицию на Новую Землю для наблюдения полного солнечного затмения и изучения магнитного поля Земли, которая началась 10.07.1896 года в Архангельске и продлилась до 15.08.1896 года, окончившись в том же городе. В книге П. П. Зюкова и А. Х. Хргиана «История и методология естественных наук» сказано, что в период с 1896 по 1899 годы Борис Борисович Голицын был занят организацией и проведением русско-шведской экспедиции на остров Шпицберген, которая была вскоре проведена [15]. На сайте архива Санкт-Петербургского филиала Российской академии наук (далее – РАН) мне удалось узнать, что Борис Голицын активно сотрудничал с Русским географическим обществом.

В справочнике «Весь Петербург» за 1896 год указано, что Борис Борисович Голицын в 1896 году проживал по адресу Университетская линия, дом 1 [1]. Под этим адресом указан Южный пакгауз биржи Васильевского острова. По данным сайта www.citywalls.ru мы выяснили, что в Южном пакгаузе на Стрелке Васильевского острова с 1829 года была открыта выставка [8]. После закрытия выставки Южный пакгауз был отдан в распоряжение Академии наук. В 1896 году здание было передано под Зоологический музей. По данным справочника «Весь Петербург» за 1897 год Борис Борисович Голицын проживал по этому адресу с 1897 по 1899 годы. Из этого можно сделать вывод, что Академия наук использовала часть здания в качестве жилых помещений, несмотря на располагавшийся там музей [1]. В 1897 году Борис

Голицын был приглашен для чтения лекций по экспериментальной физике во вновь открывшийся Женский институт, располагавшийся по адресу: улица Льва Толстого, дом 6. Сейчас бывший институт носит название «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» [15].

В 1900 году Борис Борисович Голицын находился некоторое время в Париже на конгрессе физиков. В Петербурге в это время он жил по адресу набережная реки Фонтанки, дом 144 [1]. По этому адресу располагался комплекс зданий Экспедиции заготовления государственных бумаг, а на данный момент – Санкт-Петербургская бумажная фабрика АО «Гознак». С 1899 года Голицын был назначен управляющим по Экспедиции заготовления государственных бумаг, чем занимался до 1905 г. В доме по этому адресу он жил до того же момента. Следует отметить, что его жена Мария Константиновна Голицына проживала по этому же адресу [1]. Вклад Б. Б. Голицына в работу Экспедиции велик. По инициативе Голицына были расширены и переоборудованы мастерские, и Экспедиция заготовления государственных бумаг стала одним из самых больших бумажно-полиграфических предприятий не только в Петербурге, но и в России. В Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) нам удалось найти ряд документов, подтверждающих активную деятельность Бориса Борисовича на посту управляющего Экспедиции. Так, в 1900 году Борис Борисович обращается в Технический строительный Комитет с просьбой разрешить на набережной Фонтанки строительство нового 3-этажного здания «для строительных кладовых и мастерских внизу и для помещения рабочих в двух верхних этажах» [22]. В 1903 году при Экспедиции по инициативе Б. Б. Голицына учреждается Техническая школа, здание для которой строит архитектор Е. Р. Бах [23]. В 1905 году Экспедиция возводит «новую пристройку к существующему фабричному зданию для расширения первого бумагоделательного и второго печатного отделений» [21].

Зачем строится так много новых зданий? Дело в том, что на посту управляющего Голицыну удалось вывести предприятие из финансового кризиса, получив ряд выгодных заказов – например, при нем Экспедиция стала печатать железнодорожные билеты, накладные, защищенные от подделок, издавать книги по искусству. В фондах РГИА нам удалось обнаружить переписку Надежды Борисовны Панчулидзевой с супругом, историком Сергеем Алексеевичем Панчулидзевым, из которой мы узнали, что в 1902 году Б.Б. Голицын планировал большое народное издание книг для детей, главным редактором которого должен был выступать С.А. Панчулидзев [24]. Но, судя по каталогам, это издание не было реализовано.

В 1906 году Борис Борисович Голицын основал в Пулковке Центральную сейсмическую станцию, упоминание об этом мы обнаружили в книге Ю. А. Дужникова «Пулковские высоты» [14, с. 54]. В 1906 году, по данным справочника «Весь Петербург», Голицын жил по адресу Невский проспект, дом 17 [10]. По этому адресу расположен знаменитый Строгановский дворец, владельцем которого в то время был последний представитель этого рода – граф Сергей Александрович Строганов. Сам граф Строганов не жил во дворце, поскольку уступил его другим представителям рода.

С 1907 года Борис Борисович Голицын являлся председателем Ученого комитета главного управления землеустройства и земледелия, который находился в Доме министра государственных имуществ по адресу Большая Морская улица, дом 44 [8]. В РГИА нам удалось найти Докладную записку председателя Ученого Комитета князя Голицына, из которой мы узнали, что летом 1907 года он побывал с инспекцией учреждений Черноморского побережья и представил подробнейший отчет о поездке: «... все дело нашего ведомства на Черноморском побережье ведется в корне неправильно, без всякой системы и без наперед намеченного плана. Между отдельными органами ведомства нет никакого единства действий, им не преподаны никакие руководящие директивы и все предоставлено личному усмотрению каждого. Фактического наблюдения за тем, что делается на местах, нет никакого, никто не руководит, никто не поощряет, никто не указывает недостатки и пробелы, и в общем получается впечатление какого-то хаоса, в котором и сами заинтересованные лица не в состоянии разобраться» [20]. Из этого документа мы можем сделать выводы о том, что князь Голицын был принципиальным и профессиональным человеком, искренне болеющим за дело и не боящимся критики.

В 1907 году Борис Борисович Голицын был отправлен в командировку в Германию для ознакомления с состоянием работ в области сейсмологии и принял участие в съезде Международной сейсмологической ассоциации в Гааге. Письмо об этой командировке мы обнаружили в РГИА, в нем значится: «С 21 по 25 сентября сего года (по новому стилю) в городе Гааге состоится Конгресс Международной Сейсмологической ассоциации и состоящая при Императорской Академии наук постоянная сейсмическая комиссия, признавая безусловно необходимым участие России в этом первом конгрессе названной Ассоциации, избрала для этой цели своих членов академика князя Голицына и заслуженного профессора Императорского Юрьевского университета Левицкого...» [19]. Отчет об этой поездке Б.Б. Голицын опубликовал в 1907 году. Также он был избран ординарным академиком Императорской Академии наук.

В 1909 Борис Борисович Голицын был избран профессором Высших женских (Бестужевских) курсов, где он преподавал термодинамику. Это было одно из первых в России женское высшее учебное заведение. Здание расположено по адресу: 10 линия Васильевского острова, дом 33 [8]. Помимо этого, Борис Борисович Голицын участвовал в заседаниях Международной сейсмологической ассоциации в Цермате, Швейцария. В 1910 году Борис Борисович Голицын был избран гласным Петергофского земского собрания. В 1912 году по его инициативе было начато производство аэропланов «Илья Муромец» на Русско-Балтийском заводе, расположенном по адресу: Косая линия, дом 16 [8]. В то же время при его активном участии была организована первая школа летчиков в Гатчине. В справочнике «Весь Петербург» за 1912 год удалось обнаружить новый адрес проживания князя Голицына в Петербурге, а именно: Театральная площадь, дом 18, также известный как дом Д.Л. Животовского. В этом здании он проживал в период с 1911 по 1913 годы [10].

В 1913 году Борис Борисович Голицын был отправлен Академией наук в Германию для ознакомления с работой геофизических учреждений и участия в съездах Международного союза исследования Солнца в Бонне, Астрономического общества в Гамбурге и в совещании Комитета Международной сейсмологической ассоциации в Страсбурге. Помимо этого, Борис Борисович Голицын был избран директором Главной физической обсерватории Академии наук. После начала Первой мировой войны на базе обсерватории по инициативе Голицына было создано Главное военно-метеорологическое управление (Главмет), расположенное по адресу: Южное шоссе, дом 37. В период с 1914 по 1916 годы, то есть до последних дней своей жизни Борис Борисович Голицын, как указано в справочнике «Весь Петроград» за 1914 год, проживал по адресу: Васильевский остров, линия 2, дом 23 [10]. Этот дом также известен как дом купца П. Я. Бекеля. С 1919 года в этом здании расположился Государственный Гидрологический институт [8].

Борис Голицын скончался от воспаления легких 4 мая 1916 года на своей даче в Новом Петергофе, владельцем которой он был 14 лет. Похоронен Борис Борисович Голицын на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Я разыскала его могилу на этом кладбище, к сожалению, она производит впечатление заброшенной. Навести там порядок – одна из задач, которую я перед собой ставлю.

Научная работа Бориса Голицына принесла ему всемирное признание. В 1910 году Борис Борисович Голицын избирается почетным доктором Манчестерского университета в Англии. В 1911 году Швейцарское общество физики и естественных наук избирает его

почетным членом. В 1913 году Геттингенское общество избирает его почетным членом, физическое общество во Франкфурте в 1915 году – почетным доктором физической географии, Лондонское физическое общество – одним из 12 почетных членов. В 1916 году Борис Борисович Голицын стал членом английского Королевского общества. Помимо этого, он был членом многих ученых обществ в России. За всю свою жизнь Борис Борисович Голицын опубликовал около 130 научных работ, но, несомненно, прежде всего, работы по изучению сейсмологии внесли огромный вклад в развитие науки всего мира [15].

Использованная литература и источники

1. Адресная книга города С.-Петербурга [на 1892–1902 гг.] / сост., при содействии Гор. обществ. упр., под ред. П.О. Яблонского. – СПб. : Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1892–1902.
2. Академик кн. Б. Б. Голицын // Огонёк. – 1916. – № 20.
3. Академик князь Борис Борисович Голицын : его род, его время, его работы по физике / [сост. Волкова А.В.]. – Владимир : Транзит-Икс, 2002. – 59 с.
4. Анучин Д.Н. Б.Б. Голицын : [некролог] // Землеведение. – 1916. – Кн. 3/4. С. 217–218.
5. Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 69. Оп. 2. Ед. хр. 8 (Материалы, относящиеся к избранию в адъюнкты Академии Наук (копия отношения магистра нар. просвещения от 22/12 1893 по поводу утверждения в звании, письма Вильда, поздравительные телеграммы, 1893–1908 гг.).
6. Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 69. Оп. 2. Ед. хр. 9 (О назначении управляющим Экспедицией заготовления государственных бумаг. Официальные письма 1899).
7. Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 69. Оп. 2. Ед. хр. 30 (По владению участком земли в Новороссийском округе Черноморской губ. и дачей в Петергофе; договорные, письма, счета, приходо-расходные ведомости и т.п. 1901–1907).
8. Citywalls.ru : архитектурный сайт Санкт-Петербурга. – СПб., 2007–2021. – URL: <http://www.citywalls.ru/> (дата обращения: 20.02.2021).
9. Венгеров С. А. Голицыны, писатели и ученые // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. – СПб., 1893. – Т. 9 (17). – С. 51–53.
10. Весь Петербург [на 1903–1914 гг.] : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – [СПб.] : издание А.С. Суворина, [1903–1914].
11. Весь Петроград [на 1915–1917 гг.] : адресная и справочная книга г. Петрограда. – [СПб.] : издание т-ва А.С. Суворина – «Новое время», [1915–1917].

12. Голицын М.В. Триумф и трагедия академика Б.Б. Голицына : к 600-летию служения Голицыных России // Московский университет. – 2008. – № 20.
13. Кузнецов С.О. Дворцы и дома Строгановых : три века истории. – М. ; СПб. : Центрполиграф : МиМ-Дельта, 2008. – 319 с.
14. Дужников Ю.А. Пулковские высоты. – Л. : Лениздат, 1964. – 96 с.
15. Зюков П.И., Хргиан А.Х. Б.Б. Голицын как физик // История и методология естественных наук. – М., 1965. – Вып. 3.
16. Лазарев П.П. А.Г. Столетов, Н.А. Умов, П.Н. Лебедев, Б.Б. Голицын : [очерк жизни и деятельности]. – Ленинград : Науч. химико-технич. изд-во, 1927. – 91 с.
17. Список домам С.-Петербурга по полицейским частям и участкам / сост. П. Нейдгардт. – СПб. : С.-Петерб. столич. и губ. стат. ком., 1869. – [4], 552 с.
18. Оноприенко В.И. Борис Борисович Голицын, 1862–1916. – М. : Наука, 2002. – 335 с.
19. РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 842 (Об отпуске средств на покрытие расходов по командировке на Конгресс Международной Сейсмологической Ассоциации академика князя Голицына и заслуженного профессора Императорского Юрьевского Университета Левицкого. 4.09.1907).
20. РГИА. Ф. 382. Оп. 9. Д. 21 (Докладная записка председателя Ученого Комитета кн. Голицына о деятельности сельскохозяйственных и других учреждений Черноморского побережья. 1907).
21. РГИА. Ф. 1293. Оп. 101. Д. 16 (О расширении здания Экспедиции Заготовления Государственных бумаг в городе Санкт-Петербурге. 20.04.1905).
22. РГИА. Ф. 1293. Оп. 132. Д. 61 (О постройке трехэтажного здания для мастерских и квартир при Экспедиции Заготовления Государственных бумаг в г. Санкт-Петербурге, от 05.05.1900).
23. РГИА. Ф. 1293. Оп. 99. Д. 312 (О постройке Технической школы при Экспедиции Заготовления Государственных бумаг в Санкт-Петербурге. 17.09.1903).
24. РГИА. Ф. 1682. Оп. 1. Д. 87 (Письма Н.Д. Панчулидзевоу мужу историку С. А. Панчулидзеву, 1902).
25. Семенов-Тянь-Шанский А.П. Академик князь Борис Борисович Голицын : биографический очерк. – Пг. : тип. Морск. М-ва, 1916. – 39 с.
26. Табель домов города С.-Петербурга. – 2-е изд. – С.-Петербург, 1891. – 570 стб., ХСVI с.

Илларионова Анастасия

8 класс, ГБОУ гимназия № 293

Красносельский район,

историко-краеведческий клуб

«Петрополь»

ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель – Е. П. Стальмак)

«Звездный путь к сердцу России» Жизнь и деятельность астронома и геодезиста Ф. Ф. Витрама

Фёдор Фёдорович Витрам

В Петербурге есть место, где можно почти «дотронуться» до звезды. Именно здесь, на Пулковской горе, располагается Пулковская обсерватория – Главная астрономическая обсерватория Российской Академии Наук. История обсерватории начинается с 1839 года [25, с. 9]. И мне посчастливилось побывать в ней. Во время экскурсии мы познакомились с одним из старейших пулковских инструментов – Зенит-Телескопом. Оказалось, что его установкой руководил и занимался исследованиями

на нем астроном Федор Федорович Витрам (1854–1914), который в свое время был награжден главной наградой Русского Географического общества (далее – РГО) – Константиновской медалью.

Жизнь и деятельность Ф. Ф. Витрама

В начале моего исследования я обратилась в Российскую национальную библиотеку. Здесь из энциклопедии «Немцы России» [14, с. 375] мне удалось узнать, что Витрам родился в Риге в семье преподавателя гимназии. Мне также стало интересно, что же означает немецкая фамилия Wittram. На нижненемецком языке «witt» означает «белый», а «ram» по-немецки означает «баран». Таким образом, фамилия «Wittram» в переводе на русский означает Белобаранов. Можно предположить, что предки Ф.Ф. Витрама были выходцами с северных областей Германии, Нидерландов или Дании.

В архиве РАН мне удалось найти личное дело Фёдора Фёдоровича [6]. Здесь были и метрические записи, и послужной

список, перечень работ и наград, сведения о командировках по России и зарубежью. В РНБ в «Топографическом и геодезическом журнале» из статьи под названием «По поводу 25-ти летней педагогической деятельности профессора Ф.Ф. Витрама» [16, с. 243] я узнала, что среднее образование он получил в Губернской (ныне Николаевской) гимназии. Я решила поискать сведения о гимназиях Риги второй половины XIX века в библиотеке РГИА, где хранятся сборники под названием «Общая Роспись всех чиновных особ в государстве на определенный год» [9]. Поскольку отец Федора Федоровича был преподавателем гимназии, то сведения о нем удалось найти среди преподавателей Рижской гимназии в разделе «Министерства Народного просвещения». Также из личного дела следует, что Федор Федорович окончил Дерптский (Юрьевский) университет со степенью кандидата математических наук [6, л. 8 об.]. Дерпт (Юрьев) – это бывшие названия города Тарту (Эстония). Пока мне не удалось съездить в Тарту, но на генеалогическом сайте «Еврейские корни» [31] я нашла ссылку на Национальный архив г. Тарту, где хранятся личные дела студентов Иоганна Витрама (отца) (1 дело) и Теодора Фридриха Готлиба Витрама (2 дела). Мне удалось больше узнать об этом университете, его истории, традициях, о том, как жили и учились там студенты во второй половине XIX века [13, с. 14; 22, с. 11, 14; 23, с. 4–6; 26, с. 3, 4, 19, 20; 27]. Понять атмосферу студенческой жизни в Дерпте помогли воспоминания Петра Боборыкина, который также учился в этом университете в то время [11, с. 113–120]. Я узнала, что уровень обучения там был очень высоким и заинтересовалась «Академической Муссой», которая была учреждена в Дерптском университете в марте 1857 года. Больше о ней удалось узнать из правил, которые вводились при ее учреждении [24, с. 1–16].

Дальнейшая жизнь Витрама была связана с Николаевской Главной обсерваторией в Пулкове [6, л. 8, об. 9]. В то время она занимала одно из первых мест среди обсерваторий мира и называлась «Астрономической столицей мира». Начал он с должности сверхштатного астронома, а закончил свой научный путь старшим астрономом. Он занимался наблюдениями, измерениями, расчётами и математическими вычислениями. Какой же вклад внес Ф. Ф. Витрам в науку? Чтобы это узнать, я посетила библиотеку Пулковской обсерватории, где нашла журналы отчётов о её работе за разные периоды и архив Военно-Морского флота России. 6 июня 1885 года Ф. Ф. Витрам защитил докторскую диссертацию в

Дерптском университете на тему «Расчет специальных возмущений малых планет» с присвоением ученой степени доктора астрономии [6, л. 20 об.]. Летом 1890 года он лично произвёл геометрическую нивелировку¹ от Пулкова до Ораниенбаума (туда и обратно) и тригонометрическую нивелировку между Ораниенбаумом и Кронштадтом с помощью зенитных расстояний. Для дальнейших точных измерений нивелировок он установил металлическую пластину с горизонтальной чертой на месте нулевой отметки Кронштадтского футштока² – исходного пункта нивелирной сети России, от которого отсчитывают глубины и высоты на всех картах и производят расчеты орбит космических аппаратов [28].

Ф. Ф. Витрам внес большой вклад в геодезическую науку, он работал над определением разности долгот между Пулково и Архангельском (что позволило дать опорную долготу для съемки Белого моря), Потсдамом, Гапсалем (ныне – Хаапсалу, Эстония), Царским Селом и центром Петербурга. В 1906–1907 годах по заказу Министерства путей сообщения Витрам выполнил нивелировку между собой четырех ж/д вокзалов – Балтийского, Варшавского, Царскосельского (ныне – Витебский) и Николаевского (ныне – Московский), которые, в свою очередь, служили отправными пунктами точных нивелировок вдоль железных дорог, исходящих из Петербурга по всей России [12, с. 1–2]. Летом 1908 года он по просьбе Главного гидрографического управления был командирован в Финляндию и определял разность долгот по радиотелеграфу Мариехамна на Аландских островах в Балтийском море. Эта работа являлась первой такого рода в России [5, л. 40; 2, л. 1–29]. Ему также удалось определить разность долгот Пулкова и Парижа по радиотелеграфу [6, л. 11 об.]. Ф. Ф. Витрам выполнял работы по заказу военного министерства. Он проводил испытания, сравнения и научную оценку пробных экземпляров биноклей различных производителей [19, с. 44], а также проверку дальномеров системы Барра и Струда, изготовленных заводом Воссидло [3, л. 1–12]. Отдельная работа проводилась Ф.Ф. Витрамом по оказанию консультативной помощи географическим экспедициям. Он обрабатывал географические материалы по экспедиции адмирала И.Ф. Крузенштерна 1803–1806 гг., принимал участие в экспедиции под командованием адмирала С.О. Макарова [6, л. 25] на ледоколе «Ермак» в Северный Ледовитый океан к острову Шпицберген.

- 1 Нивелировка – определение разности высот («превышения») между двумя или более точками земной поверхности, одна из которых является исходной. Как правило за исходную принимают «уровень моря»
- 2 Футшток – уровнемер в виде рейки с делениями, позволяющими фиксировать уровень воды в водоёме.

Всю жизнь он продолжал астрономические «штудии»: наблюдал и подробно описал солнечное затмение 28 июля 1896 года [6, л. 42]; описал метод, ряд таблиц и звездную карту, по которым сравнительно просто могут быть подобраны пары звезд для нахождения широты [10, с. 360–361]; руководил установкой и первоначальными широтными наблюдениями на новом зенит-телескопе Г.78А. Фрейберга-Кондратьева с диаметром объектива 135 мм (ЗТФ-135); руководил экспедицией по наблюдению за солнечным затмением 17 апреля 1912 года; наблюдал полное солнечное затмение 21 августа 1914 года в Риге. И это лишь часть огромного научного вклада Ф. Ф. Витрама в русскую астрономию, геодезию, топографию и картографию.

В архиве Государственной Астрономической обсерватории (АГАО) мне удалось найти немногочисленную архивную информацию о Витраме (фотографии, факты личной жизни и статьи о нём), а в библиотеке – несколько книг о жизни и научных работах Пулковских астрономов в конце XIX века – начале XX века. Удалось воссоздать картину жизни того времени по воспоминаниям сотрудников обсерватории. Так, астроном-геодезист И.В. Бонсдорф вспоминал, что «...ни в одной заграничной обсерватории я не встречал столь благоприятной для занятий наукой атмосферы, какая была в Пулкове, где даже в бане не забывали об астрономии...» [30]. В свободное время ученые прогуливались по парку или играли в теннис, городки, крокет, зимой катались на лыжах и коньках. По субботам топились бани, которая была своего рода клубом для астрономов обсерватории, где они вели оживлённые беседы по астрономическим вопросам. Было место и для праздничных дней. Астрономы весело справляли Рождество и Пасху, Новый год с раздачей подарков. В семьях большинства Пулковских астрономов очень любили музыку и занимались ею в свободное время. В обсерватории часто устраивались домашние концерты и литературно-музыкальные вечера. Я узнала, что Федор Федорович в частной жизни всегда был интересным и живым собеседником, обладавшим еще и музыкальным талантом [10, с. 365]. Он также был известен среди коллег и своими «приговорками». Например, «Пошла коза ногами» (вместо «Нашла коза на камень»), «Не так страшен чёрт, как его малютки» (вместо «Не так страшен чёрт, как его малюют») [18, с. 387]. Начальные данные о его семье я получила из личного дела. Витрам вступил в брак [6, л. 24] с лютеранкой Мартой-Розой-Эммой-Юлией [4, л. 376] – дочерью статского советника Германа Ромберга. У них родились дочь Маргарита-Каролина-Анна [4, л. 377 об.] и сын Эдуард-Арнольд-Андреас [4, л. 377 об.]. Скорее всего, дочь получила свое имя в честь его матери.

После назначения Витрама ординарным профессором практической астрономии и геодезии в Геодезическое отделение Императорской Николаевской Академии Генерального штаба, он без

отрыва от своей основной деятельности был наставником военных геодезистов и гидрографов. Витрам придумывал для своих учеников интересные и познавательные занятия [16, с. 242, 243], готовил их к самостоятельным экспедициям [20, с. 33, 34, 36, 37], а после обучения его ученики выпускали собственные научные работы [21, с. 35]. За 27 лет педагогической деятельности Федор Федорович подготовил 46 офицеров армии и флота [15, с. 44], создал целую школу военных геодезистов, которые в различных уголках Российской Империи завоевали достойную репутацию хорошо подготовленных и опытных наблюдателей [16, с. 242]. Адмирал С.О. Макаров при отборе кандидатов для своей ледовой экспедиции очень высоко отзывался о Витраме, как о замечательном педагоге и профессионале своего дела. Он писал: «Астроном Пулковской обсерватории профессор Федор Федорович Витрам известен в научном мире своими работами, и можно сказать, что нет молодого астронома в России из военных и морских чинов, который бы не прошел школу этого профессора» [17, с. 232].

Как много было сделано Федором Федоровичем Витрамом для российской науки, и как много он мог бы еще сделать, если бы не его скоропостижная смерть 23 декабря 1914 года [6, л. 57]. Астронома, геодезиста, гидрографа, топографа, картографа, действительного статского советника, потомственного дворянина, заслуженного профессора, обладателя многих наград Российской империи Федора Федоровича Витрама отпевали в Евангелическо-Лютеранской церкви Спаса Преображения в Царском Селе [6, л. 57], а похоронен он был в Пулкове на Мемориальном кладбище астрономов. Мне удалось найти в ЦГИА выписку из метрической книги о смерти Федора Федоровича [8, л. 246 об., 247]. Я также разыскала его могилу на Мемориальном кладбище в Пулкове.

Одной из задач моей работы было найти информацию о жизни семьи Ф. Ф. Витрама. Мне удалось найти факты о разводе Витрама, о получении паспорта его сыном Эдуардом в 1912 году. А на портале «Памяти героев Великой войны 1914–1918 гг.» [29] была обнаружена запись в картотеке потерь о Витраме Эдуарде Федоровиче, о месте его службы, о его нахождении в госпитале. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) мне удалось поработать с оцифрованными метрическими книгами, где я обнаружила выписку из метрической книги о бракосочетании дочери Витрама Маргариты с Потомственным почетным гражданином Санкт-Петербурга Василием Мурашкинским, поскольку знала из личного дела Федора Федоровича о дате ее венчания. В ЦГА СПб удалось обнаружить личное дело Василия Мурашкинского, где были сведения о его работе, о его семье и о месте проживания по адресу: Международный пр. (ныне – Московский), д. 19 [7]. В данный момент поиск потомков Ф. Ф. Витрама продолжается.

Использованная литература и источники

Архивные материалы

1. Архив Главной Астрономической обсерватории РАН (АГАО РАН). Ф. 30. Д. 35. Л. 3.
2. РГА ВМФ. Ф. 404 (Главное гидрографическое управление). Оп. 2. Д. 1360. О телеграфном определении долготы Пулкова и г. Мариенхамна и о поручении геодезических работ на Оландских островах профессору Витраму. Л. 1–29.
3. РГА ВМФ. Ф. 404 (Главное гидрографическое управление). Оп. 2. Д. 1202. О геодезическом определении расстояний с павильона завода Воссидло для проверки дальномеров. 14 л.
4. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343 (Правительствующий Сенат Департамента Герольдии). Оп. 52. Д. 1828 (Определение Департамента герольдии Сената, май 1911 г.) С. 376–379.
5. РГИА. Ф. 733 (Департамент Народного просвещения). Оп. 205. Д. 10 (Отчёт директора Николаевской Главной астрономической обсерватории О. Баклунда за 1910–1911 гг.). Л. 39–41.
6. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 703 (Главная астрономическая обсерватория в Пулкове). Оп. 3. Д. 21. 1864–1915 гг. (Витрам Ф. Ф. Старший астроном). 66 л.
7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2963 (Петроградский Фототехнический ин-т комиссариата нар. просв. РСФСР. Петроград. 1918–1924). Оп. 1. Д. 909 (Дело о службе Василия Евгеньевича Мурашкинского). 42 л.
8. ЦГИА СПб. Ф. 2294 (Коллекция метрических книг Евангелическо-лютеранской Консистории). Об. 1. Д. 141 (Метрические книги в 1914 году Евангелической Лютер. церкви Спаса Преображения в Царском Селе, список умерших). Л. 237, 246 об., 247. Литература
9. Адрес-календарь. Общая Роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 1. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1851– .
10. Ахматов В.В. Профессор Ф.Ф. Витрам // Записки по гидрографии. Т. 39, вып. 3. Петроград, 1915. – С. 359–365.
11. Боборыкин П.Д. За полвека. Мои воспоминания. – М. : Земля и Фабрика, 1929. – 383 с.
12. Витрам Ф.Ф. Нивелировка 1907 г. между Балтийским, Варшавским, Царскосельским и Николаевским вокзалами в Санкт-Петербурге и определение падения Обводного канала. – СПб. : тип. М-ва путей сообщ., 1909. – 12 с.
13. Высочайше утверждённый план Протестантского университета в Дерпте. – СПб. : Сенатская тип., 1799. – 14 с.
14. Гохнадель В. Витрам Ф.Ф. // Немцы России : энциклопедия. – М., 1999. – Т. 1. – С. 375.

15. Денисов Ф.Ф., Капцог В.Б., Ангелов К.К. О наследии Ф.Ф. Витрама // Изыскательский вестник. – 2014. – № 2 (19). – С. 44–49.
 16. Дитц О.Г. По поводу 25-ти летней педагогической деятельности профессора Ф.Ф. Витрама // Топографический и геодезический журнал. – 1912. – № 16. – С. 241–243.
 17. Макаров С.О., Кузнецов Н.А., Долгова С.В. Ледокол «Ермак» : [сборник]. – М. : Paulsen, 2010. – 633 с.
 18. Осташенко-Кудрявцев Б.П. Пулково в 1897 году // Историко-астрономические исследования. – М., 1956. – Вып. 2. – С. 375–400.
 19. Отчёт за 1 мая 1887 – 1 ноября 1889 года, представленный Комитету Николаевской Главной Астрономической обсерватории её директором. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1889. – 47 с.
 20. Отчет за 1 сентября 1892 – 1 сентября 1893 года, представленный Комитету Николаевской Главной Астрономической обсерватории её директором. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1893. – 47 с.
 21. Отчёт за 1 сентября 1893 – 1 сентября 1894 года, представленный Комитету Николаевской Главной Астрономической обсерватории её директором. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1894. – 46 с.
 22. Паламетс Х. Тартуский университет : краткий обзор прошлого и настоящего Тартуского гос. ун-та. – Таллин : Валгус, 1977. – 95 с.
 23. Правила для студентов Императорского Дерптского университета. – Дерпт : тип. В. Глезера, 1869. – 16 с.
 24. Правила для учреждённой при Дерптском университете Академической Муссы. – Дерпт : тип. вдовы Шюнманъ и К. Маттисена, 1857. – 16 с.
 25. Стратонов В.В. Астрономический мирок // Историко-астрономические исследования. – М., 1955. – [Вып. 1]. – С. 252–321.
 26. Устав Императорского Дерптского университета // Из журнала м-ва народного просвещения. – 1865. – 31 с.
- Электронные ресурсы
27. Домская гора // Тарту – Юрьев – Дерпт : [интернет-портал]. – Россия, Эстония, 2009. – URL: <http://www.dorpat.ru/sights/domberg/> (дата обращения 22.09.2019).
 28. История Кронштадтского футштока // Кронштадт : [сайт]. – 2019. – URL: http://www.kronstadt.ru/history_futshtock.htm (дата обращения 14.10.2019).
 29. Поиск документов по героям // Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов : [интернет-портал] / Управление М-ва обороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества. – URL: <https://gwar.mil>.

ru/heroes/?last_name=%C2%E8%F2%F0%E0%EC&first_name=%DD%E4%F3%E0%F0%E4&groups=awd:ptr:fr:cmd:prs&types=awd_nagradu:awd_kart:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_spiski_zahoroneniy:potery_voennoplen:fr:cmd_commander:prs_person&page=1 (дата обращения: 21.11.2019).

30. Пулково в начале XX века (1900–1916) / Н. Н. Морин // Главная (Пулковская) Астрономическая обсерватория : [сайт]. – 2018. – URL: <http://www.gaoran.ru/russian/morin.html> (дата обращения: 03.06.2019).
31. Юрьевский Дерптский (Императорский) университет // Еврейские корни : [интернет-портал]. – URL: https://www.j-roots.info/index.php?option=com_content&view=article&id=153&Itemid=1 (дата обращения: 21.10.2019).

Андреева Анна

10 класс,
 Вторая Санкт-Петербургская Гимназия
 Адмиралтейский район,
 Юношеский университет Петербурга
 ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
 (руководители – В. И. Аксельрод,
 Е. П. Стальмак)

Алексей Алексеевич Ильин и его картографические заведения

Алексей Алексеевич Ильин

Каждый день мы используем огромное количество карт: захотели пойти в ресторан – ищем его на карте, оказались в другом городе – ориентируемся по карте, пишем исследование про памятник или здание – ищем его на карте. Если бы мы жили в конце XIX века, то почти все наши карты были бы напечатаны в одном месте – в Картографическом заведении А. Ильина. На тот момент это самая крупная подобная фабрика в России, которая производила 90 % отечественной картографической продукции. Наибольшего расцвета

картография достигла при своём последнем владельце – Алексее Алексеевиче Ильине. Ему и посвящена данная работа.

Точная дата рождения Алексея Алексеевича не известна. Например, заведующий отдела нумизматики Государственного Эрмитажа В. А. Калинин пишет, что Ильин родился 7 августа по старому стилю 1857 или 1858 года [24, с. 41]. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) найден формулярный список о службе будущего ученого, там указана дата рождения – 17 августа 1857 года [6, с. 11]. В деле Императорского Александровского Лицея (ИАЛ) «О приёме воспитанников в 1869–1870 годах» стоит дата 7 августа 1854 года [4, с. 8]. Думаю, верным следует считать 1857 год, эта дата указана на могиле Алексея Алексеевича Ильина на Шуваловском кладбище Санкт-Петербурга.

Известно, что отец Алексея, Алексей Афиногенович Ильин (1834–1889), был потомственным дворянином и генерал-лейтенантом. Мать, Александра Фёдоровна Шеринг, была дочерью немецкого врача-гомеопата Ореста Шеринга, переехавшего в Россию. Семья

Ильиных была многодетной, у Алексея был брат-близнец Афиноген и 5 сестёр: Антонина, Анна, Александра, Екатерина и Елизавета [24, с. 41]. Детство Алексея прошло под Петербургом в родовом имении Саря Новоладожского уезда [24, с. 41]. На сегодняшний день в имении сохранилась лишь «Барская дорожка» – липовая аллея, когда-то ведущая к дому Ильиных. Родители Алексея Алексеевича были крупными землевладельцами. Они стремились дать сыновьям достойное и многостороннее образование, Афиноген закончил элитное Николаевское Кавалерийское училище, а Алексей – Императорский Александровский лицей. Юные братья брали уроки рисования и графики. Занятия для того времени типичные, но примечательно, что их учителем был в то время ещё неизвестный художник Виктор Михайлович Васнецов. Впоследствии его пригласили работать в семейное «Картографическое заведение» [12, с. 155].

С 1867 года Алексей Ильин обучался в мужском пансионе статского советника С. В. Лялина, в котором готовили к поступлению в Императорский Александровский Лицей [24, с. 41]. Раньше лицей именовался Царскосельским, а после переезда в здание на Каменноостровском проспекте, д. 21, лицей стал называться Александровским, в честь его основателя императора Александра Первого. Это произошло в 1843 году [20, с. 4]. Обратившись к фондам ЦГИА СПб., мы узнали, что вступительные испытания в Александровский лицей Алексей Ильин проходил в декабре 1869 года. В лицее была 12-балльная система оценивания, Ильин показывает средние результаты. Приказом от 8 февраля 1870 года Алексея зачисляют в IV класс Александровского лицея с ежегодной оплатой обучения в размере 600 рублей [4, с. 19]. Сама учёба была многопредметной. Она делилась на 2 периода – школьный и университетский, в университетском давали более глубокие знания без разделения на профили. Описание жизни лицея 70-х годов мы обнаружили в мемуарах однокурсника Ильина – Петра Попова [15]. В декабре 1875 года на выпускном вечере Алексей получает аттестат об окончании Императорского Александровского лицея, чин государственного служащего X класса и распределение в лейб-гвардии Семеновский полк на правах вольноопределяющегося I разряда [5, с. 49]. Императорский Александровский лицей славился преемственностью поколений. Часто выпускники приводили сюда своих сыновей и внуков [21, с.163]. Так произошло и с Ильиным: в 1905 году лицей окончил его сын Алексей (60-й выпуск). Алексей Алексеевич не прерывал связь с Лицеём всю свою жизнь. Он входил в Комитет Пушкинского лицейского общества и был попечителем лицея. В 1910 году – становится членом совета ИАЛ [6].

С 1876 года Алексей Алексеевич Ильин начинает работать в семейном «Картографическом заведении А. Ильина» [18, с. 98]. Что же представляло из себя это предприятие? В январе 1858 года Штаб военно-учебных заведений поручил полковнику Генерального Штаба В.А. Полторацкому издать военно-исторический атлас войн 1812–1815 годов для второго и третьего специального класса военно-учебных заведений [13, с. 5]. Для выполнения поручения Полторацкий обратился к капитану Генерального Штаба Алексею Афиногеновичу Ильину, который некоторое время работал в Военно-топографическом депо. Вместе они открыли «Хромолитографию Полторацкого, Ильина и К» [22, с. 3]. Произошло это 23 января 1859 года. Первоначально картография находилась в арендуемых помещениях дома Китнера, по Екатерининскому каналу у Вознесенского моста [13, с. 5]. Благодаря очерку, изданному к пятидесятилетию предприятия, стало известно о первых годах работы картографического заведения [22, с. 3]. Тогда литография была совсем небольшой, стояло всего 2 ручных станка. Работали на них в свободное от основной работы время гравёры Военно-топографического депо. Первой работой издательства стал вышеупомянутый атлас (фото в приложении), второй – карта военных действий на севере Италии, выполненная в 4 краски на двух листах. В 1864 году В. А. Полторацкий по службе уезжает в Туркестан, а издательство переходит в полное владение А. А. Ильина и становится семейным предприятием [22, с. 4]. Штат заведения постепенно расширяется, количество ручных литографических станков увеличивается до 8. С 1867 года в заведении работает чертежником и гравером будущий русский художник В. М. Васнецов [12, с. 155]. К двадцатипятилетнему юбилею предприятие насчитывало одну паровую машину, семь скоропечатных, пятнадцать ручных, одну шлифовальную, две рельефные и одну для растирания красок. По «Книге для записи работ, проводимых в Картографическом заведении А. Ильина» за 1874 г. можно проследить развитие предприятия [7]. Очевидно, что заказы делались практически ежедневно. Издаваемая продукция разнообразна: карты, планы городов, чертежи, рисунки, таблицы, рисунки-выкройки для портных, портреты царской семьи и известных деятелей, этикетки для продуктов, грамоты и похвальные листы, меню для ресторанов. Число печатных экземпляров доходило до 100 тысяч, а сочинителем продукции часто выступало само картографическое заведение. Важной частью работ предприятия всегда были государственные заказы. Изначально картография была создана именно для выполнения одного из них. Множество карт, атласов, пособий изготавливали Ильины для учебных заведений [17]. У меня дома хранится «Учебный атлас по русской истории», напечатанный в «Издании картографического заведения А. Ильина»

в 1887 году. Развитие предприятия, приобретение собственного дома и нового оборудования дало возможность увеличить численность работников. К 1882 году в «Картографическом заведении А. Ильина» работало 35 граверов и учеников, 22 печатника и 60 подручных рабочих. Работниками совершено до шести миллионов оттисков при использовании более двух тысячи камней [13, с. 10].

Как уже говорилось, предприятие было семейным. После кончины родителей Афиноген становится домовладельцем, а Алексей – официальным руководителем издательства. Предприятие расширяется, это самая большая картографическая фабрика России того времени, и Ильин принимает решение о покупке земли и строительстве новых зданий на набережной реки Пряжки [11, с. 34]. Дом был каменный с деревянными постройками во дворе [8]. Автором проекта выступил архитектор, академик архитектуры Иван Иванович Шапошников. Здание вдоль Заводской улицы было построено по проекту И. Ю. Мошинского. Особое значение для картографии имеет вклад предприятия в разработку гипсометрического способа показа рельефа на географических картах. На производстве Ильиных была разработана гипсометрическая шкала, которая была немного доработана в конце XIX века и дошла до нашего времени без существенных изменений. В 1889 г. в заведении Ильина была отпечатана первая в России Гипсометрическая карта Европейской России с горизонталями и раскраской по ступеням высот [19, с. 36]. Продукция картографического заведения представлялась на российских и международных конкурсах и выставках в Москве, Санкт-Петербурге, Париже, Вене, Лондоне, Чикаго. За профессионализм и высокое качество присуждались почетные дипломы и медали [22, с. 10].

После Октябрьской революции Алексей Алексеевич Ильин добровольно передает семейное производство государству [14, с. 107]. Бывший владелец продолжает входить в совет директоров заведения и работает специалистом-картографом. Обладая прекрасной памятью, знаниями и имея богатый опыт, А. А. Ильин до конца своей жизни был незаменимым консультантом по различным вопросам картографии и географии, за что его часто называли «дедушкой русской картографии» [1, с. 30]. Со временем издательство преобразуется в Первое государственное картографическое предприятие, а затем в государственную картографию «Глобус». В настоящее время в здании располагается 444-я военно-картографическая фабрика. Проанализировав адресные и справочные книги жителей города, я обнаружила, что с 1931 года Алексей Алексеевич Ильин проживает по новому адресу: кан. Круштейна (наб. Адмиралтейского канала), д. 27, кв. 21, телефон 65-30. В этой квартире картограф поселился со своей второй женой

– Верой Владимировной Бутурлиной, урожденной Марковой. В маленькой уютной квартире Ильина часто бывали географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский, генетик и ботаник Н. И. Вавилов, востоковед И. А. Орбели.

Прошедшая Октябрьская революция, смена власти и национализация семейного предприятия отразились и на жизни Алексея Алексеевича. Постепенно его хобби – коллекционирование и изучение старинных монет привело к смене профессии. Увлечение Ильина нумизматикой началось в детские годы. Детское собирательство, интерес к географии, обширная домашняя библиотека и финансовые возможности семьи привили Ильина к серьезному изучению денежного обращения и истории монетной чеканки. Первым наставником для Алексея Алексеевича в области нумизматики стал Христиан Христианович Гиль, их знакомство произошло ещё в конце XIX века. С Гилем у Ильина завязались не только дружеские, но и деловые отношения. В 1904 году ими совместно была издана знаковая для русской нумизматики работа, ставшая базой для многих современных каталогов: «Русские монеты, чеканенные с 1801–1904 гг.». В дореволюционной России собирание монет носило преимущественно любительский характер, и это занятие могли позволить себе только очень состоятельные люди. Большинство из них после событий октября 1917 года покинули страну, а многочисленные предметы искусства, в том числе и нумизматические коллекции, стали передаваться в государственные хранилища и музеи. В апреле 1919 года, после упразднения Императорской Археологической комиссии, создается Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), специализирующаяся на изучении древних и средневековых культур Евразии. Осенью 1919 года Ильин был приглашен работать в РАИМК в качестве заведующего секцией нумизматики и глиптики [3]. В работе Ильину помогали его картографические познания, в тот период он издаёт работы: «Монетный двор в Ярославле», «Монеты великого княжества Черниговского, конца XIV века», «Топография кладов серебряных и золотых слитков», «Топография кладов древних русских монет X–XI в. и монет удельного периода». Местом практической работы ученых-нумизматов в советской России стал Эрмитаж. Это было трудное для музея время. Из Москвы возвращались в город эвакуированные во время Первой мировой войны коллекции, одновременно поступали национализированные частные собрания Строгановых, Шуваловых, Юсуповых. Было необходимо их разобрать, систематизировать, записать в каталоги. К 1941 году было составлено около двухсот томов нового каталога [9, с. 82]. 18 ноября 1918 года Алексей Алексеевич был принят на работу в качестве научного сотрудника в отдел нумизматики и глиптики Эрмитажа, а после смерти А. К. Маркова

возглавил отдел [3]. Ученый проделал колоссальную работу по формированию коллекции русских монет и медалей. Работая с музейным собранием, Ильин пополнял его недостающие экземпляры из собственной коллекции. Книга поступлений отдела довоенного периода пестрит пометками «дар NN» (т.е. «неизвестного лица») [24, с. 46]. А в 1937 году Алексей Алексеевич передал Эрмитажу ценнейшую коллекцию русских монет конца XIV–XIX веков. Благодаря усилиям Ильина нумизматическая коллекция музея к 1930 году возросла в четыре раза [3, с. 36]. Неоценимой заслугой Ильина является и то обстоятельство, что все поступившие в те годы экспонаты не обезличиваются в основном эрмитажном собрании, а благодаря выработанной им системе цветных этикеток в коробочках легко распознаются [24, с. 46].

По инициативе Алексея Алексеевича ежегодные экземпляры продукции монетного двора передавались в музей. Коллекции Эрмитажа, Русского музея, Государственного Исторического Музея пополнялись образцами современных монет, орденов и медалей. С 1927 года в музее стала работать постоянная нумизматическая выставка, на которой Ильин часто дежурил и проводил экскурсии для посетителей. В 1928 году Алексей Алексеевич был избран членом-корреспондентом АН СССР [3]. В должности заведующего отделом нумизматики Ильин проработал до 1927 года, затем его сменил Н. П. Бауер. Именно с этого периода над головой ученого стали сгущаться тучи. В 1931 году в Эрмитаже была создана Комиссия по обследованию работы музея и персональной чистке сотрудников [24, с. 47]. Ильину было предъявлено «буржуазное прошлое» и «участие в контрреволюционных группировках работников музея». В апреле 1931 года Алексей Алексеевич был уволен [3]. Но благодаря ходатайству деятелей науки и сотрудников Эрмитажа во главе с заведующим Отделом Востока И. А. Орбели, решение Комиссии было отменено, а Ильин восстановлен в должности хранителя Русского отделения.

Великая Отечественная война застала А. А. Ильина в Ленинграде. В соответствии с «Приказом по Государственному Эрмитажу» от 22 июня 1941 года сокровища музея отправились в эвакуацию. В годы блокады многие сотрудники Эрмитажа ушли добровольцами на фронт, уехали в тыл. К 1942 году в опустевшем музее работало около 150 человек. Они проводили работы по консервации зданий и сохранению оставшихся экспонатов. Алексей Алексеевич категорически отказался уезжать из родного города, сославшись на преклонный возраст и на необходимость приведения в порядок части коллекции своих монет, уже завещанных Эрмитажу. Так же он готовил к публикации работу о монетах удельного времени. Центр города стал подвергаться

ожесточенным бомбежкам и артиллерийским обстрелам. С каждым днем Ильину было всё тяжелее и тяжелее добираться до работы. Несколько раз квартира ученого страдала от артобстрелов [1, с. 38]. В воспоминаниях Ольги Владимировны Ольденборгер, сестры жены Алексея Алексеевича Веры Владимировны, я обнаружила информацию о переезде ученого в здание музея [23]. Работа облегчала Ильину блокадную жизнь. Рядом находилась его коллекция, библиотека и сотрудники, с которыми Ильина связывали долгие годы службы. Комната отапливалась печкой-буржуйкой, по указанию И. А. Орбели Ильину регулярно приносили вязанку дров. На письменном столе ученого стояла электрическая лампа, что было большой редкостью для блокадного Ленинграда. В силу почтенного возраста (на начало Великой Отечественной войны Алексею Алексеевичу было 84 года) ученый не мог выполнять физическую работу, нести дежурство по охране зданий и экспонатов. Несмотря на это он был с родным коллективом и, как отмечал искусствовед В. Ф. Левингсон-Лессинг, «служил для всех источником бодрости» [10, с. 135]. Сотрудники Эрмитажа и оставшиеся в городе друзья часто приходили в комнату ученого. 7 июля 1942 года Алексея Алексеевича навестил его приятель, врач и нумизмат Владимир Георгиевич Гаршин. В гости он пришел с писательницей Верой Михайловной Инбер, которая описала эту встречу в своем произведении «Почти три года. Ленинградский дневник» [16, с. 124]. Ученый рассказал гостям о своей жизни и работе в блокадном Эрмитаже, эвакуации отдела нумизматики. Вера Михайловна обратила внимание на монету ярко желтого цвета, лежащую на письменном столе. Алексей Алексеевич объяснил, что серебряный полтинник лежал рядом с медью и со временем изменил свой цвет. Только выполненные из чистого золота монеты не меняют окраску. В конце главы Вера Михайловна отмечает, что написала очерк об Ильине, назвав его «Чистое золото». В фондах Российской национальной библиотеки я нашла очерк Веры Инбер «Чистое золото». Он был опубликован в № 32 (793) журнала «Огонек» 9 августа 1942 года. Последние дни жизни ученого описаны в воспоминаниях О. В. Ольденборгер. Веру Владимировну Ильину с тяжелой формой полиневрита увезли в больницу Эрисмана, и она попросила сестру ухаживать за мужем. Тяготы блокады давали о себе знать. Силы оставляли Алексея Алексеевича. При первых признаках болезни Ольга Владимировна вызвала к Ильину профессора из Дома ученых. «Алексей Алексеевич в продолжение многих дней своей болезни ни на что, кроме слабости, не жаловался; удивительно трогательно относился к моим заботам, и его только беспокоило состояние здоровья жены. Он скончался днем 4 июля», – вспоминает Ольга

Владимировна [23, с. 143]. В соответствии со свидетельством о смерти № 25096 Ильин умер в возрасте 84 лет от энтероколита и миокарда сердца [2]. Дата в свидетельстве отличается от даты в воспоминаниях Ольги Ольденборгер – в документе указано 2 июля 1942 года. Сотрудники Эрмитажа проводили ученого в последний путь. Похоронен Ильин на Шуваловском кладбище.

В момент написания работы мне удалось отыскать в Петербурге родственников А. А. Ильина. Я познакомилась с Ольгой Владимировной Андреевой, двоюродной правнучкой Алексея Алексеевича. С изумлением узнала, что проживает Ольга Владимировна в исторической квартире Ильина на набережной Адмиралтейского канала в доме 27. Ольга Владимировна подробно рассказала о своих родственниках и показала документы, хранящиеся в семейном архиве.

Использованная литература и источники

Архивные материалы

1. Архив Русского географического общества. Ф. 64. Оп. 1 Д. 17 (Костриц И.Б. Сподвижник просвещения : краткий очерк жизни и деятельности А.А. Ильина).
2. Свидетельство о смерти № 25096 // Архив семьи Андреевых.
3. Трудовой список Ильина Алексея Алексеевича // Архив семьи Андреевых.
4. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1089 (О приеме воспитанников за 1869 и 1870 г.).
5. ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1116 (О выпуске воспитанников за 1875–1876 гг.).
6. ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3652 (Члена Совета Лицея Алексея Алексеевича Ильина).
7. ЦГИА СПб. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 12 (Касса (Книга для записи работ, проводимых в картографическом заведении А. Ильина)).
8. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3755 (Чертежи дома на участке, принадлежавшем М. Потаниной, совладельцам А. А. и А. А. Ильиным по наб. р. Пряжки, 5 и Заводской ул., 2, 4).

Литература

9. Варшавский С.П., Рест Б. Билет на всю вечность : повесть об Эрмитаже. – Л. : Лениздат, 1981. – 496 с.
10. Варшавский С.П., Рест Б. Подвиг Эрмитажа : документальная повесть. – Л. : Лениздат, 1985. – 174 с.
11. Векслер А.Ф., Крашенинникова Т.Я. Лермонтовский проспект. – М. : Центрполиграф ; СПб. : МиМ-Дельта, 2006. – 284 с.
12. Виктор Михайлович Васнецов. Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников / сост. и примеч. Н.А. Ярославцевой. – М. : Искусство, 1987. – 496 с.

13. Двадцатипятилетие Картографического заведения А. Ильина, 1859–1884. – СПб. : тип. А. Бенке, 1884. – 19 с.
14. Ильин А.А. Медали в честь Александра Сергеевича Пушкина. – СПб. : тип. А. Бенке, 1901. – 18 с.
15. Императорский Лицей в памяти его питомцев. Александровский Лицей (1844–1918) : [мемуары воспитанников Лицея] / сост.: С.В. Павлова. – СПб. : Наука, 2011. – 629 с.
16. Инбер В.М. Почти три года. Ленинградский дневник. – М. : РИПОЛ классик, 2015. – 319 с.
17. Каталог Картографического заведения А. Ильина, комиссионеров Министерства путей сообщения (1859–1909), 23 янв. С.-Петербург. – СПб. : тип. Первой СПб. Трудовой Артели, 1909. – 213 с.
18. Кильдюшевская Л.К. Издательская деятельность «Картографического заведения А. Ильина» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века : сб. науч. тр. / РНБ. – СПб., 1992. – Вып. 6. – С. 97–111.
19. Кремпольский В.Ф. История развития картоиздания в России и в СССР. – М. : Геозиздат, 1959. – 111 с.
20. Павлова С.В. Императорский Александровский (бывший Царкосельский) лицей : 300-летию Санкт-Петербурга посвящается. – СПб. : Паритет, 2002. – 253 с.
21. Привалов В.Д. Каменноостровский проспект : четыре километра с юга на север по петроградской стороне. – М. : Центрполиграф ; СПб. : Русская тройка-СПб, 2012. – 508 с.
22. Пятидесятилетие картографического заведения А. Ильина, 1859–1909 г., 23 янв. : очерк деятельности. – СПб. : тип. Первой СПб. Трудовой Артели, 1909. – 10 с.
23. Ольденборгер О.В. Странички прошлого : [воспоминания] / сост. Т.Ф. Киселева, О.Ю. Мавриной. – СПб. : Нестор-История, 2011. – 245 с.
24. Калинин В.А. А.А. Ильин – хранитель Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа. – СПб., 2012. – [Т.] 61. – С. 41–48.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Копылова Мария

10 класс, ГБОУ гимназия № 73

«Ломоносовская гимназия»

Выборгский район,

Юношеский университет Петербурга

ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководители – В. И. Аксельрод,

Е. П. Стальмак)

История адресной системы Петербурга или «Петербургская чётность»

АДРЕСНАЯ система города – это не только удобство для горожан, это и насущная необходимость для жизнедеятельности любого мегаполиса, а для Санкт-Петербурга – крупнейшего административного и туристического центра – это особенно значимо.

Адресная система Петербурга сформировалась в ходе государственных реформ XVIII и XIX веков и только потом была введена в других городах России. Но как ни удивительно этапы становления адресной системы Петербурга, они до сих пор не изучены. А такой важный момент, как изменение «чётности» при нумерации домов Петербурга в 1858 году до сих пор остается «белым пятном» в петербурговедении³. Новизна работы заключается в создании подробной схемы развития адресной системы Петербурга, а также логически обоснованной версии о «петербургской чётности».

С начала XVIII века учет горожан и сбор сведений о приехавших производила полиция. Дома именовались по фамилиям владельцев или по соседним объектам, с указанием названия стороны или части города [2, с. 329]. 21 апреля 1785 года Екатерина II издает «Грамоту на права и выгоды городам Российской империи», согласно которой «каждый дом, или иное строение или место или земля в городе да означится номером», появляется понятие «городские» номера

3 В 1858 году поменяли местами чётные и нечётные стороны улиц, так родилась «петербургская чётность». «Петербургская чётность» термин введен автором, для однозначного определения способа формирования нумерации домов в Петербурге с 1858 года, т.е. это адресная система, при которой на левой стороне улицы расположены чётные номера домов, в отличие от системы, принятой в Европе, где четные номера – на правой стороне.

домов, которые заносятся в Городовую обывательскую книгу [5, с. 363]. В Петербурге считали все дома подряд, цифра оказалась четырехзначная. Сквозная нумерация на практике оказалась очень неудобной. Но введение в 1785 году централизованного учета домовладений способствовало закреплению названий улиц, появлению «городового»⁴ номера дома, формированию адресов и первых городских справочников.

Санкт-Петербург первой адресной книге обязан Генриху Кристофу (Кристиану) фон Реймерсу. Генрих фон Реймерс (1768–1812) – писатель, историк, переводчик. Реймерс довольно много писал, но известность ему принесла книга «Санкт-Петербург в конце своего первого столетия», созданная к столетнему юбилею города и опубликованная в 1805 году. Собирая материалы для книги о юбилее столицы, у Генриха фон Реймерса и возникла идея создания первой «Адресной книги Петербурга», тем более подобная книга уже была издана в Москве. Ведь Петербург «по красоте своей не только не уступает всем значащим столичным городам Европы, но и превосходит оные, – не имел еще доселе подобно Парижу, Вене или Берлину адресной книги» [6, с. 1].

19 января 1802 года император Александр I издает Указ об «Учреждении в Санкт-Петербурге Комитета для уравнивания городских повинностей». В этом Указе император поставил перед Комитетом главную задачу – составить Табеля о домах, домовладельцах и стоимости их недвижимого имущества по частям столицы. Результаты работы Комиссии отражены в Указе Александра I от 19 января 1804 года: «Комитет, окончив ныне все исчисления, представил подробный для каждой части табели, в коих цена каждого дома означена», напечатать эти табеля и «снабдить ими все места и лица...». Таким образом, на руках у Генриха фон Реймерса оказываются Табеля с подробным описанием домовладельцев и домов, которые пронумерованы по частям и кварталам столицы. Кстати, эти номера домов получили термин «табельные», так как были присвоены Комитетом для уравнивания городских повинностей на основании Табелей оценочного сбора [14].

В 1830-е годы назрела необходимость реформирования столичной полиции. Указом 14 апреля 1830 года Сенат поручил министру Внутренних Дел «ускорить приведение Управы Благочиния (полицейской) в должное состояние для безостановочного действия по относящимся до ведомства его делам, приняв по усмо-

4 Для дальнейшей конкретизации номерам домов, занесенных в Городовую обывательскую книгу, автор присвоил термин «городовой» номер и, соответственно, «городовая» нумерация.

трению, ближайшие меры к поспешному течению в оной всех дел и пресечению медленности и беспорядков» [3, с. 100]. И одним из этапов полицейской реформы в столице была организация городской почты. И 17 января 1833 года в Петербурге была открыта первая в России городская почта [5, с. 86]. До этого письма в городе разносили курьеры.

Следующий этап, который был необходим для бесперебойной и оперативной работы полиции, да и городской почты тоже – стало введение «полицейской» нумерации домов. В то время самой распространенной в мире была европейская адресная система, при которой нечетные номера домов находятся на одной стороне улицы (слева), а четные – на противоположной, а нумерация возрастает от центра. Эта система впервые была введена Декретом Наполеона от 4 февраля 1805 года в Париже [1]. И вследствие своего удобства, быстро распространилась по всей Европе. Генерал-губернатор Санкт-Петербурга граф Петр Кириллович Эссен в 1814 году был в Париже, и именно он и предложил ввести европейскую систему нумерации в столице Российской Империи. За основу он взял Декрет Наполеона от 4 февраля 1805 года и там поменял всего лишь название реки Сены на реку Неву. Новая адресная система предусматривала введение следующих правил: нумерация домов происходила в рамках одной улицы, причем с соблюдением чётности (на правой стороне чётные номера, на левой – нечётные); начало улицы считали от берега Невы или от здания Главного Адмиралтейства, а если улица находилась не в центре города, то от больших проспектов или улиц. С введением европейской системы нумерации в столице России появилось понятие «полицейского» номера, логика в формировании городского адреса – чётная и нечётная стороны улиц, место начала отсчёта улицы, улучшилась работа городской почты и полиции [15]. А в Табелях оценочного сбора составили таблицу соответствия между «полицейскими» и «табельными» номерами домов.

5 мая 1858 года вышло основополагающее Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О некоторых преобразованиях в устройстве Санкт-Петербургской городской полиции», которое было ещё одним этапом полицейской реформы. К 1858 году Александр II издает ряд указов «О переименовании улиц Санкт-Петербурга» для систематизации названий и ликвидации одноименных и безымянных улиц. В 1863 году были собраны и систематизированы все неточности и выпущена новая Адресная книга Петербурга, в которой было отражено и новое распределение – «справа налево»: чётные номера стали давать по левой стороне улицы, а нечётные – по правой. Такая система распределения номеров по сторонам улицы является особенностью Петербурга.

Вопросом смены чётности домов в Петербурге занимался в начале XX века известный краевед и историк Петербурга П. Н. Столянский, который ещё в 1925 году писал: «почему нужно было сделать этот перенос, мы не знаем» [8, с. 154–155], во всех современных топонимических справочниках также написано: «причина изменения четности до сих не выяснена» [4; 9, с. 629]. С этой инициативой к Санкт-Петербургскому обер-полицмейстеру графу Шувалову в 1857 году обратился вице-директор Хозяйственного департамента МВД А. А. Бобринский [9, с. 629] и, как видим, она была принята в 1858 году. Почему же уже через 24 года после реформы 1834 года, когда было введено понятие четной и нечетной стороны улицы, правительство пошло на такое затратное действие, как изменение «чётности» домов в столице?

Изначально ещё Петром I Петропавловская крепость и Адмиралтейская верфь предопределили топографию городского центра [7, с. 21], который расположился у раздвоения Невы, тем самым сформировался исходный пункт для всей планировки Петербурга [2, с. 214]. По результатам работы градостроительной Комиссии при Анне Иоанновне планировка Петербурга стала лучевой, и лучи начинались от Главного Адмиралтейства на берегу Невы. По реформе 1834 года начало улиц было уже узаконено – это Главное Адмиралтейство и берег Невы [6]. Также здание Адмиралтейства было взято за точку отсчета верст согласно Указу императора Николая I от 1 марта 1839 года: «1). Начальным пунктом исчисления верст по всем трактам принять в С.-Петербурге Адмиралтейство, а в Москве Кремль; 2). Во всех прочих местах Империи...Почтовые конторы...»

Предлагаю свою версию изменения четности улиц в Петербурге. Я исходила из предположения, что в ходе реформы 1834 года была допущена неточность, которая проявилась в 1858 году. Проанализировав адресные книги за 1836 и 1863 годы, я обнаружила, что с 1858 года принципиально изменен адрес только у Главного Адмиралтейства, адрес которого в 1836 году – «1-ая Адмиралтейская часть, Главное Адмиралтейство», т.е. номера у этого здания не было. И располагалось это здание на четной стороне Адмиралтейской площади. В 1834 году у здания Адмиралтейства, как и у других административных зданий, не было номеров. А в 1857 году проблему присутствия в столице домов, у которых не было номеров, решал вице-директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел А. А. Бобринский, который увидел, что, поскольку Главное Адмиралтейство находится на правой стороне площади, то в результате существующего правила нумерации номер дома у него будет – чётный. И получается, что здание Главного Адмиралтейства, от которого по полицейской реформе 1834 года «должно считать начало улиц в столице» и от которого, по Указу Николая I 1839 года,

должно отсчитывать «нулевую версту» – будет иметь не первый номер. В результате долгих поисков в ЦГИА удалось обнаружить информацию, ставшую ключом для раскрытия моей версии о причине изменения нумерации домов в столице в 1858 году. Это отчет на поручение 1875 года от Санкт-Петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова Управляющему Адресной Экспедиции полковнику О. М. Флорову составить подробный указатель правильной нумерации в столице. В отчете полковник Флоров писал, что он составил «новый указатель владений в черте Столицы, присвоив каждому владению последовательный номер по порядку, не отступая при этом от принятого правила: считать нумерацию домов от Зимнего Дворца, для правой стороны – нечётный, для левой – чётный» [12]. Я думаю, что Бобринский и предложил это правило: чтобы статус Зимнего Дворца не понижать – от него отсчет, и потому же статусу номер императорской резиденции не присваивался [13]⁵, а Адмиралтейству № 1 присвоить, т.к. это центр Петербурга. Вот так нумерация домов и поменяла направление, стала – «справа – налево», родилась «петербургская чётность». Скорее всего, это и была причина, по которой А. А. Бобринский вышел с инициативой о смене четности улиц столицы. Результат видим в «Адресной книге за 1863 год» – адрес Главного Адмиралтейства «1-ая Адмиралтейская часть, 2 квартал, Адмиралтейская площадь, дом 1».

С конца XVIII века и до середины XIX адресная система Петербурга прошла три этапа: это сквозная нумерация домов в целом по городу и появление «городового» номера дома с 1785 года; сквозная нумерация домов по частям города и введение «табельного» номера с 1804 года; нумерация домов в возрастающем порядке по каждой улице, появление чётности и «полицейского» номера дома с 1834 года. Термин «Полицейский номер дома» и его главное назначение было введено военным генерал-губернатором Петербурга Павлом Николаевичем Игнатьевым, который в 1857 году писал: «Этот номер получит название Полицейского и будет служить средством к скорейшему отысканию домов...», а табельные номера тоже останутся для оформления документов о собственности на недвижимость [11]. Сегодня полицейские номера – называются почтовые, а табельные – кадастровые, и выполняют они те же функции, сформулированные в 1857 году губернатором Петербурга. В 1834 году Городской Думе

5 У Зимнего Дворца был только «городовой» номер – №1; после Октябрьской революции Зимний Дворец стал называться Дворец Искусств (до 1944 года) с адресом: пл. Урицкого, а полицейский или почтовый номер у Зимнего дворца появился только после войны – Дворцовая пл., д. 2 или Дворцовая наб., д. 38.

было приказано «табельные» номера на домах поменять на «полицейские», но переходный период затянулся до 1889 года [10; 13].

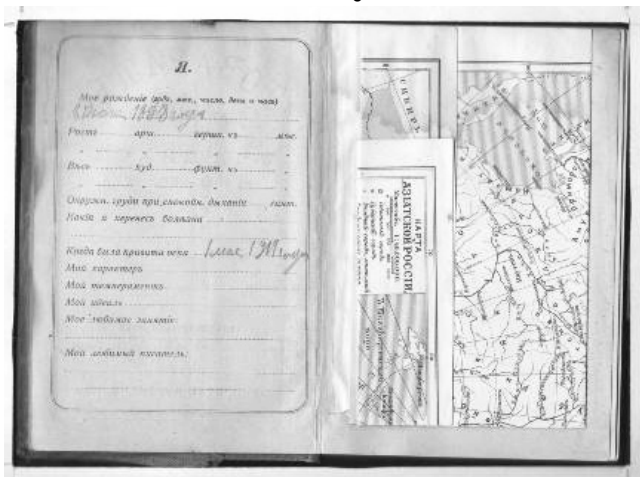
А по России введение «полицейской» нумерации домов началось с 1877 года, согласно циркуляру МВД от 4 мая 1877 года за № 297 «о составлении новых списков населенных мест Империи, в виду предстоящей всеобщей переписи народонаселения» [10]. Например, в Оренбурге и Томске – «полицейская» нумерация была введена в 1877–1879 годах, а в Москве – в 1881 году и т.д. И продолжался этот процесс до 1897 года – года Первой всеобщей переписи населения Российской империи.

Использованная литература и источники

1. 4 февраля. Дома и номера // На французской стороне : [блог]. – URL: <http://na-frantsuzkoy-storone.info/2018/02/04/4-fevralja-doma-i-nomera/> (дата обращения: 16.06.2018).
2. Анисимов Е.В. Юный град : Петербург времен Петра Великого. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 364 с.
3. Высоцкий И.П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703–1903). – СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – [6], 326, XVI с.
4. Дубин А.С. По петербургским адресам. – СПб. : ДНК, 2008. – 288 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. – Т. 22.
6. Реймерс Г.-Х. Санктпетербургская адресная книга на 1809 год : [в 2 отд. : пер. с нем.]. – СПб. : тип. И.К. Шнора и В.А. Плавильщикова, 1809. – [4], XII, 50, 560 с.
7. Столпянский П.Н. Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Питербурх. – Пг. : Колос, 1918. – 379 с.
8. Столпянский П.Н. Старый Петербург. Адмиралтейский остров. Сад Трудящихся. – Пг. : Гос. изд-во, 1923. – 192 с.
9. Векслер А.Ф., Кружнов Ю.Н. Нумерация домов и адресная система // Три века Санкт-Петербурга : энциклопедия : в 3 т. – СПб., 2005. – Т. 2, кн. 4. С. 628–630.9
10. ЦГИА СПб. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
11. ЦГИА СПб. Ф. 2111. Оп. 1. Д. 16. Л. 176.
12. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 2. Д. 139А. Л. 46.
13. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 72. Д. 475. Л. 10, 26–29, 119, 221.
14. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 90. Д. 452. Л. 13.
15. ЦГИА СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1016. Л. 6–7.

Басукинский Даниил
 9 класс, ГБОУ СОШ № 50
 Петроградский район
 (руководитель – А. Л. Короткевич)

Календарь учащихся «Товарищ» из фондов школьного музея

Календарь учащихся «Товарищ», разворот 1

В нашем школьном музее хранится интересный календарь-блокнот начала XX века. В нем присутствуют данные о жизни, учебе, времяпрепровождении, друзьях и семье неизвестного мальчика.

Изучаемое издание имеет серо-голубую обложку со следами загрязнений, оставленными годами [15]. Календарь учащегося «Товарищ» состоит из 124 листов бумаги, его размер 137х94 мм. На форзаце дневника находится календарь на 1912–1913 учебный год. На первой странице присутствует оглавление, ведь блокнот содержит множество интересных и полезных фактов. Также вначале можно увидеть пожелание от издателя для тех, кто купил этот блокнот [15, с. 1]. На последующих страницах календаря «Товарищ» находятся данные о расписании, праздниках и иновечерский календарь [15, с. 8–9]. Учащийся может заполнить свои данные об учёбе, о том, как он провёл день (некоторые из них заполнены) [15, с. 25–82]. Количество данных страниц составляет 52 (столько же, сколько в году недель). В календаре присутствуют данные о грамматике, математике, географии, астрономии, физике, азбуке Морзе, таблице умножения, почтовые правила, список различных учебных заведений, музеи, спи-

сок литературы и данные для фотографов-любителей [15, с. 145–247]. На титульном листе содержится информация о том, что календарь «Товарищ» выпускается 29-й год, значит 1-е издание календаря вышло в 1883–1884 учебном году. Вероятно, издание календаря типографией Отто Кирхнера продолжалось до 1917–1918 гг.

Собирая информацию об этом издании, было установлено, что издавался аналогичный календарь для девочек – «Подруга». Внутреннее содержание «Подруги» мало чем отличается от содержания «Товарища». В советские годы подобное издание выпускалось под наименованием «Пионер» с соответствующим содержанием. Можно проследить выпуск издания с 1928 по 1931 гг. и с 1947 по 1962 гг.

Производитель календаря

Производителем календаря являлась фабрика «Отто Кирхнер», работавшая с 1871 по 1918 гг. 23-летний немецкий мастер Отто Францевич Кирхнер открыл мастерскую 30 ноября 1871 года на Малой Морской улице в доме номер 14 [1]. В 1894 году мастерская занимала целое здание на Малой Морской, 14. Из-за нехватки помещений всё производство было перемещено на Большую Пушкарскую, 14–18 (ныне – Большая Пушкарская, 10).

6 ноября 1901 года Отто Кирхнер умирает. Фабрикой заведуют его сыновья – Карл и Франц Кирхнеры. Ассортимент, выпускаемый фабрикой, впечатлял. Это были конторские и копировальные книги, записные книжки-блокноты, регистраторы, бланки для «сбережения бумаг и документов», нотные тетради, альбомы для марок и открытых писем, фотографий и рельефных картин, для стихов, рисования, а также портфели, кошельки, бумажники, портмоне и прочее. И, конечно же, календари учащихся.

Самыми трудными для фабрики оказались годы Первой мировой войны и проследовавшая вслед за ней Февральская революция 1917 года. Из-за вступления Российской империи в войну, посеялась ненависть к неприятелю – немцам, коими являлись Кирхнеры. Карл и Франц были арестованы и сосланы в Вологду как военнопленные еще в начале войны. После октябрьского переворота 1917 года сыновья Кирхнера вернулись в Петроград из ссылки, но на обращение работать на фабрике, если не управляющими, то хотя бы рядовыми специалистами, им отказали. Более того, их обвинили в поджоге собственной фабрики, абсолютно без доказательств. В 1918 году фабрика была национализирована по решению ВСНХ (Высшего совета народного хозяйства), этим же распоряжением предприятию дано наименование «Государственная фабрика «Светоч» [1]. В 1990-е годы фабрика стала частным предприятием, в 2001 году отметила свой 130-летний юбилей, а через несколько лет перестала существовать в результате банкротства [3].

Записи владельца

Изучив текст дневниковых записей за период с 29 июля 1912 г. по 9 февраля 1913 г., можно констатировать, что автор обучался в училище. На странице 25 под заголовком «Начальствующие лица» был обнаружен список преподавателей данного заведения [15, с. 25]. В строку «директор» вписан человек по фамилии Шлаев или Шлеев. В таблице преподавателей снова виднеется эта фамилия. В колонке «Предм.» напротив предмета «Закон», вероятно «Закон Божий», читаем «Симон Шлеев». Благодаря книге Т. И. Пашковой «Гимназии и реальные училища дореволюционного Петербурга, 1805–1917 гг.» [2], были выяснено, что С. И. Шлеев был директором «Реального училища имени цесаревича Алексея Николаевича Единоверческого братства при Никольской единоверческой церкви» в 1912–1917 гг. Таким образом, становится ясно, что автор дневника в 1912–1913 гг. обучался в реальном училище. Реальные училища – это средние или неполные средние учебные заведения, в которых приоритет отдавался предметам естественной (история, естествознание) и математической направленности. Они возникли в 1830-е годы с целью распространения «технических, непосредственно полезных для промышленной деятельности познаний». В реальные училища поступали в 10 лет, курс обучения ребят длился 6–7 лет [4].

Данное училище было создано Единоверческим братством. Единоверием в России называлось направление в старообрядчестве, сторонники которого, сохраняя древние богослужебные обряды, признавали юрисдикцию Московского Патриархата, то есть официальной Православной церкви. Единоверческое братство в Петербурге появилось в 1902 г. при единоверческом храме святого Николая Чудотворца на Николаевской улице (ныне – ул. Марата, 24а). Единоверческое братство ставило целью заботу о сохранении обычаев старообрядчества, а также занималось благотворительностью. Братство располагалось в церковном доме на Николаевской ул., 22. Здесь братство содержало женскую гимназию, реальное училище, в котором бесплатно или за половинную плату обучалось до 130 мальчиков, детей прихожан, и женскую богадельню. В 1912 году реальное училище переехало в дом 14а по Кузнечному переулку [11]. Членами братства являлись известные петербургские благотворители: староста церкви кандидат богословия Санкт-Петербургского университета князь А. А. Ухтомский и почетный опекун генерал-лейтенант граф Н. Ф. Гейден. В 1910-е годы председателем братства был действительный статский советник А. А. Панков, секретарем – священник Г. Д. Дрибинцев.

Училище было создано 9 октября 1907 года в качестве частного учебного заведения. Изначально ему было присвоено имя чиновника канцелярии «Священного Синода П. В. Верховского», а в 1912 году –

имя цесаревича Алексея Николаевича. Первым директором училища был Алексей Алексеевич Ухтомский, он оставался директором и в момент поступления в училище автора дневника [2; 5]. В 1912 году его сменил Симеон Иванович Шлеёв.

По страницам 34–35 дневника, можно понять, какие предметы изучал автор дневника: Закон Божий, русский язык, арифметика, алгебра, французский язык, немецкий язык, география, история, естествознание, черчение и рисование. На обратной странице титульного листа стоит год его рождения – 1898. На учебный год 1912–1913 автор дневника учился в 3 классе училища [15, с. 40], где по нашим расчетам ему должно быть 13–14 лет. На 40-й странице календаря можно прочесть надпись «Расписание экзаменов в 3 классе в 1918 году», тогда получается, что мальчику было 20 лет. Почему такое несоответствие? Можно предположить, что цифра «8» это исправленная цифра «2» или «3». Тогда это противоречие разъясняется. Поскольку ниже есть надпись «Май», мы делаем вывод, что записи были сделаны в 1913 году.

Семья

В процессе исследования дневниковых записей было обнаружено много упоминаний о семье автора. Она была верующей, как и большинство в то время, почти каждый день владелец календаря ходил молиться в церковь. Из записей можно узнать состав семьи: мать, бабушка, дедушка (из записей известно, что он уже умер), крестный и брат Сергей. Упоминаний об отце нет, но из документов архива известно, что он умер [6, л. 25]. О сестрах информации нет, но можно предположить, что несколько человек из списка друзей являются родственниками владельца. Фигурируют друзья и знакомые отца, например, Александр [15, с. 67]. На странице 144 мы обнаружили перечисления имен и дней рождений. Все из перечисленных на этой странице имели фамилию «Степанов(а)», из чего можно сделать вывод, что эти люди были родственниками владельца календаря, а значит, и он носил ту же фамилию.

Зная предположительную фамилию владельца, мы обратились в Центральный государственный исторический архив (далее – ЦГИА СПб), так как там хранятся личные дела учащихся «Реального училище имени цесаревича Алексея Николаевича Единоверческого братства при Никольской единоверческой церкви». Там были обнаружены данные 3-х Степановых: Степанов В., Степанов Н., Степанов П. При работе было выяснено, что нам подходит только Владимир Степанов. При сравнении дат рождения в календаре «Товарищ» и личном деле обнаружилось, что они совпадают. Владимир родился 8 июля 1899 года. Однако в календаре значится другой год рождения – 1898. Можно предположить, что владелец

календаря ошибся, или он специально написал такую дату. 15 июля в календаре соответствует дате его крещения из метрической книги [5, л. 28]. Там же содержатся данные о крестных мальчика, и они соответствуют записям в блокноте: А. Степановой и В. Ф. Степанова. Документы ЦГИА СПб позволяют нам сделать вывод, что Владимир поступил в училище [5, л. 29, 31] в 1910 году, в 1914 учился в третьем классе [5, л. 32-об.]. Также в архиве есть документы о повторном поступлении в училище в 1916 году [5, л. 24, 30].

В личном деле были обнаружены имена родителей: Мария Петровна и Яков Федотович Степановы [5, л. 28]. Все документы, адресованные директору училища, подписаны матерью. На странице 143 календаря есть запись о дне рождения М. П. Степановой – 6 февраля [15]. Среди записей в календаре есть несколько упоминаний мамы: подарок сыну Владимиру в виде 3-х книг Жюль Верна и празднование её именин. Благодаря материалам архива мы узнали место проживания семьи – Предтеченская улица (ныне – Черняховского), д. 11 кв. 5 [5, л. 24, 30]. Оказалось, что этот дом был доходным и принадлежал судовладельцу Федоту Степановичу Степанову [8]. Ему также принадлежал второй доходный дом по Казанской улице, 17 [8]. В телефонном справочнике Петербурга за 1912 год Ф. С. Степанов значится как владелец буксирного пароходства [6]. Папу Владимира звали Яков Федотович, значит, Федот Степанович мог быть дедом Владимира. В календаре автор пишет, что дедушка умер. Вероятно, телефонный справочник был издан до смерти дедушки. В телефонном справочнике за 1913 год судовладельцем уже указан Василий Федотович Степанов, крестный отец и дядя Владимира [7]. Из данных личного дела было выяснено, что дедушка Владимира являлся владельцем доходных домов и буксирного пароходства. В «Справочной книге о купцах г. Санкт-Петербурга 1898 года» присутствует запись о купце второй гильдии Федоте Степановиче Степанове [12]. Кроме этого есть информация, что Ф. С. Степанов за свой счёт построил храм Воскресения Христова на углу Воронежской и Глазовской улиц (ныне – Константина Заслонова, д. 6) [13]. Но этот храм принадлежал не единоверцам, а другой старообрядческой общине – «поповцам», а Ф. С. Степанов был попечителем и казначеем этой общины [15]. Можно сделать вывод, что семья Степановых принадлежала именно к этой общине, а Владимир упоминает именно этот храм в своих записях, тем более, что он находился не далеко от дома, где жила семья (храм не сохранился). Исходя из всех этих фактов, становится очевидным, что семья Степановых была богата, хотя ее представители записаны в документах как крестьяне Тверской губернии [5, л. 28]. Записи в календаре подтверждают материальный уровень семьи. Они могли позволить себе купить граммофон [15, л. 56] и

сходить в кинематограф [15, л. 67]. Также данные личного дела свидетельствуют о том, что Степановы жили на даче в Куоккале (ныне – Репино) и много путешествовали по России.

Таким образом, можно сделать вывод, что семья Степановых была большой, верующей и имела достаток выше среднего, что позволяло им приобретать дорогие вещи, посещать кинематограф, путешествовать и содержать дачу.

Использованная литература и источники

1. Кузьмина Н.Г. История фабрики «Светоч» // Промышленный Петербург в музейных коллекциях : материалы межмузейной конференции из цикла «Общественная жизнь Петербурга», 12 мая 2016 г. / Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Мемориальный музей «Разночинный Петербург». – СПб., 2016. – С. 41–44.
2. Пашкова Т.И. Гимназии и реальные училища дореволюционного Петербурга, 1805–1917 гг. : ист. справ. – СПб. : Серебряный век, 2015. – 339 с.
3. Руденко Н. Страницы истории фабрики «Светоч» (1918–1945) // XII и XIII открытые слушания «Истории Петербурга» : ежегод. конф. по проблемам петербурговедения, 2005–2006 гг. – СПб., 2006. – С. 156–170.
4. Рябов В.М. Становление и развитие отечественного профессионального образования // Вестник Брянского государственного технического университета. – 2006. – № 1 (9). – URL: <https://psihdocs.ru/v-m-ryabov-stanovlenie-i-razvitie-otechestvennogo.html> (дата обращения: 10.01.2018).
5. Документы по личному составу и деятельности Реального училища имени Цесаревича Алексей Николаевича Единоверческого братства при Никольской единоверческой церкви, 1907–1918 // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 92. Оп. 1. Д. 11. Л. 24–32.
6. Весь Петербург на 1912 год : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – [СПб.] : издание А.С. Суворина, [1912]. – 1209 с., 2492 стб. : ил., пл.
7. Весь Петербург на 1913 год : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – [СПб.] : издание А.С. Суворина, [1913]. – 850 с., 1877 стб. : ил., пл.
8. Доходный дом Ф.С. Степанова // Citywalls : архитектурный сайт Санкт-Петербурга. – URL: <http://www.citywalls.ru/house4230.html> (дата обращения: 19.11.2019).
9. Календари дореволюционного периода XX века // Факты от Арчи : [блог]. Циклы времени. Ч. 9. – URL: [https://archi-fact.livejournal.com/tag/циклы времени/](https://archi-fact.livejournal.com/tag/циклы%20времени/) (дата обращения: 17.12.2018).

10. Подруга : календарь для учащихся в женских учебных заведениях составленный Л.В. Тимановой. – СПб. : Издание Отто Кирхнер, 1907.
11. Реальное училище Единоверческого братства им. Цесаревича Алексея Николаевича, Кузнечный пер., 14а // Citywalls : архитектурный сайт Санкт-Петербурга. – URL: <http://www.citywalls.ru/house4407> (дата обращения: 13.12.2018).
12. Справочная книга о лицах Петроградского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах ... [на 1898 год]. – СПб., 1898. – [5], XVII, 824 с.
13. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество : лица, события, предметы и символы : опыт экцикл. словаря. – М. : Изд-во журн. «Церковь», 1996. – 317 с.
14. Зайцев И.М. «Записная книжка пионера Товарищ» на 1960/61 уч. год // KanzOboz.ru : канцелярские и офисные товары : [сайт]. – 04.03.2016. – URL: <https://kanzoboz.ru/user/foto468564/10/> (дата обращения: 13.12.2018).
15. Товарищ : календарь для учащихся на 1912–1913 уч. г. // Музей ГБОУ СОШ № 50. № 49.01/МШ50СПб.

Платовских Полина

10 класс, ГБОУ СОШ № 111

с углубленным изучением немецкого
языка

Калининский район

(руководитель – И. Г. Гончаренко)

Гимназия и училище (по страницам истории семьи)

Ученики, принятые в 1 класс Восемиклассного Коммерческого училища в
Лесном и учителя, 1916 год.

Отмечены: 1 – Евгений Чернышев, 2 – Василий Чалов, 3 – Анна Чалова

Занимаясь изучением истории нашей семьи, мы часто встречались с упоминанием различных учебных заведений, в которых обучались мои родственники. Позже основные подробности их жизни обнаруживались нами именно в архивных делах из фондов этих заведений. Но наряду с описанием личных обстоятельств родных в этих источниках находилось немало сведений о том, какой была жизнь учеников, как была организована учеба. Эта информация нас заинтересовала, и мне захотелось больше узнать об образовании в Российской империи, увидеть прошлое глазами моих ровесников – ведь их повседневные занятия, по большому счету, так же, как и мои, во многом были связаны с учебой.

Несмотря на то, что еще при Екатерине II в Петербурге было открыто первое в России четырехклассное Главное народное училище (1783 г.) и несколько двухклассных, а также Учительская

семинария, а в 1786 г. был принят «Устав народным училищам Российской империи», заложивший основы государственной образовательной системы, к началу XIX века эта система еще не сложилась [5]. С реформами Александра I было связано учреждение Министерства народного просвещения (1802 г.), а в 1803 г. были определены 4 рода училищ: приходские, уездные, губернские или гимназии и университеты» [6]. При Николае I преемственность учебных заведений ликвидировалась. В Петербурге вследствие реорганизации имеющихся учебных заведений, из которых только одно было губернской гимназией, появилось три гимназии, потом еще две. После прихода к власти Александра II в 1871 г. появился новый «Устав гимназий и прогимназий» [7], а в 1872 г. и «Устав реальных училищ» [7]. При Николае II в 1894 г. стали появляться частные и коммерческие средние учебные заведения с полным восьмиклассным курсом, которые, в отличие от государственных казенных учреждений, искали новые подходы к обучению. А к 1915 году в стране уже сложилась многопрофильная система образования с образовательными учреждениями разного уровня.

Третья Петербургская мужская гимназия

Третья Санкт-Петербургская гимназия – одно из старейших учебных заведений города. Она была образована в январе 1823 г. путем слияния ранее существовавшей губернской гимназии и Учительского института, и до 1831 г. называлась Санкт-Петербургской гимназией. Она была открыта в январе 1823 г. в здании упраздненного Пантелеймоновского уездного училища на Гагаринской улице, 23 и была предназначена для подготовки будущих студентов университета. Для этого было увеличено число уроков по древним языкам, греческий язык начинался с третьего, а латинский со второго класса. Это делало гимназию особенно привлекательной для тех, кто собирался поступать в университет. Вероятно, поэтому в марте 1855 г. Михаил Чернышев, ученик IV класса Пятой Санкт-Петербургской гимназии, был переведен в III класс Третьей Санкт-Петербургской гимназии, «чтобы доставить ему возможность в остающееся время текущего учебного года приобрести сведения в греческом языке для перехода в IV класс, так как этот предмет в Пятой гимназии не преподается» [15, л. 8]. Расходы по его обучению взял на себя Департамент внешней торговли, где служил его умерший отец [15, л. 1]. Особыми успехами при обучении в Пятой гимназии Михаил не отличался: «...ученик Чернышев при отличном поведении получил в текущем 1854/55 учебном году следующие отметки в науках – по Закону Божию 3, русскому и церковнославянскому яз. 3, алгебре и геометрии 1, истории 3, географии 3, латинскому языку 1½, немецкому 2, французскому 2, естественной

истории 3» [15, л. 3]. Как видно, система оценок в гимназии была действительно пятибалльной, так что оценки 1 и 2 означали разный, причем ненулевой, уровень знаний. Приведенные баллы, по всей видимости, средние, отсюда и странная оценка «1½».

Третью гимназию окончил также мой прапрапрадед Дмитрий Александрович Чернышев. Сохранилось прошение «Его Превосходительству Господину Ректору Императорского С.-Петербургского Университета, Тайному Советнику и Кавалеру Петру Александровичу Плетневу от кончающего курс наук в III Санкт-Петербургской гимназии Димитрия Александра Чернышева» [17, л. 2]. Он просил о принятии его «в число студентов по выдержании... установленного для поступления в Университет экзамена». В то время выпускные экзамены в гимназиях проводились с участием университетских преподавателей и приравнивались к вступительным. Экзамены шли подряд каждый день (2, 3, 5 и 6 мая), причем в один день выпускник сдавал сразу по два-три предмета [16, л. 6]. На экзаменах все выпускники Третьей гимназии, кроме Михаила Чернышева, показали «удовлетворительные», «весьма удовлетворительные» и даже «хорошие» знания по всем предметам и 11 июня 1860 г. получили «похвальные аттестаты с правом вступления в гражданскую службу с чином четырнадцатого класса и с преимуществами второго разряда чиновников по воспитанию» [16, л. 34]. Однако в том же году Михаил все-таки поступил на физико-математический факультет университета. Ему было 18 лет, а его троюродному брату Дмитрию, поступившему на юридический факультет – уже 21 год. Но молодым людям не повезло. Осенью 1861 г. в Санкт-Петербурге в университете начались студенческие волнения. В связи с этим университет был закрыт в начале 1862 г. по высочайшему повелению. С осени 1862 г. был открыт вновь один физико-математический факультет, и только осенью 1863 г. открылись все четыре факультета уже на основании нового университетского Устава. Михаил был восстановлен в Университете в 1862 г., проучился там еще четыре года, но экзаменов не сдавал и курс не кончил. В списке выпускников гимназии, составленном в 1873 г., он упоминается, как уже умерший, данных о его службе где-либо нет [1, с. 71].

Дмитрий Чернышев, в отличие от Михаила, еще по окончании гимназии получил аттестат с правом на чин XIV класса [17, л. 48]. Он не вернулся в университет, а поступил на службу, служил в Окружном суде и вышел в отставку в чине надворного советника (чин VII класса, дававший право на личное дворянство – примеч. авт.). Умер Дмитрий Александрович в 1899 г., вскоре после того, как уже его младший сын, мой прапрадедущка Тит Дмитриевич поступил в университет.

Введенская девятая мужская гимназия

Введенское двухклассное уездное училище поместилось в бывшем доме купца Иванова на углу Большого проспекта и Шамшевой улицы в 1805 г., само же училище существовало на Петроградской (тогда она называлась Петербургской) стороне с 1781 г. В 1871 г. оно стало Первой прогимназией (т.е. начальной гимназией, включающей четыре низших класса – прим. авт.), а в 1882-м ее преобразовали в полную гимназию с названием «Санкт-Петербургская Введенская Девятая мужская гимназия». В 1913 г. гимназия была названа именем Петра Великого. Старшие братья Тита – Павел [18] и Савва [19] тоже учились в этой гимназии. Во Введенскую гимназию поступил также в 1891 г. сразу во второй класс будущий великий русский поэт Александр Александрович Блок. До окончания курса в 1898 г. он учился в одном классе с моим прапрадедом. Блок в 1918 г. в неоконченной повести «Исповедь язычника» вспоминал о гимназических годах: «...учили почти исключительно грамматикам, ничем их не одухотворяя, учили свирепо и неуклонно, из года в год, тратя на это бесконечные часы. К тому же гимназия была очень захолустная, мальчишки вышли по большей части из семей неинтеллигентных, и во многих свежих сердцах можно было, при желании и умении, написать и начертать что угодно...». Нелестная характеристика, но можно посмотреть на это и с точки зрения обыкновенного человека. В этой части города гимназия была в то время одна. Те самые «неинтеллигентные» родители должны были заранее позаботиться о том, чтобы дать своему сыну начальное образование, потому что при поступлении в гимназию нужно было сдать экзамены по русскому языку, математике и Закону Божию. Надо сказать, что Тит Чернышев, как и некоторые другие, сдал вступительные экзамены только со второго раза. Конечно, мальчишки-гимназисты, особенно в начальных классах, не отличались примерным поведением. Классы были большие, например, у моего прапрадеда было 35 одноклассников. Для поддержания дисциплины была выработана система наказаний: замечание, выговор, оставление после уроков на 1–2 часа, заключение в карцер на 1,2 и более часов. За поведением учащихся наблюдали не только учителя, но и классные наставники. Все проступки заносились в кондуктный журнал. Что касается собственно обучения, то в младших классах гимназии преподавались Закон Божий, русский язык, арифметика, география (до IV класса), латинский язык, история и греческий язык с III класса, со II класса – так называемые «новые языки», т.е. французский и немецкий, из которых можно было выбрать один. С IV класса добавлялись алгебра и геометрия, а с VI класса – тригонометрия и физика, в VIII классе по всем предметам шло повторение, дополнительно изучались логика

и математическая география. Из 36 выпускников, окончивших гимназию в 1898 г., 26 чел. изъявили желание поступить в университет, а 10 чел. – в другие специальные высшие учебные заведения, большинство (7 чел.) – в Институт путей сообщения и Горный институт [20, л. 100].

Университетский устав 1884 г., так же, как и предыдущий, предусматривал отсутствие вступительных экзаменов для тех, кто окончил полный курс гимназии. В том же году Тит Чернышев поступил на физико-математический факультет, через два года перевелся на юридический, в общей сложности проучился в университете почти 10 лет, успел обзавестись семьей и детьми, но экзаменов не сдавал и курс не кончил. Отслужив 1 год в армии вольноопределяющимся, Тит вышел в отставку в звании унтер-офицера запаса и поступил на службу на Петербургский Почтамт [13, л. 16].

Восьмиклассное коммерческое училище в Лесном (Единая Трудовая школа № 168)

В 1906 г., будучи еще студентом Санкт-Петербургского университета, сын надворного советника Тит Дмитриевич Чернышев, мой прапрадед, получив разрешение ректора и попечителя С.-Петербургского учебного округа, женился на дочери губернского секретаря Александра Адольфовича Лидке (встречается написание «Литке» – примеч. авт.) Евгении Александровне, моей прапрабабушке [13, л. 80–81]. Он стал жить вместе с семьей своей жены в Лесном. У молодых супругов вскоре родился сын Евгений, потом еще сын Александр и дочь Вера.

В сентябре 1904 г. в здании, построенном на углу Малой Объездной улицы и Институтского проспекта, начало работать Восьмиклассное Коммерческое училище Общества распространения коммерческого и художественно-промышленного образования в Лесном. Оно состояло при Министерстве торговли и промышленности, которое на тот момент было менее консервативным, чем Министерство народного просвещения. Целью деятельности училища объявлялось «дать ученикам законченное общее образование, подготовить их к сознательному прохождению курса в высших учебных заведениях; развить в них самодеятельность, трудолюбие и истинный интерес к знанию». Предполагалось, что «в целях развития в учениках чувства долга и сознания своих обязанностей, в школе не должны применяться ни награды, ни наказания, ни вообще всякого рода меры воздействия на ученика, чтобы заставить его заниматься» [3, с. 66]. Из других передовых нововведений следует отметить самоуправление, перевыборы директора каждые четыре года и введенное в 1906/07 учебном году совместное обучение мальчиков и девочек. Те, кто имел опыт обучения в других учебных заведениях,

сразу отмечали разницу в атмосфере. Например, в училище дети на переменах могли свободно выбегать во двор в теплое время года, бегать, играть.

Как оказалось, многие из моих родственников учились в ВКУ. Так, брата моей прапрабабушки Евгении, Николая, когда ему исполнилось 12 лет в мае 1905 года, было решено отдать во второй класс только что открывшегося Коммерческого училища. К сожалению, учеба ему не давалась. Поэтому, проведя по два года в пятом и шестом классе, в мае 1912 г. он был выпущен из шестого класса училища с правами по отбыванию воинской повинности, предоставленным выпускникам учебных заведений первого разряда [14, л. 1]. По-видимому, он воспользовался этим и пошел в армию вольноопределяющимся, потому что на фото семьи летом 1913 г. он снят в соответствующей военной форме. На том же фото рядом с матерью, Евгенией Александровной, стоит и Евгений, сын Тита Дмитриевича Чернышева (второй слева в первом ряду), которому уже шесть лет. В 1916 г., когда ему исполнилось 9 лет, он сдал экзамены (математику, правда, только со второго раза) и поступил в училище [14, л. 2–3]. На групповой фотографии, сделанной в год поступления, он находится среди своих однокашников и преподавателей училища. Здесь же и старшие брат и сестра моей прабабушки Елизаветы Андреевны Чаловой, которая впоследствии стала его женой, – Василий и Анна. Закончил учебу Евгений в 1923 г., когда Училище стало уже 168-й Единой Трудовой школой Выборгского района.

На фото выпускного класса есть и многие учителя, в этом классе учился и один из сыновей директора, Геннадий Боч. Его отец, Геннадий Николаевич Боч преподавал химию и биологию. Он был новатором в методологии, особое внимание при обучении уделял не только наглядности, но и эксперименту. Вместе с тем в отношении к учебному процессу учителя оставались «на позициях старой гимназии, где ценились строгость, даже жесткость, неукоснительное знание учебника, каждодневная проверка знаний и суровая их оценка» [10, л. 5–15]. Но отношений вне уроков это не касалось. Один из учащихся вспоминал: «Мы не знали той жестокой, беспощадной войны, которую вели между собой ученики и педагоги в старой гимназии... Не знали мы и современного свободного обращения учеников с педагогами, ложно понимаемого чувства равенства, которого нет и не может быть между преподавателями и учащимися. С детских лет нас учили вежливости, учтивости, такту» [10, л. 5–15]. Чрезвычайно развита была внеклассная работа. Прежде всего надо отметить экскурсионную работу: было много экскурсий в музеи и на природу, прежде всего, в парк Лесотехнической Академии. Было много и дальних многодневных экскурсий. Эти экскурсии долго

подготавливались, а после их проведения устраивались отчетные вечера с выставками, где все участники экскурсии должны были выступить. Ездили в Москву, в Новгород и Волховстрой, Старую и Новую Ладугу, в Крым, на Кавказ, на Север – в Мурманск и Хибинь. И хотя ребята сильно уставали – иногда по приезде отсыпались целую неделю, но все были очень довольны. В 1916–1918 гг. в училище работал краеведческий кружок по изучению Лесного. Участники собирали материалы, делали доклады [3].

Отдельно нужно сказать о школьном театре. Он был серьезным делом – ставились сложные и длинные пьесы, причем старались выбирать такие, где было много действующих лиц, чтобы многие ученики смогли поучаствовать: «Горе от ума», «Мещанин во дворянстве», «Майская ночь», «Снегурочка». Как удалось узнать, «Снегурочка» была поставлена в 1923 г. силами именно того класса, где учились Евгений и брат и сестра Чаловы. Моя мама рассказывала мне, что и моя прабабушка Елизавета Андреевна Чалова вспоминала, как играла Лизу в спектакле «Горе от ума». Эскизы декораций к спектаклям делал пришедший на работу в училище в 1918 г. Николай Александрович Бруни, талантливый живописец-монументалист и мозаичист, который до революции был профессором и академиком (1906) Академии художеств, а рисовал их его сын Константин, тоже художник.

Заложенные в самом начале принципы деятельности училища оставались основой его работы после революции и в двадцатые годы, когда училище стало Единой Советской школой № 168. До 1929 г. сохранялся коллектив педагогов под руководством директора Г. Н. Боча. Преподавались те же основные предметы, что и до революции, разве что Закон Божий был заменен на политграмоту. Так, в Удостоверении Евгения Чернышева об окончании школы в 1923 г. говорится: «... окончил курс I и II ступени, причем обнаружил достаточные познания и развитие по всем обязательным предметам курса, а именно: по родному языку и литературе, арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, естествознанию, физике, химии, географии, обществознанию, политграмоте, немецкому языку, рисованию, геологии и истории искусств» [12, л. 6]. Оценок в Удостоверении нет, но сам перечень впечатляет. Интересно, что он очень близок перечню предметов в Свидетельстве его дяди Николая, брата Евгении Александровны, который окончил это училище в 1913 г., хотя там оценки были. Этих базовых знаний Евгению хватило, чтобы впоследствии успешно учиться на физико-механическом факультете Политехнического института и окончить его в 1930 г. Василий Чалов тоже поступил в Политехнический институт, но не сумел его окончить. Позднее, в 1930 г. поступила в институт, который тогда уже назывался Индустриальным, моя

прабабушка Елизавета Чалова и окончила его в 1936 г., получив диплом инженера-электротехника.

Использованная литература и источники

1. Аничков А.М. Исторические записки пятидесятилетия Третьей Санкт-Петербургской гимназии, составленные по поручению Педагогического Совета. – СПб. : тип. Э. Арнольда, 1873. – 153 с.
2. Беленцев С. Ученическое движение в России, вторая половина XIX – начало XX века. – СПб. : Нестор История, 2013. – 183 с.
3. Глезеров С.Е. Лесной, Гражданка, Ручьи, Удельная... – М. : Центрполиграф ; СПб. : МиМ-Дельта, 2007. – 479 с.
4. Лавров С.В. Памятка бывшим ученикам С.-Петербургской 3-й гимназии. – СПб. : скл. изд. у С.В. Лаврова, 1911. – X, [2], 91 с.
5. Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге, XIX – начало XX века : сборник документов / Арх. упр. Санкт-Петербурга и Ленингр. обл., Центр. гос. ист. арх. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – СПб. : Лики России, 2000. – 359 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – СПб., 1830–1851. – URL: <https://runivers.ru/lib/book3130/> (дата обращения: 05.02.2019).
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – СПб., 1830–1885. – URL: <https://runivers.ru/lib/book3136/> (дата обращения: 05.02.2019).
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. – СПб., 1885–1916. – URL: <https://runivers.ru/lib/book3139/> (дата обращения: 05.02.2019).
9. Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники, 1823–1918 гг. : историко-биографический очерк / сост. Б.В. Федоров. – СПб. : ВИРД, 2011. – 647 с.
10. Филиал архива РАН. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 26. Л. 5–15 (Коммерческое училище в Лесном (1904–1920). Богораз В.В. Воспоминания).
11. ЦГА СПб. Ф. 7405. Оп. 1 (Коммерческое училище – 168 Советская школа).
12. ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 21. Д. 3253 (Чернышев Евгений Титович).
13. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35428 (Чернышев Тит Дмитриевич).
14. ЦГИА СПб. Ф. 357. Оп. 1. Д. 655, 1200. 1904–1917 (Петроградское восьмиклассное коммерческое училище в Лесном).
15. ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 3422 (О пансионере Департамента внешней торговли Чернышеве).
16. ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 3955 (Дело 3-й Санкт-Петербургской гимназии об экзамене и выпуске воспитанников VII класса (предписания, донесения, расписание экзаменов, прошения, аттестаты)).

17. ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 5. Д. 1792 (Дело Дмитрия Чернышева).
18. ЦГИА СПб. Ф. 303. Оп. 2. Д. 141 (Дело об ученике Павле Чернышеве).
19. ЦГИА СПб. Ф. 303. Оп. 2. Д. 467 (Дело об ученике Чернышеве Савве).
20. ЦГИА СПб. Ф. 303. Оп. 2. Д. 1861 (Дело об испытаниях зрелости и переводных экзаменах за 1898 год).

Калинина Марина

9 класс, ГБОУ СОШ № 233,
краеведческое объединение «Охта»
ГБУ ДО ДДИУТ «На Ленской»
Красногвардейский район
(руководитель – Н. П. Столбова)

Проблема атрибуции предметов фарфоровой коллекции китайской династии Мин в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

В истории формирования китайской коллекции Кунсткамеры можно выделить три этапа, первый из которых восходит к петровскому времени. Первые художественные и бытовые изделия из Китая Петр I заказывал для своих дворцов, в частности, «... только для Монплезира в Петергофе он заказал более 500 предметов из фарфора» [4, с. 4]. В 1736 г. в Кунсткамеру поступило обширное собрание раритетов сподвижника Петра I генерал-фельдмаршала Якова Вилимовича Брюса (1669–1735 гг.) [16]. Среди немногих существующих в коллекции музея фарфоровых предметов из коллекции Брюса, предметов эпохи Мин нет. В 1753 г. в Китай, в составе торгового каравана, был послан лекарь Академии наук Ф. Л. Елачич с заданием пополнить музейные коллекции Кунсткамеры после пожара 1747 г. Елачич пробыл в Китае три года и в привез коллекцию, превосходившую прежнюю [8]. Среди сохранившихся в коллекции предметов фарфора из коллекции Елачича, предметов эпохи Мин нет.

Практически все предметы, рассматриваемые в настоящей работе, являются частью коллекции князя и общественного деятеля Эспера Эсперовича Ухтомского (1861–1921), собрание которого

поступило в МАЭ РАН в 1920 г. В ее составе – восемь предметов эпохи Мин, шесть из которых экспонируются в китайском зале, два находятся в особой кладовой [6, с. 156–167].

Особенности китайского фарфора эпохи Мин

Искусствовед Т. Б. Арапова выделяет следующие этапы развития расписного китайского фарфора династии Мин: Ранняя Мин (1368–1435), Средняя Мин (1465–1521) и Поздняя Мин (1522–1644), в которых прослеживаются изменения в формах и орнаменте. В отношении формы изделий – от XIV в. было взято сравнительно небольшое количество форм: сосуды «гуань» – приземистые, с низким широким горлом; сосуды «мэйпинь», напоминающие по форме сливу [1, с. 6]. Как отмечает Л. И. Кузьменко, с XVII в. в связи с экспортными заказами в традиционную продукцию приходили новые формы, сюжеты и принципы декорировки [7, с. 14]. В этот период совершенствуется техника кобальтовой росписи, появляются надглазурные полихромные рисунки эмалью. Сюжеты усложняются, превращаясь из орнаментальных узоров в тщательно прописанные изображения пейзажей, батальных сцен или жанровых зарисовок, чрезвычайно популярными становятся изображения на литературные сюжеты.

Предметы фарфора эпохи Мин в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого

Предметом исследования в настоящей работе являются восемь экспонатов эпохи Мин, находящихся в экспозиции музея; шесть предметов оттуда же с несоответствием эпохи создания (в экспозиции указана эпоха Мин, а в электронном каталоге коллекций МАЭ РАН – эпоха Цин), а также два предмета эпохи Мин из собрания особой кладовой музея. Всего было рассмотрено шестнадцать предметов. Считается, что фарфор эпохи Мин хорошо атрибутируется коллекционерами благодаря клеймам на изделиях. Клеймо ранней династии Мин представляло собой двойное кольцо с тщательно прописанными внутри иероглифическими символами. Для фарфора поздней Мин характерны клейма, не заключенные в двойной круг и выполненные не так тщательно, как прежде.

Рассматриваемые предметы коллекции китайского фарфора, относящиеся к эпохе Мин, нами были сгруппированы по форме и росписи, а также выявленному во время работы несоответствию атрибуции и описаны. В ряде случаев дана своя атрибуция.

1. Предметы с кобальтовой росписью

Своеобразие и специфику изделий из фарфора династии Мин ярче всего отразил расписной фарфор с подглазурной кобальтовой росписью. Предметов с кобальтовой росписью эпохи Мин, шесть:

одна ваза, четыре чаши и чашечка на ножке. Ниже приводится фрагменты описания двух из них (вазы и чаши).

Ваза

Среди рассматриваемых предметов, следует выделить вазу. Размер: диаметр (нижн.) – 14,0; диаметр (верхн.) – 16,0; высота – 36,8 [13].

Ваза закруглена сверху, ее форма является несколько модифицированной формой «мэйпинь». В росписи усматривается батальная сцена. Предмет создан в годы правления Цзяцзин (1521–1567 гг.) – поздняя Мин. Нельзя исключить, что здесь изображен сюжет, связанный с дерзким нападением пиратов на город Нинбо в 1523 г., возможно нашедший отражение в литературе. Клеймо представляет собой двойное кольцо с прописанными внутри иероглифическими символами, что характерно для ранних периодов эпохи Мин. Атрибуция в экспозиции идентична атрибуции каталога коллекции Э. Э. Ухтомского (эпоха Мин).

Чаши

Формы и росписи пяти чаш эпохи Мин, хранящихся в коллекции, также являются характерными образцами периода. У некоторых чаш есть клейма, свойственные эпохе Мин, также есть клеймо отличающиеся от других. Ниже приводится фрагмент описания одной из них. Небольшая белая чаша (размер: диаметр (верхн.) – 17,0; высота – 8,0) [14] с росписью подглазурным кобальтом, изображающей дракона, парящего в облаках. Дракон означает добрые предзнаменования, императорские почести. Дарует силу духа, стимулирует великодушие, оберегает от бед. К какой эпохе принадлежит этот предмет, доподлинно неизвестно: в экспозиции его относят к эпохе Мин, но в каталоге коллекции Ухтомского, откуда он поступил, время создания не указано [14]. Клеймо представляет собой иероглифические символы, не заключённые в двойной круг, что характерно как для поздней эпохи Мин, так и для эпохи Цин. При сравнении рассматриваемой чаши с атрибутируемой Т. Б. Араповой эпохой Мин чашей из собрания Государственного Эрмитажа [4, с. 48], видна очевидная разница. Кроме того, иероглифы клейма скомпанованы в квадрат, что присуще эпохе Цин. То есть, чашу следует атрибутировать эпохой Цин.

2. Предметы из собрания Особой кладовой

Следующие два предмета эпохи Мин находятся в особой кладовой МАЭ РАН. Ниже приводится краткое описание одного из них. Глубокое блюдо с ровным краем, снаружи и внутри выполнена роспись подглазурным кобальтом. Размер: диаметр – 29,2; диаметр донца – 20,6; высота – 5,1 [13]. На дне блюда изображены ветви гранатового дерева с цветами и бутонами. В каталоге указано, что предмет создан в годы правления Сюаньдэ (1425–1435) – средняя Мин. Так как клеймо отсутствует и точность атрибуции вызывает сомне-

ние, мы попытались атрибутировать предмет методом аналогии. В каталоге Т. Б. Араповой удалось обнаружить аналогичный предмет с клеймом правления Чжэндэ (1506–1521) [4, с. 55], что позволяет атрибутировать блюдо первой четвертью XVI в. (эпоха Мин).

3. Предметы с полихромной росписью

Наряду с кобальтовой росписью, в эпоху Мин широкое распространение получила полихромная роспись. Фарфор минского периода пятицветный – использовались красные, лиловые, желтые, синие и черные краски. Наибольшее развитие получили жанровые композиции, включающие бытовые сценки, иллюстрации к литературным произведениям [12, с. 7]. В китайской коллекции эпохи Мин экспонируются одна ваза и одна чаша с полихромными росписями. Далее приводятся фрагменты их описаний.

Ваза

Декоративная ваза цвета слоновой кости с многофигурной полихромной росписью. Размер: диаметр (нижн.) – 12,0; диаметр (верхн.) – 11,0; окружность – 55,0; высота – 33,0 [13]. Изображена жанровая сцена «Возвращение с охоты». На переднем плане – знатный вельможа на коне в сопровождении слуг, двое из которых несут трофей охоты – оленя. На заднем плане виден пейзаж со скалами, олицетворяющими долголетие. Действие происходит весной или летом, на что указывают зелёная растительность и лёгкое одеяние людей. Предмет создан в годы правления Чэнхуа (1464–1487) – средняя Мин. Поступил из коллекции Э. Э. Ухтомского, где атрибутирован эпохой Мин. Клеймо характерно для поздней эпохи Мин.

Чаша

Полихромная чаша диаметром – 25,0 и высотой – 15,0 [14]. Имеет волнообразный край. Выполнена в серо-зеленом тоне с вишневыми акцентами снаружи и внутри. Предмет поступил в музей от экспертной комиссии, время создания не указано. Наличие клейма в настоящей работе исследовать не удалось. В экспозиции указано, что предмет относится к эпохе Мин. Однако, если сравнить эту чашу с вазой, относящейся к эпохе Цин, будут видны явные сходства этих предметов. Ваза выполнена в идентичных оттенках: на однотонном фоне (цвета «бычьей крови» у вазы и серо-голубом у чаши) имеются яркие цветовые акценты (серо-голубые у вазы, цвета «бычьей крови» у чаши). Предметы выполнены в технике «пламенеющая глазурь».

4. Предметы с разночтениями в атрибуции

В отношении шести предметов выявлены разночтения в атрибуции. В этикетаже в экспозиции музея, указано, что они при-

надлежат эпохе Мин, однако в каталоге коллекции Э. Э. Ухтомского они атрибутированы эпохой Цин [13]. Ниже приводятся фрагменты описаний двух из них.

Чаша

Чаша на ножке, расширяющаяся кверху, с кобальтовой подглазурной росписью. Размер: диаметр (верхн.) – 14,5; диаметр донца – 7,3; высота – 13,6 [14]. Орнамент представляет собой изображение изогнутой ветви с листьями и цветами лотоса, в рисунок вплетены буквы предположительно тибетского алфавита. Необычность формы и наличие букв позволяет предположить, что чаша является ритуальной утварью. В экспозиции музея эту чашу относят к эпохе Мин, но в каталоге коллекции Ухтомского указано, что предмет создан в эпоху Цин. Клеймо представляет собой иероглифические символы, не заключённые в двойной круг, что может указывать на более позднее, чем эпоха Мин происхождение.

Ваза

Декоративная ваза с узким длинным горлышком и утолщённым туловом. Размер: диаметр (нижн.) – 13,0; диаметр (верх.) – 9,5; окружность – 76,0; высота – 39,0 [14]. Основной фон – цвет слоновой кости. Снаружи покрыта цветными глазурями серо-голубого и цвета «бычьей крови». Предмет поступил из коллекции Ухтомского, в каталоге которой относится к эпохе Цин. В экспозиции относится к эпохе Мин. Клеймо исследовать не удалось. Атрибуцию эпохой Цин подкрепляет использование техники «пламенеющая глазурь», распространённой в эпоху Цин.

Этикетаж экспозиции в отношении вышеперечисленных предметов, по нашему мнению, требует уточнения.

Использованная литература и источники

1. Арапова Т.Б. Китайский фарфор конца XIV – первой трети XVIII века : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Ин-т истории искусств. – М., 1974. – 16 с.
2. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа, конец XIV – первая треть XVIII века : каталог / сост. Т.Б. Арапова. – Л. : Аврора, 1977. – 135 с.
3. Арапова Т.Б. Китайский фарфор в Эрмитаже // Консул – 2013. – № 2 (33).
4. Арапова Т.Б., Кудрявцева Т.В. Дальневосточный фарфор в России, XVIII – начало XX века : каталог выставки / Гос. Эрмитаж. – СПб. : Славия-Интербук, 1994. – 63, [32] с.
5. Воображаемый Восток. Китай «по-русски», XVIII – начало XX века : [по материалам выставки в Большом дворце Государственного музея-заповедника «Царицыно»] / [авт.-сост., науч. ред., авт.

- концепции, куратор проекта и авт. ст.- О. А. Соснина]. – М. : Кучково поле, 2016. – 215 с.
6. Колесников А.С., Стрижак Ю.Н. Персоналии диалога культур России и Востока: Э.Э. Ухтомский // Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. – СПб., 2011. – С. 156–167.
 7. Кузьменко Л.И. Китайский фарфор XVII–XVIII вв. Проблема стиля : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Рос. акад. художеств., Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобразит. искусств. – М., 2000. – 31 с.
 8. Кунсткамера (1714–1836) : к 300-летию первого Академического музея / МАЭ РАН [и др.] // Архивы Российской академии наук : [сайт]. – 2014. – URL: http://arran.ru/data/collections/col15_.pdf (дата обращения: 24.10.2019).
 9. Непомнин О.Е. История Китая : эпоха Цин – начало XX века. – М. : Восточная литература, 2005. – 712 с.
 10. Хуан Вань. Фарфор с многоцветной подглазурной росписью города Лилин (Китай) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2018. – 21 с.
 11. Кунсткамера. 295 лет : Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого : история, исследования, коллекции / Чистов Ю.К., Резван Е.А., Купина Ю.А., Михайлова Е.А. – СПб. : Petronivus, 2009. – С. 415–418.
 12. Чэнь Сецзюнь. Сине-белый фарфор эпохи династии Юань. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2019. – 123 с.
 13. Экспонаты : [предметы из коллекции Э. Э. Ухтомского] // Кунсткамера : [коллекции онлайн]. – URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?person=68> (дата обращения: 03.08.2020).
 14. Экспонаты : [китайский фарфор] // Кунсткамера : [коллекции онлайн]. – URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?query=%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%20%D1%84%D0%B0%D1%80%D1%84%D0%BE%D1%80> (дата обращения: 03.08.2020).
 15. Яковлева И.Г. Китайский фарфор эпохи поздняя Цин (1796–1911 гг.). Художественные традиции в культурном контексте : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / С.-Петерб. гос. художеств.-пром. акад. им. А. Л. Штиглица. – СПб., 2010. – 28 с.
 16. К 300-летию Кунсткамеры. Китайская коллекция Я.В. Брюса : [электронная выставка] / подгот. Басаргина Е.Ю., Иодко О.В., Поникаровская М.В., Щедрова И.М. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН : [сайт]. – 11 марта 2014. – URL: <http://tanar.spb.ru/rus/vystavki/id/553/> (дата обращения: 3.01.2020).

Гун Олеся

10 класс,

ГБОУ Петергофская гимназия

императора Александра II

(руководитель – Т. В. Захарова)

Семья Гунов в Петергофе

Недавно моя семья переехала в Петергоф, и мы с младшей сестрой поступили в Петергофскую гимназию императора Александра II. В этом городе раньше находилась Императорская гранильная фабрика, в которой мой прапрадедушка, Андрей Леонтьевич Гун, длительное время был директором. Об этом было известно в нашей семье, но дома сохранилось мало информации о жизни и деятельности известного когда-то нашего предка, потому что все документы были уничтожены во время революции 1917 года.

Петергофская гранильная фабрика – один из старейших заводов России, которому в 2021 году исполнится 300 лет. Почти два века предприятие занималось изготовлением разнообразных предметов декоративно-прикладного искусства и элементов отделки интерьеров. Здесь производились изделия высочайшего класса, которые приобретали члены царской фамилии и многие европейские ценители прекрасного. С 29 мая 1886 года директором Петергофской гранильной фабрики стал архитектор Андрей Леонтьевич Гун.

Фамилия Гун является самобытным памятником немецкой культуры. Она, вероятно, образована от прозвища, которое восходит к средневерхненемецкому слову *hiune* – гигант. Возможно, что это прозвище отражало особенности внешности человека: наверно, родоначальник фамилии Гун был очень высоким человеком. Не исключено также, что прозвище Гун ведет свое начало от немецкого слова *huon*, то есть «курица». В таком случае родоначальник фамилии мог заниматься разведением домашней птицы.

Андрей Леонтьевич Гун родился в 1841 году в семье ганноверского подданного. Как немецкая семья оказалась в России, выяснить, к сожалению, не удалось.

Архитектор

А. Л. Гун получил образование в Императорской Академии художеств, где учился на архитектурном отделении в 1860–1864 годах. Удостоился медалей Академии художеств: малой серебряной за «проект вокзала на водах» и большой серебряной за «проект монастырских ворот с колокольней». По окончании Академии художеств получил звание классного художника с правом на чин XIV класса.

Вместе с В. А. Шпретером работал в мастерской А. И. Резанова, а в 1867 году Гун стал академиком архитектуры.

Андрей Леонтьевич был видным представителем «русского стиля» в архитектуре, участвовал в строительстве и оформлении дворца великого князя Владимира Александровича вместе с А. И. Резановым на Дворцовой набережной, 26 [16]. Гун создал отделку столовой в «русском стиле», искусно симитировав в штукатурке и лепке деревянные конструкции и обильную резьбу. А. Л. Гун спроектировал несколько домов в Петербурге, занимался их перестройкой. По данным Российской академии художеств, среди основных построек: доходные дома (Гороховая, 54, 1870, перестройка; Невский пр., 45/2, 1875–77, перестройка), особняки Э. А. Кирштена (Рижский пр., 27, 1878–79), Э. Ф. Юнкера (Б. Морская, 59, 1879–80), церковь Воскресения Христова (наб. Обводного канала, 116, 1904–08, совместно с Г. Д. Гриммом и Г. Г. фон Голи) [15].

Знарок цветного камня

По свидетельству академика А. Е. Ферсмана «А. Л. Гун умел выявить ценные качества камня, и в целом ряде своих изделий он показал себя мастером из самого камня черпать композицию и в нем самому улавливать стиль» [9, с. 25]. После выполнения своих основных построек, Андрей Леонтьевич почти совсем отошел от архитектурной практики и сосредоточился на художественной промышленности. В 1873–1911 годах он работал на Петергофской гранитной фабрике. Сначала архитектор осуществил ее реконструкцию, затем стал ее художественным руководителем, а с 1886 года – директором этого предприятия. Вступив в новую должность, А. Гун сразу же стал ориентировать фабрику на изготовление только высокохудожественных изделий, для выпуска которых требовались классные мастера. По его рисункам создавались предметы мебели и декоративные изделия (скульптуры и постаменты, блюда, геммы и камеи). Многие предметы, сделанные в период правления А. Л. Гуна, обладали высокой художественной выразительностью [5, с. 213]. «Сохраняя некоторую сухость рисунка и приспособляя камень часто к совершенно чуждому ему рисунку или композиции деревянных или металлических изделий, Гун иногда грешил против материала, но достижения его тем не менее прекрасны и пользовались заслуженным успехом», – отмечал Ферсман [9, с. 25]. По словам академика, который лично знал моего прапрадеда, на фабрике изредка делались и камеи, причем материал для них закупался за границей самим «неутомимым» А. Л. Гуном. А. Е. Ферсман отмечает, что благодаря Гуну «с особой щепетильностью» сохранялись старые традиции не употреблять искусственных приемов окрашивания или подцветки камня и «в особенной степени не допускать» составных

или прикрепленных извне частей, а исключительно работать над монолитами [9, с. 26]. Важно отметить, что, будучи директором гранильной фабрики А. Л. Гун, не только вывел производство на новый уровень, но также следил за окружающей территорией. При нем было устранено загрязнение воды, что было очень важным для руководителя предприятия [7, с. 218].

Адреса

Алексей Леонтьевич проживал в Петергофе вместе с семьей и прислугой на казенной квартире в двухэтажном каменном доме на Знаменской ул., дом 1, рядом с фабрикой. К сожалению, почти все дома на этой улице были разрушены во время Великой Отечественной войны. Директор фабрики Гун еще с 1901 года числился по совместительству профессором в Институте гражданских инженеров и постепенно готовился к уходу в отставку. В начале 1911 года Андрей Леонтьевич в чине тайного советника целиком перешел на преподавательскую работу. В справочнике «Весь Петербург» за 1913 год указано, что он проживал в то время еще в Петергофе на Конюшенной улице, 21 вместе с женой Дагмарой Карловной [10]. На карте 1909 года она хорошо видна, но сегодня от этой улицы не осталось следа.

А в 1914 году профессор Гун уже переехал с женой в Санкт-Петербург на Аптекарской проспект, 6 [11]. Кроме того, в справочнике за 1916 год указан даже номер телефона, что было для того времени недоступной для многих новинкой [12]. Отмечу, что это был современный для того времени дом Каменноостровского товарищества для устройства постоянных квартир в Петрограде, построенный по проекту архитектора А. А. Оля в стиле модерн. Умер А. Л. Гун в 1924 году. Он был похоронен на Новодевичьем кладбище в Петербурге, могила, к сожалению, не сохранилась.

Петергофская гранильная фабрика под руководством А. Л. Гуна

Знатные заказчики?

В первые годы работы А. Л. Гуна фабрику неоднократно посещал Александр III с семьей, делал много заказов. В эти же годы стали пользоваться большим спросом копии с высокохудожественных изделий, которые хранятся не только в музеях России, но и Европы. Уловив эту тенденцию, А. Гун стал привлекать к изготовлению копий как действующих, так и отставных мастеров, заключая с каждым из них отдельные контракты [5, с. 214]. В годы правления Гуна фабрику часто посещали знатные люди, росло количество личных заказов. Так, из газеты «Котлин» мы узнаем, что в мае 1890 года фабрику посетил наследник итальянского престола неаполитанский принц Виктор-

Эммануил с великим князем Георгием Александровичем, министром императорского двора графом И. И. Воронцовым-Дашковым, послом Италии Марокетти и сопровождающими лицами. В июне сюда заехал проживавший за границей князь Николай Максимилианович, герцог Лейхтенбергский. На гранильной фабрике в Петергофе тем летом встречали и германского императора Вильгельма II [4, с. 220–221].

Нередко устраивались «смотрины» изделий гранильной фабрики, во дворец к императору посылались лучшие вещи, устраивались импровизированные выставки, и высочайшие особы выбирали себе по вкусу изделия [9, с. 25]. Фабрика была «завалена заказами» высочайшего двора для личных надобностей, подарков друзьям и приближенным, причем мелкие вещи заказывали целыми партиями. Деятельность ее могла быть во много раз расширена, «если бы были соответствующие средства» [9, с. 25].

Важные работы фабрики

Реставрация янтарной комнаты

21 марта 1894 года поступило распоряжение директору Гранильной фабрики приступить к реставрационным работам Янтарной комнаты в Екатерининском дворце Царского Села. Это была очень большая и важная работа, при этом закупка янтаря в Кенигсберге была поручена самой фабрике [14]. Напомним, Петр Первый, увидевший во время визита в Пруссию в 1712 году янтарные панели, был восхищен искусной работой, и спустя четыре года Фридрих-Вильгельм подарил их российскому императору. В Большом Царскосельском дворце Янтарная комната была установлена только в 1755 году при дочери Петра – императрице Елизавете.

Перед Гуном стояла очень непростая задача, так как ремонт Янтарной комнаты проводился только один раз в 1830 году. После осмотра комнаты мастерам пришлось снимать поврежденные детали с мебели и отправлять на фабрику, где уже по ним изготавливали гипсовые модели. Некоторые фрагменты приходилось воссоздавать полностью [14]. Реставрация велась на панно, столике, ларцах и фигурках [8]. По осени из-за наступавших холодов в 1894–96 годах реставрационные работы прекращались. В январе 1897 года директор фабрики Гун уведомил Кабинет, что «по многочисленности работ на фабрике, срочным изготовлением которых заняты все рабочие при существующем малом их составе (штатное число 30 человек) я, при всем желании, лишен возможности исполнить требование Кабинета Его ИВ». О продолжении работ сведений не обнаружено [5, с. 234].

Храм Воскресения Христова

К работам по украшению храма Воскресения Христова, Спасана-Крови, построенного на месте гибели императора Александра

II, гранильная фабрика приступила после утверждения проекта. Работы на фабрике длились около 20 лет [2, с. 178]. 28 октября 1893 года из Министерства двора поступило распоряжение: «Высочайше повелено поручить действительному статскому советнику Гуна и Обществу поощрения художеств составить и представить рисунки дарохранительниц из сибирских камней». Задачей Петергофской гранильной фабрики было изготовить «колонны, капители и базы из серо-фиолетовой яшмы, декорация свода флорентийскою мозаикою и венчающий крест из граненого горного хрусталя» [1, с. 368].

Первая крупная работа, длившаяся два года, была закончена в 1897 году. Газета «Котлин» сообщала, что на фабрике сделан мозаичный крест, «образцом для которого послужила картина Верещагина «Распятие». Это произведение, склеенное из кусочков разноцветных камешков, не отличается от оригинала, исполненного масляными красками. Самый крест сделан из окаменелостей, тело распятого Христа – из так называемой «тельной» яшмы, пелена на бедрах – из «сабинского» агата» [1, с. 332]. Отмечается, что все работы проводились под наблюдением директора А. Л. Гуна.

Императорские саркофаги

В 1887 году Александр III повелел заменить в Петропавловском соборе беломраморные надгробия на могилах своих родителей Александра II и Марии Александровны на более богатые и нарядные. Для этого были использованы монолиты зеленой волнистой яшмы (для Александра II) и розового с жилками орлеца (для Марии Александровны). Напоминают они древнехристианские саркофаги. Изготовление надгробий по проекту А. Л. Гуна шло на Петергофской гранильной фабрике в течение 18 лет. Установлены в соборе они были в феврале 1906 году [17]. Автор проектов саркофагов академик Андрей Леонтьевич Гун 7 января 1907 года был произведен в действительные члены Императорской академии художеств.

Прикладные изделия

Как справедливо отметил академик А. Е. Ферсман, направление деятельности фабрики в период директорства А. Л. Гуна, отлично выражалось ее французским наименованием: *La fabrique impériale des mosaïques et d'objets d'art en pierres dures* (Императорская фабрика мозаики и предметов искусства из твердых камней») [9, с. 24].

Работы фабрики в те годы очень разнообразны: она изготавливает изделия флорентийской мозаики, принесшие ей большую популярность. Кроме того, в течение десятилетий здесь в больших количествах производили братины, чарки, стопы с крышками, стаканы, ковши, лохани «разсольники», коробочки и т.д. [17]. Многие предметы – реплики, сделанные в период работы

А. Л. Гуна, обладали высокой художественной выразительностью. Оправа на фабрике не производилась, но по рисункам А. Л. Гуна вещи оправлялись ювелирными фирмами, в частности Карлом Фаберже. Мелкие изделия, типа пасхальных яиц, изготавливались быстро, в течение нескольких дней, а более крупные, особенной художественной работы, делались очень медленно, иногда годами. На фабрике для покупателей находилось большое количество небольших, но изящных изделий: бусы, вазы и серьги, запонки из ляпис-глазури, пуговицы из разных камней, медальоны, набадашники, ручки, пресс-папье, чернильницы, ложки.

Потомки А. Л. Гуна

У Андрея Леонтьевича Гуна было несколько дочерей и два сына. Мой прадедушка, старший сын, Кирилл Андреевич Гун, рассказывал моему отцу о том, что у Андрея Леонтьевича Гуна было несколько жен-итальянок. Из-за сырого петербургского климата они болели чахоткой и умирали. Их дочери, как и матери, были не приспособлены к нашим погодным условиям и не доживали до семнадцати лет. Единственная информация о дочери появилась в книге В. А. Гущина, посвященной Гранильной фабрике. В феврале 1910 года на втором этаже каменного дома по Знаменской улице, 1 загорелась угловая комната дочери директора фабрики, Беатрисы Андреевны (р. 15.08.1891). Пожар был потушен с помощью солдат лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка, увидевших валивший из окна дым [5, с. 270]. От друзей нашей семьи я узнала, что старшую сестру Беатрисы звали Елена, она родилась 12 августа 1876 года. К сожалению, других сведений о дочерях найти не удалось. Со слов родных, я знаю, что в доме архитектора дети росли в постоянном соприкосновении с искусством. В дом Гунов были вхожи самые видные художники и архитекторы того времени, например, братья Александр и Леонтий Бенуа, близкие друзья директора гранильной фабрики. В нашей семье сохранилась картина одной из дочерей, написанная на деревянной дощечке, размером 45–20, масляными красками. На время написания картины девочке было менее пятнадцати лет.

Позже А. Л. Гун женился на гувернантке из Англии, которая стала матерью Кирилла Андреевича и Леонтия Андреевича. Их мать звали Дагмара Карловна.

Леонтий Андреевич Гун

Младший сын архитектора Леонтий Андреевич Гун (1901–1954) прожил трудную жизнь, испытал на себе ужасы сталинского террора. О его судьбе в нашей семье ничего не было известно. Сведения о нем я нашла на сайте школы Карла Мая, где сказано, что Л. А. Гун числился в этом учебном заведении с 1912 по 1917 год [18].

В это время мой прапрадед уже переехал из Петергофа в Петербург и жил на Аптекарском проспекте.

В электронном архиве научно-информационного центра «Фонд Иофе» я нашла информацию о Гуне Леонтии Алексеевиче. Здесь указывается другое отчество, но с большой долей вероятности, можно сказать, что это наш родственник. После окончания войны Леонтий Гун проживал по адресу Бронницкая улица, д.14а, кв. 9, заведовал электротехнической лабораторией Химико-технологического института им. Ленсовета. 10 августа 1945 года его арестовали по приговору военного трибунала войск НКВД, по статье 58-10 ч. 2 и 59-6 УК. Его обвиняли в пропаганде или агитации подрыва Советской власти. В сентябре 1945 года он был осужден к 10 годам в исправительно-трудовом лагере и последующим поражением в правах сроком на 5 лет. В постперестроечное время был реабилитирован Постановлением Санкт-Петербургского городского суда от 10.02.1993 г. за отсутствием состава преступления. Леонтий Андреевич Гун умер 30 мая 1954 года, место захоронения не известно [20].

Кирилл Андреевич Гун

Лучше всего мне известна судьба моего прадеда, Кирилла Андреевича Гуна (1898–1983). В детстве он мечтал стать художником. В 1907 году он поступил в Петергофскую гимназию императора Александра II, но окончить ее не смог, потому что семья в 1911 году переехала в Петербург [6, с. 54]. По конкурсу отметок Кирилл Андреевич поступил в Александровский лицей, который считался одним из самых престижных высших учебных заведений. Жизнь в культурной столице все больше приобщала Кирилла к искусству. Он продолжал заниматься живописью, посещал петроградские театры, произведшие на него неизгладимое впечатление.

Постепенно интерес к художественной карьере сменился любовью к драматическому искусству. Но из-за происшествия в 1916 году, в результате которого Кирилл Андреевич разбил себе ноги и был вынужден восстанавливаться на протяжении трех лет, пришлось отложить свои мечты. За это время в стране произошла революция, лицей был закрыт, и Кирилл вместо полагавшегося гражданского чина в 1918 году получил аттестат I разряда [21]. Это был неофициальный выпуск лицеистов, на сайте учебного заведения информации о нем нет. Однако у нас дома сохранилась фотография тех выпускников. После восстановления в 1919 году Кирилл Андреевич Гун поступил в Петроградскую школу русской драмы на занятия Владимира Николаевича Давыдова. В школе также преподавали Юрий Михайлович Юрьев и Евтихий Павлович Карпов. Во время учебы педагоги привлекали Кирилла Андреевича к выездным спектаклям актеров Петроградского государственного академического драматического театра, где юноша играл заметные роли: Шприха в

«Маскараде» М. Ю. Лермонтова, Миллера в «Коварстве и любви» Ф. Шиллера, Чугунова в «Волках и овцах» А. Н. Островского, князя Гаврилу в «Дядюшкином сне» Ф. М. Достоевского. С 1927 года Гун работал в нескольких театральных коллективах: центральном клубе «Строитель», театре Госнардома, на Госэстраде, в Ленинградском колхозном театре обкома ВЛКСМ, театре комедии ЛОУТА, театре ЛОСПС. В 1937 году Кирилл Андреевич вступил в труппу Ленинградского театра комедии, в которой он исполнил ряд характерно-комедийных ролей. Некоторые из них: Октавю («Собака на сене» Л. де Вега), священник («Двенадцатая ночь» В. Шекспира), Макаров («Простая девушка» В. В. Шкваркина) и другие.

Началась Великая Отечественная война, из-за проблем со здоровьем Кирилл Андреевич не смог эвакуироваться вместе с театром и ему пришлось остаться в блокадном Ленинграде. Весной 1943 года, после лечения, он смог вернуться на сцену и сыграть коменданта в пьесе Л. Н. Леонова «Нашествие» в организованном в условиях блокады городском театре, а после решил вступить в ряды РККА [21]. Но и там он оставаться долго не смог, всего лишь около года, впоследствии был демобилизован, а в октябре 1944 года вступил в актерский штат киностудии «Ленфильм». В силу его происхождения, Кириллу доставались небольшие роли. Он играл иностранцев, чиновников, представителей высших сословий. Одни из самых ярких и запоминающихся ролей: лекарь («Пирогов»), английский ученый («Академик Иван Павлов»), букинист («Приключения принца Флоризеля»), кассир («Игрок») и многие другие. Из-за дворянского прошлого Кириллу Андреевичу не приходилось рассчитывать на большие роли, поэтому он начал искать себя в чем-то новом. С июля 1948 года он решил попробовать себя в качестве гримера. Однако продолжал сниматься в кино, а работал гримером лишь в самодеятельности.

Кирилл Андреевич был женат на Софье Исаковне (?–1946). В их семье родилась дочь Лина (25.10.1937 – 06.01.2006). У них была квартира в доме на Гороховой улице, после войны в их распоряжении осталось только две комнаты. Кирилл Андреевич с дочерью пережили блокаду. Там же в 1976 году родился сын Лины Кирилловны, Кирилл Маркович Гун. Так как у Кирилла Андреевича не было сыновей, фамилия перешла к Кириллу Марковичу от матери – Лины Кирилловны. Мой папа рассказывал, что Кирилл Андреевич получил прекрасное образование, знал несколько языков, на английском и немецком разговаривал, как носитель языка, поэтому и дома со своей семьей общался на чистом английском языке.

Кирилл Андреевич прожил долгую, непростую, но прекрасную жизнь. Умер 31 октября 1983 года естественной смертью. Похоронен в колумбарии кладбища Памяти жертв 9 января. С

конца 1990-х годов, когда колумбарий стал разрушаться и варварски уничтожаться, блоки с захоронениями были демонтированы и свезены на задворки кладбища, где и находятся до сегодняшнего дня. Большинство урн было перезахоронено родственниками в новый колумбарий или в родственные могилы, но урна с прахом К. А. Гуна находится на прежнем месте.

Память об Андрее Леонтьевиче Гуне

Дома у Кирилла Андреевича сохранился орел, который сделали ученики Института инженеров путей сообщения для своего учителя – А. Л. Гуна. Фигура орла небольшая, 10 см в высоту, сделана из бронзы, детально прорисованы перья птицы. Она стоит на постаменте в виде скалы из гранита 15–15 см, на двух ногах, гордо расправив крылья. На постаменте расположена бронзовая дощечка с подписью: «Благодарные студенты И.И.П.С. выпуска 1909 года профессору Андрею Леонтьевичу Гуну». Вместе со статуей орла дома сохранился деревянный старинный ящик с образцами пород камней, которые были обработаны на фабрике. На некоторых сохранились надписи, которые были сделаны до революции, об этом свидетельствует буква «ъ» в словах. Мы не можем с уверенностью сказать, кто и с какой целью пронумеровал их и надписал.

Вот некоторые из них:

3. Порфирь темнозеленый	12. Мраморь жилистый итальянский	26. Нефритъ зеленый
4. Порфирь краснопятнистый	14. Порфирь красный	27. Гранить серожелтый
6. Гранить	15. Порфирь зеленый	28. Порфирь серый сибирский
7. Шпагатъ Амазонский	18. Мраморь темно серый	29. Полевой Шпатель
7. Шифферъ зеленый	19. Мраморь красный пятнистый	38. Нефрит Мургобский светло зеленый, близъ Китая
8. Брекчия зеленого цвета	22. Агатъ красногрязный сибирский	60. Аметистъ
10. Агатъ красный Уральский	23. Порфирь зеленый сибирский	Черный Графит. Из мостовой, Петергоф. Найден А. Л. Гуном на прогулке

Последнее примечание особенно ценно: оно подчеркивает внимание Андрея Леонтьевича к камням, которые всегда находились в его внимании, даже, когда он прогуливался.

В нашей семье эти предметы передаются из поколения в поколение, как память о нашем замечательном предке, о талантливом архитекторе, директоре Петергофской Императорской гранильной фабрики.

Использованная литература и источники

1. Гуцин В.А., Абасалиев Р.А. Петергоф в газетной хронике : в 2 т. – СПб. ; Петергоф : Нестор-История, 2012. – Т. 1. – 478 с.
2. Гуцин В.А., Абасалиев Р.А. Петергоф в газетной хронике : в 2 т. – СПб. ; Петергоф : Нестор-История, 2012. – Т. 2. – 527 с.
3. Гуцин В.А. История Петергофа и его жителей. Кн. 1. – СПб. : НИИХ СПбГУ. – 2001. – 512 с.
4. Гуцин В.А. История Петергофа и его жителей. Кн. 3 : Новый Петергоф. – СПб. : СПБНИИ РАН Нестор-История, 2005. – 559 с.
5. Гуцин В.А. История Петергофа и его жителей. Кн. 4 : Императорская гранильная фабрика. – СПб. : Нестор-История, 2014. – 320 с.
6. Гуцин В.А. Петергофская гимназия императора Александра II : к 120-летию со дня основания. – Петергоф, 1999.
7. Мавродина Н.М. Искусство русских камнерезов XVIII–XIX веков : каталог коллекции. – СПб. : Государственный Эрмитаж, 2007. – 560 с.
8. Максимова А. Новый расцвет Гранильной фабрики // Муниципальная перспектива. – 2020. – 12 февраля (№ 2). – С. 6.
9. Ферсман А.Е., Влодавец Н.И. Государственная Петергофская гранильная фабрика в ее прошлом, настоящем и будущем. – Петроград, 1922. – 94 с.
10. Весь Петербург на 1913 год : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – [СПб.] : издание А.С. Суворина, [1913]. – 850 с., 1877 стб. : ил., пл.
11. Весь Петербург на 1914 год : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга / под ред. А.П. Шашковского. – [СПб.] : издание т-ва А.С. Суворина – «Новое время», [1914]. – 906 с., 1999 стб. : ил., пл.
12. Весь Петроград на 1916 год : адресная и справочная книга г. Петрограда / под ред. А.П. Шашковского. – [СПб.] : издание т-ва А.С. Суворина – «Новое время», [1916]. – 924 с., 1984 стб. : ил., пл.
13. Миропольская Р.А. Архитекторы Петербурга : Андрей Гун // Научно-реставрационная фирма «МИР». – URL: <https://www.nrfmir.ru/en/content/arhitektory-peterburga-andrey-gun> (дата обращения: 16.10.2019).
14. Величкин С. Янтарная комната: история создания, цифры, факты и тайны // РИА «Новости» : [сайт]. – 29.04.2010. – URL: <https://ria.ru/20100429/227384217.html> (дата обращения: 15.11.2019).
15. Гун Андрей Леонтьевич // Российская Академия художеств : [сайт]. – URL: https://www.rah.ru/the_academy_today/the_

- members_of_the_academie/member.php?ID=52716 (дата обращения: 18.12.2019).
16. Смолич А. Архитектор Андрей Леонтьевич Гун // Александра Смолич : [личный блог]. – 26.03.2012. – URL: <https://amsmolich.livejournal.com/54279.html> (дата обращения: 13.11.2019).
 17. Смолич А. Андрей Леонтьевич Гун. Петергофская гранильная фабрика // Александра Смолич : [личный блог]. – 29.03.2012. – URL: <https://amsmolich.livejournal.com/55181.html> (дата обращения: 05.10.2019).
 18. Школа Карла Мая. Гун Леонтий Андреевич // Школа Карла Мая : [сайт] / Общество друзей школы Карла Мая «Майский жук». – URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=941 (дата обращения: 10.12.2019).
 19. Штиглиц М.С. Петергофская гранильная фабрика // Адреса Петербурга. – 2018. – № 66/80. – URL: <https://adresaspb.ru/category/structures/building/petergofskaya-granilnaya-fabrika/> (дата обращения: 25.11.2019).
 20. Электронный архив научно-информационного центра «Фонд Иофе» (Санкт-Петербург) // URL: <http://arch.iofe.center> (дата обращения: 27.12.2019).
 21. Гун Кирилл Андреевич // Всегда со мною... : авторский проект Алексея Тремасова. – URL: <http://a-tremasov.ru/gun-kirill-andreevich> (дата обращения: 28.12.2019).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа IX Региональной олимпиады по краеведению (8–11 классы)

Секция 1

УЧАЩИЕСЯ 8 КЛАССОВ

Члены жюри секции: Елена Петровна Клишина – педагог дополнительного образования ГБУ ДО ДДИУТ Московского района, педагог-организатор ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; **Светлана Дмитриевна Мангутова** – к.п.н., ведущий библиотекарь ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; **Алексей Дмитриевич Ерофеев** – член городской Топонимической комиссии, журналист, ведущий программы радио Петербург.

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Белов Александр	ГБОУ школа № 512 Невского района	Славянская улица – Шлиссельбургская дорога в деревне Усть-Славянке
Вахонина Мария	ГБОУ школа № 65 Выборгского района	Вахонин Николай Иванович: жизнь и судьба сержанта – хлебопекаря Великой Отечественной войны
Говорова Арина	ЦОДИВ, клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Мы живём вдали от Ленинграда дружною веселою семьёй...» Судьбы сотрудников Легаевского интерната
Илларионова Анастасия	ГБОУ гимназия № 293, клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Звёздный путь к сердцу России» (жизнь и деятельность астронома и геодезиста Ф. Ф. Витрама)
Конев Николай	ГБОУ СОШ № 106 Приморского района	Этнографические коллекции из Первой русской кругосветной экспедиции
Литвинская Ева	ГБОУ школа № 555 «Белогорье» Приморского района, клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Первый этап эвакуации детского сада № 20 Октябрьского района города Ленинграда в годы Великой Отечественной войны
Суслова Екатерина	ГБОУ лицей № 265, ГБУ ДО ДДИУТ «На Ленской» Красногвардейского района	Бэр – ученый-энциклопедист
Хитрик Артур	ГБОУ школа № 50 Петроградского района	Предвоенная деревянная школьная сумка из фондов школьного музея

Секция 2

УЧАЩИЕСЯ 8 КЛАССА

Члены жюри секции: **Анна Евгеньевна Ладыжникова** – руководитель, педагог дополнительного образования клуба «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; **Кирилл Александрович Страхов** – помощник депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга, краевед; **Александр Викторович Чернега** – член правления Союза краеведов СПб, директор туристической компании «Прогулки по Петербургу», издатель.

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Аксенова Полина	ГБОУ гимназии № 209 «Павловская гимназия», клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Спасенное детство Исаака Матвеевича Юдбаровского
Белобородова Елизавета	ГБОУ школа № 683 Приморского района, клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	О чем рассказали списки Легаевского интерната, или Список как исторический источник
Воробцова Полина	ГБОУ школа № 65 Выборгского района	Шабалов Николай Павлович: легенда педиатрии
Зуева Нина	ГБОУ школа № 534 Выборгского района	Альберт Серафимович Чаркин: «...Запечатлеть камень истории...»
Крюков Дмитрий	ГБОУ гимназия № 402 Колпинского района	«И я была на той войне»
Михайловский Сергей	ГБОУ СОШ № 151, ГБУ ДО ДД(Ю)Т «На Ленской» Красногвардейского района	Защитник родного неба Сергей Макарович Иванов
Сперанская Яна	ГБОУ школа № 556 Курортного района	Память о блокаде
Старикова Татьяна	ГБОУ школа № 324, клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Жизнь длиною в век. Биография Старикова Ивана Антоновича

Секция 3

УЧАЩИЕСЯ 9 КЛАССОВ

Члены жюри секции: **Ирина Григорьевна Васильева** – методист, педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; **Илья Владимирович Ваганов** – старший преподаватель кафедры истории Отечества ПСПбГМУ им. академика И.П. Павлова; **Мария Михайловна Осипова** – педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; **Сергей Анатольевич Назаров** – краевед, журналист, историк.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Алексеевкова Анастасия	ГБОУ школа № 560 Выборгского района	Неизвестный комиссар (страницы биографии ко- миссара 5 дивизии народного ополчения Н. А. Смирнова)
Любова Зульфизар	ГБОУ школа № 496 Московского района	Свадьбы в блокадном Ленинграде
Басукинский Даниил	ГБОУ школа № 50 Петроградского района	Календарь учащихся «Товарищ» из фондов школьного музея
Дюкова Елизавета	ГБОУ гимназия № 446 Колпинского района	«Не забывай в пурге времён...»
Калинина Марина	ГБОУ СОШ № 233, ГБУ ДО ДД(Ю)Т «На Ленской» Красногвардейского района	Проблема атрибуции фарфоровой коллекции китайской династии Мин
Марченко Илья	ГБОУ школа № 450 Курортного района	Страницей Гоголя ложится Невский...
Недбайлова Софья	ГБОУ гимназия № 42, Юношеский университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Дело Бруснициных
Овчаренко Надежда	ГБОУ лицей № 533, Юношеский университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Забытые имена: отец и сын художника Ваулины
Петрова Екатерина	ГБОУ школа № 408 Пушкинского района	«Из блиндажей мы видели руины» (Военный период в творчестве В. А. Рождественского)
Сидоранова Анастасия	ГБОУ школа № 316, клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Георгий Альфредович Розай. По следам жизни одного танцора
Смирнова Дарья	ГБУ ДО ДД(Ю)Т «На Ленской» Красногвардейского района	Династия купцов Абрикосовых
Спирин Георгий	ГБОУ школа № 621 Колпинского района	Страницы жизни и боевого пути Александры Ермолаевны Цветковой
Хробрых Валентина	ГБОУ «Академическая гимназия № 56», клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	История купеческой династии Башкировых

Секция 4 УЧАЩИЕСЯ 10 КЛАССОВ

Члены жюри секции: Татьяна Геннадьевна Смирнова – зав. сектором исторического краеведения и школьного музееведения, руководитель ГУМО ГБНОУ «СПб ГДТЮ»; **Валентина Андреевна Чикина** – научный сотрудник Архива Русского географического общества; **Альбина Вячеславовна Князькина** – руководитель РОО «Институт Петербурга».

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Андреева Анна	Вторая Санкт-Петербургская гимназия, Юношеский университет Петербурга ГБНОУ «СПб ГДТЮ»	Алексей Алексеевич Ильин и его картографические заведения
Васильева Анастасия	ГБОУ лицей № 445, ГБУ ДО ЗДТ Курортного района	Эхо войны
Гун Олеся	ГБОУ Петергофская гимназия императора Александра II	Семья Гунов в Петергофе
Журавлев Даниил	ГБОУ гимназия № 74 Выборгского района	Д. А. Лачинов – ученый и изобретатель
Клюбина Александра	ГБОУ школа № 332 Невского района	Следы Великой Отечественной войны: линия обороны «Ижора»
Копылова Мария	ГБОУ гимназия № 73 (Ломоносовская) Гимназия Выборгского района, Юношеский университет Петербурга ГБНОУ «СПб ГДТЮ»	Адресная табличка как краеведческий документ (история адресных табличек Петербурга)
Куричкис Владислав	ГБОУ школа № 588 Колпинского района	«Всем хорошим во мне я обязана школе...»
Нарваткина Валерия	ГБОУ СОШ № 695 «Радуга» Пушкинского района	«Волчий сад в Царском Селе»
Платовских Полина	ГБОУ школа № 111 Калининского района	Гимназия и училище (учебные годы представителей семьи Чернышовых)
Сганга Кьяра	ГБОУ школа № 553 Фрунзенского района, клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПб ГДТЮ»	Исследователь Севера Николай Васильевич Пинегин
Ситников Даниил	ГБОУ СОШ №376 Московского района, клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПб ГДТЮ»	Анатолий Николаевич Рябинин (1874–1942): жизненный путь учёного и поэта
Шарова Ксения	ГБОУ гимназия № 24 Василеостровского района, клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПб ГДТЮ»	Балерина Вера Костровицкая: блокадные страницы биографии

Секция 5

УЧАЩИЕСЯ 11 КЛАССА

Члены жюри секции: Елена Павловна Стальмак – педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; Кирилл Борисович Назаренко – д.и.н., профессор Института истории СПбГУ; Алёна Александровна Суторовская – методист, экскурсовод музея А. А. Ахматовой в Фонтанном доме; Наталия Юрьевна Зенич – старший методист ФГКОУ «Нахимовское ВМУ МО РФ».

Фамилия, имя	Школа, класс, район	Тема
Бехелева Валерия	студентка 1 курса Петровский колледж, Юношеский университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Дом на набережной реки Фонтанки, 35 в истории и культуре Петербурга
Богданова Инна	ГБОУ гимназия № 406 Пушкинского района	Загадка лейтенанта Даниила Германа-Гранина
Грабарева Екатерина	ГБОУ школа № 222 «Петришуле», клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Петербургские страницы жизни основоположника современной сейсмологии Б.Б. Голицына
Губайдулина Эльвира	ГБОУ школа № 450 Курортного района	Неуёмный и неукротимый (из биографии Николая Евгеньевича Слупского)
Егорова Анна	ГБОУ школа № 411 «Гармония» Петродворцового района	История книги А.Ф. Гейрота «Описание Петергофа» с 33 гравюрами
Ибрагимова Елизавета	ГБОУ школа № 111 Калининского района	Дом на Английском проспекте – дом с историей
Кази Илона	ГБОУ гимназия № 74 Выборгского района	Архитектор Василий Агатович Пруссаков – 165 лет со дня рождения
Сергеева София	ГБОУ школа № 407 Пушкинского района	Василий Петрович Бухтеев

Список сокращений

ГДТЮ – Городской Дворец творчества юных

ГМИ СПб – Государственный музей истории Санкт-Петербурга

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГО – Русское географическое общество

РГПУ – Российский государственный педагогический университет

РНБ – Российская национальная библиотека

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга
на IX региональной олимпиаде по краеведению (8-11 классы)
2020 года

Выпуск 29

**НАСЛЕДНИКИ
ВЕЛИКОГО ГОРОДА**

Подписано в печать Формат бумаги 84 × 108 $\frac{1}{32}$
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 7,14 уч. изд. л. Тираж 450 экз. Заказ №
Отпечатано в